

Павел Фёдорович Корюгин

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

Стихотворения

Поэмы

Проза

Ухта
УГТУ
2023

УДК 82–1
ББК 84(2=411.2)6
К 70

Корюгин, П. Ф.

К 70 Утренняя молитва. Стихотворения. Поэмы. Проза / П. Ф. Корюгин. – Ухта : Изд-во УГТУ, 2023. – 300 с. – Текст : непосредственный.

Сборник приурочен к 75-летнему юбилею Павла Фёдоровича Корюгина (1948–2006), геофизика, поэта, руководителя литературного объединения г. Ухты с 1997 по 2005 год.

С 1980 года стихи и очерки Павла Фёдоровича публиковались на страницах газеты «Ухта», в городских и республиканских изданиях, коллективных поэтических сборниках. В 1990 году вышел в свет его первый и единственный прижизненный авторский сборник «Час прозрения».

В своём творчестве Павел Фёдорович раскрывается как пытливый философ, чуткий созерцатель жизни и природы, романтик, умеющий разглядеть высокое в обыденном. В данный сборник вошли произведения из разных циклов, написанные в разные периоды жизни. Проза публикуется впервые. Также приведены воспоминания его друзей и коллег по перу, в том числе тех, кому он как мудрый наставник помог раскрыть свой поэтический дар.

Составители выражают благодарность Ухтинскому государственному техническому университету за помощь в издании сборника.

УДК 82–1
ББК 84(2=411.2)6

Составители: Н. П. Демченко, В. Т. Фёдоров.
Редактор: А. М. Плякин.
Технические редакторы: К. В. Зелепукина, А. Р. Шигапова.
Оформление обложки: И. П. Бенько.

© Корюгин П. Ф., 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	10
-----------------	----

СТИХОТВОРЕНИЯ

ДОЛИНУ СКОРБИ ПРОХОДЯ	11
За тех, кто в «поле»!	11
В геологии женщины	12
Молодость	12
Одиночество	13
Тревога	13
Годен к строевой	14
У креста	15
Красный зверь	17
Провинция	18
Предрассветное	20
Врата	22
Пещерные люди	25
Пассажиры	26
Игра	27
Пасынки	28
Тризна по врагу	29
Корабль дураков	29
Размышление о предках	30
Птица-тройка	31
Разорвать время	32
Отравленные	32
Эй, на корабле!	33
Элегия потерянному другу	36
Аутодафе	38
Жалоба Иова	39
Такая судьба	41
ПРОКЛЯТИЕ ТРИДЦАТЫМ!	43
Агасфер	43
Лейтенант	45
Политическая статья	45
Исполнение приговора	46
Старичок	47
Трусливые	49

Иконы и молитвы	49
Лента смерти.....	50
ПЛАЧ ПО ЯРОСЛАВУ	51
Духовный близнец	53
Похороны друга.....	53
Поминки	54
Барабашка	54
ПО МОТИВАМ П. НЕРУДЫ.....	56
Вопрос качества.....	56
Сирена	57
Дачный вес	58
С горки на горку	59
ДУМЫ О ДРУГЕ.....	60
Гадание по «Книге перемен»	60
Надежда.....	61
ПРИЗРАКИ АПОКАЛИПСИСА	63
Первая марсианская	63
Последний житель.....	66
Рельсовая война.....	67
Моя страна не слышала меня.....	67
Имаго	68
Искарриот.....	68
В чаще ночной	69
Эринии.....	70
НЛО-навты	70
Взаимосвязь	71
Урок	71
Бывший ангел	72
Долину скорби проходя.....	72
Исповедник	74
Воспоминание об Иове	75
Для чего я пишу.....	75
Жажущие чуда.....	76
Авторский вечер.....	77
Осознание себя	77
Проситель.....	78
КОСТЁР БЛАГОСЛОВЕНИЯ.....	82
Песнь ожидания.....	82
Св. апостол Павел о любви	82

ХОЗЯЙКА ТАЛИСМАНА	83
Алые паруса	83
Письмо	84
Встречай	84
Талисман	84
Собаке соседа	85
Мы прощались	86
Когда нет писем	87
Снега бредут по перевалу	87
Берегу	87
Я болен тобой	88
Предчувствие	89
Погибает любовь	89
Vide cor tuum	89
Поклонение	90
Сняты алые паруса	91
Прощание с поэзией	92
ИЗ РАЗНЫХ ЦИКЛОВ	95
Девчонка	95
Тебе – шестнадцать	95
С ТОБОЙ И БЕЗ ТЕБЯ	96
Тост для любимой	96
Ничего не сказал	97
Судьба	97
Всё, что люблю	97
Письмо	98
Сон о любимой	99
В три-двадцать августа	100
Коса	101
Ссора	102
Два огня	103
Лечу к тебе	104
Когда я возвращусь	104
Сонет о счастье	105
А ты и не знала	105
ЕДИНСТВЕННАЯ	107
Вызывание	107
Узнавание	108
Потеря	109

Соппротивление	109
Пришла	109
Вне времени	110
В последний раз.....	110
Газель.....	111
Масневи.....	111
Лик	112
Девушке-поэту.....	112
Разновременье	113
Телепатия	113
Голос без тела.....	114
Погружение.....	114
Взять тебя на руки.....	115
Доброе утро.....	115
«Сверкало радостное утро...».....	116
Где моя радость?	116
Рисовальщик	117
Земная боль	117
Гандхарва	118
Два лика.....	118
К моей Лану	119
Закончим путь.....	120
Среди толпы привычно серой.....	120
Нельзя быть без тебя.....	121
Белый ангел.....	121
Только лишь плоть.....	121
«Пространство сжал я, и тотчас...».....	122
В мире подлунном.....	122
Обряд.....	123
Живи!.....	123
ПРЕОБРАЖЕНИЕ	124
Вижу	124
Восстановление	124
Явление.....	124
О спасении	125
Просветление	125
«Собираю подростков и радуюсь я...»	125
Страж света	126
Перед творением	128

К полигимнии	129
Преображение	130
Наследие мира сего	133
Не сплю я ночами	134
Ритуал	135
Строфы	136
Поэт и божество	137
Воплощение	141
Проснувшийся на миг	142
Читая новый завет	142
Земное и небесное	143
Транс	144
Ночные философы	144
Люди	145
Когда-нибудь	145
О дуализме	145
Час прозренья	146
ПОД ДЕСНИЦЕЙ ЭЛОХИМА	147
Псалом 1	147
Псалом 3	147
Псалом 25	148
Псалом 138	148
Волны	150
Вестник	150
Машинный вальс	153
Говорит Уолт Уитмен	154
Монолог глины	156
Повсюду	156
Одиночество	157
Ашрам поэта	157
Грешный святой	158
Сонет о грехе	159
Маха – мантра	159
Утешение	160
Тетрина	161
Путник на ночной реке	161
Утренняя молитва	162
Лучше попросту жить	162
Моя муза	163

Будешь ли светел.....	163
Атлант.....	164
О, сны мои!	164
Мантра ченреза	166
Просветлённый.....	166
Так и будем	167
Слово	167
Жизнь.....	168
Призвание поэта.....	168
Дары востока.....	169
Облачко	170
Поэт.....	170
О вечном.....	171
Воспоминание.....	172
Книга пророка.....	172
Город.....	173
Восхождение.....	174
Несозвучие	175
Парки	175
Конец сансары	176
Возращение	176
Теопнейстия	177

ПОЭМЫ

Сон о колеснице	180
Свет и боль тёмного века.....	189
Сфинкс.....	204
Джон Кили	209
Новое зрение	217
Глава 1. Глас из бездны	217
Глава 2. Страж света.....	220
Глава 3. Тайная явь	222
Глава 4. Старая кормилица	227
Глава 5. Враг рода человеческого	229
Глава 6. Первая битва	233
Глава 7. На пути познания	237
Чаша Мельхиседека	241
Восхождение Давида.....	253

ПРОЗА

Эдем без нас неполон.....	257
Преодоление одиночества	260
Звёздный шорох	270

ВОСПОМИНАНИЯ О ПАВЛЕ ФЁДОРОВИЧЕ КОРЮГИНЕ

Людмила Дудина.....	277
Виктор Антонович Карелин	279
Владимир Петрович Аншуков	283
Нина Духовская	284
Дарья Снегирёва	287
Инга Карабинская.....	289

Му "Центральная библиотека
МОГО "Ухта"

От автора

*Верной и мудрой спутнице в моём земном пути, суженой моей
Валентине Ивановне с любовью и благодарностью
за безграничное терпение и понимание – посвящаю эту книгу,
своеобразный творческий отчёт за многие годы...
Спасибо, милая! Люблю тебя вечно!*

Родился в 1948 г. в Кировской области в крестьянской семье. С шестнадцатилетнего возраста вся моя жизнь тесно связана с полевой геофизикой. По профессии – инженер-геофизик, занимался электроразведкой. Писать стихи начал в тринадцать лет, прозу – в двадцать три, впервые опубликовался в шестнадцать. На Север, в Ухту, приехал в 1971 году, здесь живут многие мои друзья и враги, здесь испытал высшие состояния сознания, понял, как это прекрасно – быть человеком на Земле! В 1971–87 годах пережил духовный и творческий кризис, из которого вышел совершенно обновлённым. В начале 90-х окончательно сформировался как мыслящий человек. Спокоен, потому – счастлив. Изучаю прошлое, современное и будущее состояния человечества, его культуру. В 1990-м выпустил самиздатом в свет первый и пока единственный стихотворный сборник «Час прозрения», в 1993-м участвовал в коллективном сборнике ухтинских авторов «Отражение».

СТИХОТВОРЕНИЯ

ДОЛИНУ СКОРБИ ПРОХОДЯ...

Стал я сам для себя великой загадкой и спрашивал душу свою, почему она так печальна и почему так смущает меня; и не знала она, что ответить мне.

Св. Августин. Исповедь

Душа моя страданиями человеческими уязвлена была.

А. Радищев

За тех, кто в «поле»!

Бывшим коллегам по полевой геофизике

Метель кружится за окном,
А мы её не замечаем:
Опять за праздничным столом
Мы нашу юность вспоминаем.
В бокалах крепкое вино,
А что-то песни не поются, –
Все разговоры про одно:
Нам в «поле» больше не вернуться.
– А помнишь, друг?..
– А знаешь, брат? –
Плывут слова неторопливы, –
– Как, чёрт возьми, был мир богат,
А я в нём был таким счастливым!..
– Ну будет, будет, мужики!
Не надо киснуть понапрасну.
Всё так: мы – не полевики,
Но наша жизнь была прекрасна!
Мы не сдавались, мы ушли,
Ушли, кто – так, кто – в командиры,
Нас всех из «поля» увели
Болезни, жёны и квартиры.
Лежат в кладовках рюкзаки,
Как память о минувшей доле.
Осталось братство, мужики!
И тост святой:
– За тех, кто в «поле».

В геологии женщины

В геологии женщины –
Не в уютном доме.
В геологии женственность
Вроде бы ни к чему;
Ни к чему обаяние,
Ни к чему красота.
А дороги – страдания,
Суета, маета.
И работа – невидная,
И оклад невысок,
И тебе не завидует
Из соседок никто.

И мужья неуёмные
В городах не живут.
Это трудно: быть жёнами,
Забывая уют...
Но приходят отважные
С красотой-добротой,
Но проходят отважные
Этот путь непростой,
Все превратности здешние
Почитают за честь.
Как прекрасно, что женщины
В геологии есть!

1976

Молодость

Н. И. Скутиной

Мчались конники в боях,
Пронесли вдаль знамёна.
Злая молодость моя
Этим конникам знакома:
Так же каждый день в бою,
Те же битвы с подлецами.
Эту молодость мою
Конники прожили сами.
Было – шашки наголо,
Ныне – слово пулей жжётся.
В общем, так же напролом
Наша молодость несётся!

Бьюсь, ругаюсь и живу
Жизнью самой напряжённой.
Где-то рухну на траву,
Лютым врагом сражённый.
И тогда, под шум берёз
Прошепчу себе устало:
– От того, что век мой нёс,
Жизнь моя не отставала!
И услышу в полусне:
– Век вперёд всё так же рвётся!
Сердце конника во мне,
Угасая, встрепенётся.

1967

Одиночество

*Убожество нашей жизни состоит в том,
что почти никто из нас не имеет товарища.*

Р. Роллан. Жан-Кристоф

Внимание, время, остановись!
Замри в распутившихся листьях берёзовых!
Пусть мысль беспрепятственно лезет ввысь,
Оставив внизу оболочку розовую.
Пусть в самую суть вонзится стрелой,
Слепяще сверкая в душе догорающей.
Сегодня я сам становлюсь не свой:
Мне не хватает любви и товарища.

Любовь я выстрадал, это – моё.
Я эту боль годами исследую.
Но нету друга, с кем я бы вдвоём
Жизнь делил, как сигарету последнюю!

Нет его! Нет! Догорает свеча...
К дьяволу все стихи и пророчества!
И тягостный груз на моих плечах
Ещё тяжелее от одиночества.

1968, ЗабВО

Тревога

А. Краеву, в дни совместной службы

*Любимые, не забывайте нас!
Мы прошлого не предали ни разу.
Мы на посту. Мы просто ждём приказа
И возвратимся, выполнив приказ.*

И. Жданов

Была в казарме тишина,
Но вот объявлена тревога.
И нас выводит старшина
Во мглу и слякоть на дорогу.

Ещё в глазах остался сон,
А мы спешим к машинам ждущим.
И призрачен, и невесом
Рассвет, за нами вслед бегущий.

Ещё последняя звезда
Горит зеленоватым зноем,
А мы на боевых постах
С волнением ждём сигнала: – К бою!

Мы ждём приказ: вот он придёт,
И вот сейчас же, на рассвете
За хмурый горизонт уйдёт
Мечом карающим ракета.

Спустя коротких полчаса
Обрушится палящим жаром –
И смолкнут чьи-то голоса
В той стороне земного шара.

Лишь чей-нибудь раздастся вскрик.
Угаснут солнечные взгляды.
Расплавятся домов громады –
И всё в один короткий миг!

Война!.. И тысячи солдат
Вот так же выполняют приказы –
И выпадет на Землю град
Всепроникающей заразы.

И сразу – кончится Земля!
Исчезнет мир на полдороге...
... Тревогой пахнут тополя,
Моря и те шумят в тревоге.

Тревога в лицах и рассветах.
Тревога в полосах газет,
Покоя нет. Покоя нет
На нашей маленькой планете...

Мы держим Смерть в своих руках,
Её служители невольны.
Агрессоров приводим в страх.
Мы служим ей. И сердцу больно...

1969, ЗабВО

Годен к строевой

А. Краеву

На полях покатых – ветер озорной.
Ждёт в военкоматах возраст призывной.
Каждому повестка вручена и, значит,
Мама временами безутешно плачет:
Провожает сына хоть не на войну,
Но ему ж впервые охранять страну.
Взгляды у девчонок налились слезой:
Увезёт любимых эшелон сквозной!
Кончился последний месяц гулевой.
Запись в формулярах: «Годен к строевой».
Годен к испытаньям, к бешеной метели.
Годен, чтобы пули над тобою пели.
По тревоге с койки спрыгнув ошалело,
Годен быть готовым на любое дело.

Годен быть готовым ко всему на свете:
Годен спать ложиться только на рассвете,
От бессонниц лютых скомкав папиросу...
Годен быть солдатом! Нет тебе износу!
На крыльце сегодня собрались ребята,
Годные к великой участи солдата.
У военкомата всё стоят, гадают. –
Ничего о службе мальчики не знают!
Я на их томленье весело смотрю.
– Бросьте вы сомненья! – им я говорю. –
Не грустить бы надо, парни, в этот час.
Много ещё будет нового у вас:
Встречи и разлуки, радости побед,
К солнечному детству поворота нет.
Впереди дороги так шероховаты!
Призваны мальчишки, а придут солдаты;
На лице свернутся первые морщины;
По домам вернутся взрослые мужчины.
Каждому украдкой хочется вздохнуть.
Выйду проводить их: – В добрый путь!
Катит в эшелонах возраст призывной,
Каждый из вагона годен к строевой.

1971, ЗабВО

У креста

М. Н. Глиновой

Новый путь человечеством начат
С одобрения казни Христа...
Неутешная больше не плачет
У залитого кровью креста.
Всё сидит и жалеет, жалеет...
Всё про Сына, которого нет...
На кресте Он недвижно белеет...
Что без Сына закат и рассвет!..
Больно колет глаза от песчинок,
Вдалеке видны пятнышки крыш.

Этот мёртвый, распухший мужчина –
Неужели тот самый малыш,
Что сосал её грудь, улыбался,
Подрастал, нищетою тесним.
С тупоумными братьями дрался
За собаку, дружившую с Ним?..
Как ходил Он, сомнения сея!
Как друзей на ночлег приводил!
Как дразнил мудрецов-фарисеев,
Как на диспуте их победил!..
Умер!.. Больше такого не будет...
Равнодушно смеялись окрест
Те по-детски жестокие люди,
Что Его провожали на крест.
Подбегали, камнями метя,
Норовили в лицо да в висок,
И вопил о немедленной смерти
Из весёлой толпы голосок.
...Офицер заорал, словно режут.
Вот и кончился путь, наконец!..
С осуждённого сняли одежду,
Нацепили терновый венец.
Встал Он перед толпою, щедушный,
Даже будто прозрачный насквозь.
Вздрыгнул, руки раскинул послушно,
Подставляя ладони под гвоздь...

2

Мы живём слишком малые сроки,
Нас в спокойствии нашем не трожь!
Как мы, люди, бываем жестоки,
Если кто-то на нас не похож!
И осудим, и помнить не станем,
Ничего, что погублены зря! –
Потому-то в Ухте, в Магадане,
Как Голгофы, стоят лагеря.
Мы слова произносим пустые,
Наши речи ручьями журчат,
А несчастные девы Марии
Под крестами бесслёзно молчат.

Они слышат сквозь облако пыли
Оправданье, что цель-то свята...
Что Христа не подумав казнили...
Что и не было вовсе Христа...

1986, 2000

Красный зверь

(по мотивам Откровения Иоанна Богослова)

Красный Зверь о семи головах
Выползает из синего моря.
Люди, враз позабыв про дела,
Подбегают с игрою во взоре.
Обступили толпой Чужака,
Над его потешаясь уродством.
Позабыли гордыни века
И былое своё благородство.

Красный Зверь о семи головах
Чешую железной бряцает.
Поселился в незрелых умах,
Всё святое собой отрицает.
Люди пляшут и песни поют,
Растеряли привычные связи.
Друг друга едва узнают,
Перемазавшись кровью и грязью.

Красный Зверь о семи головах
Восседает в Совете на троне,
О заблудших вещает мирах,
Об единственно правой короне.
Люди щедро приносят дары,
Всё своё отдают, не жалея.
От несправедливой этой игры,
Становясь и грубее и злее.

Красный Зверь о семи головах
Насыщается мясом и кровью,
Но порою неведомый страх
Подступает к его изголовью.

Зверю видится там, вдалеке,
Гордый Всадник в сиянии злата, –
Меч мерцает в могучей руке,
Неминучая смерть супостата.
Красный Зверь о семи головах
Издыхает, он дышит всё тише.
Бог Ревнивый вступает в права,
Конь копытами топчет людишек.
Косят жалких болезни и глад,
Нет надежды на Божью пощаду:
Человек на Земле виноват,
Коль служил семиглавому гаду!..

Красный Зверь наконец-то зарыт,
Лишь доносится смрад временами.
Небо дрогнуло, Ангел трубит
Над опущенными головами.
Всех осилила тяжесть оков,
Бесполезно в молитвах усердье
Знать, за тьму одиноких веков
Бог утратил своё милосердье...

Красный Зверь о семи головах
Отличался неласковой хваткой,
Но на памятных ныне холмах
Собираются люди украдкой.
Бог проклял их уже навсегда,
Зверь им видится добрым и милым...
Светит Красного Зверя звезда
У священной отныне могилы.

1988

Провинция

Другу детства П. М. Булатову

Говорят: провинция, отсталость,
Скука, отупение, тоска...
Я ж горжусь, что столько мне досталось:
Голубая, тихая река,

Древняя деревня на пригорке,
Мост через поющий ручеёк,
Дым из труб, проснувшихся на зорьке,
Стук подков, скрипение сапог,
Говорок улыбчивых соседок,
Чей-то бас, ядрёное словцо,
Бойкие мальчишки-непоседы –
Вот моей Провинции лицо.
Здесь привольно. По полям пшеницы
Ветер гонит волны, не спеша.
Иногда мне это лишь приснится –
В городе потом мне не сидится
И в деревню просится душа.
В те края, где всё пропахло мятой,
Где сирень с черёмухой цветут,
Где поют в тиши ночной девчата,
Не грустя о городе ничуть.
Ранее сомнения не зная,
В сигаретном пляшущем дыму
Загрустил я вдруг об отчем крае,
Загрустил, не зная почему.
Загрустил однажды, и с собою
Эту грусть из года в год вожу...
Встречусь ещё, родина, с тобою,
На закаты руки положу,
Радугу весёлую поглажу,
Приласкаю чистую зарю,
Всё, что было горького – улажу,
А потом – поэму сотворю.
Расскажу неспешно, по порядку,
Как живут – не тужат земляки.
Оберну заветную тетрадку
Голубым туманом от реки.
Посвящу родным своим просторам, –
Я от них нисколько не отвык!
Пожалею горемык, которым
Не покинуть город ни на миг.

1971, Варнаки

Предрассветное

А. Козееву

*Бедняга Гильгамеш, ты так много
прошёл, чтобы узнать так мало!
Р. Силверберг. Царь Гильгамеш*

Которую ночь не спится, глаз во тьме не закрыть.
Жарко. Наверное, лучше было бы чуть остыть,
Попросту – успокоиться, и после – к Гекате плыть.

Обсчитывают в магазинах... Коллега вчера хамил...
Трёхтомник Шекспира отложен, а я опять не купил...
В кухне ремонт бы сделать, – на всё не хватает сил...

Мозг бестолково прокручивает калейдоскопы дня.
Он и живёт, покуда клетки его хранят
То, что уже не нужно в этот час для меня.

Если сейчас расслабить тело своё вполне,
Мысли отбросить напрочь, даже на самом дне,
Можно услышать Бога, прямо так, не во сне.

Он на меня прольётся, нечисть отступит прочь.
Больше никто не сможет, кроме Него, помочь.
Ночь – не в потёмках улиц, в душах ослабших ночь.

«Господи, день был труден, Ты уж прости грехи!
Был я корыстен дважды к людям, хотя плохим,
Зато помог беззащитному и написал стихи».

Снова общался с близкими меньше, чем мог, любя.
Мысли о смерти чёрные на части меня дробят...
Будут ли дни удачнее, чем тот, что прожил вчера?

Бог во мне не востребован. Я у окна сижу,
Чай пью, курю, итоги вот сам с собой подвожу:
Итоги неутешительны, коли верно сужу.

Что ж, не святой... И можно ли остаться святым в миру,
Если все люди включены в несправедную игру:
«Ты мне, я – тебе!» и прочую того же рода муру?

Легко рассуждать по бедности, деньги же любят счёт.
Пот и кровь неимущего тоже идут в зачёт.
Вот и маммона мыслится... Время вокруг течёт –

Хронос, людей поедающий, даже самих Богов.
Я в нём плыву, мешает лишь тяжесть моих оков,
Бьются потоки тяжкие в слабую плоть боков.

Время – река бескрайняя, всем предстоит тонуть.
Мучаемся, барахтаемся, не понимая суть.
Только родился – в волны, и сразу – в последний путь.

Деньги опять кончаются. Долго зарплату жду.
Жена говорит, что больше не может... А где найду
Ещё хотя б на неделю? Хоть занимай в аду.

«Все мы сидим в помойках, – горько сказал поэт¹, –
Но кое-кто видит звёзды!». Редчайшие видят Свет.
Виновны ли люди, если звёзд для них просто нет?

Я в Небо входил урывками, сколько хватало сил,
Там обнаружив Тайну, муку в себе носил.
И жарко молился Богу, дух бы мой воскресил.

Бог говорил не с неба, а изнутри меня.
Он приоткрыл мне Тайну, к Вечной Любви маня.
Чтобы я шёл уверенно, страданиями дух граня.

А ночь-то какая звёздная там, за стеклом окна!
Призраком виснет плоская, бледная немочь – Луна.
Симфония Сфер отрадная в сердце опять слышна.

Пробовал проповедовать: если я знаю суть, –
Спасу и утешу гибнущих, хотя бы кого-нибудь!
Люди меня не слушали. Пуст заповедный Путь.

¹ Оскар Уайльд (1854–1900), ирландский поэт, драматург и писатель.

Может, думал, попробовать стучаться в другую дверь?
Стихи в своём сердце выпестовал – на что они им теперь?
В каждом из нас рядом с Богом сидит неразумный зверь...

Тайна невыносима тем, кто в грязи живёт.
Думал, теперь очищусь, – вышло наоборот:
Всё, что во мне таилось, так из меня и прёт.

Хочется наслаждений, власти, любви, – всего!
«Дух, подожди, не мучай!» – тело просит его.
Какие уж телу звёзды, толку-то с них чего?

– Где вы, друзья-приятели? Страшен мне этот миг!
Сердце моё корёжит долгий безмолвный крик.
Раздвоенность в одиночестве я до конца постиг.

– Глянь-ка, святоша выискался! Будто не делал зла!
Разве осилил лестницу, что в Небо его вела?..
Нет, не осилил!.. Полпятого... Такие-то, брат, дела...

Выходит, опять торгуюсь, себя не во всём виню.
Слабость свою оправдываю по несколько раз на дню
И ныне едва доступен Божественному Огню...

Иаков боролся с Ангелом и чуть ли не победил,
А вот самому с собою бороться хватило б сил?..
Скажу, умирая: – Для этого на Землю я приходил!

Днём навестить приятеля: наконец-то он бросил пить!..
Потом на рынке картошку, хотя б полведра, купить...
И нет мелочей, всё – главное в мудрёной науке жить.

1995

Врата

(по мотивам романа Ф. Кафки «Процесс»)

*Со дней же Иоанна Крестителя и донныне
Царство Небесное силою берётся,
и употребляющие усилия восхищают его...
Мтф. 11,12*

Это место известно в любой из сторон:
Кто обижен – за правдой явиться спеши!
Неприступна стена, за стеною – *Закон*,
Справедливость и свет для усталой души.
И принёс поселянин обломки судьбы
Через тысячи вёрст, через горы и ночь.
И к привратнику он со слезами мольбы
Обратился, чтоб тот не преминул помочь.
Он измучен, он весь в лихорадке горит,
Ему надо пройти через эти врата!
Но суровый привратник ему говорит,
Что сегодня заветная дверь заперта.
– Дверь открыта! Но спорить с тобой ни к чему! –
Поселянин воскликнул, улыбкой светясь. –
Ты пропустишь позднее? – Привратник ему:
– Всё возможно, – ответил, чему-то смеясь.
– Дверь распахнута настежь, препятствия нет.
Краем глаза б увидеть желанный *Закон*!..
– Коль не терпится, что тебе этот запрет?
Проходи. Пусть с тобой разбирается *Он*!
Я – могуществен и поразить тебя рад,
А ведь я – лишь малейший из стражей Его,
Что внутри перед каждым покоем стоят
(Уже третий пугает меня самого!).
Ну никак вопрошатель такого не ждал!
Ведь на то и закон, что доступен для всех!..
И привратник пред ним молчаливо стоял,
Зябко кутаясь в чёрный обшарпанный мех.
Может, что-то ему там, в *Законе* видать?
Не пускает, так, значит, и быть посему...
Поселянин вздохнул и решил подождать,
И привратник скамейку придвинул ему.
День сменяется ночью и будущим днём,
Год за годом струятся, как в пальцах вода.
Поселянин горит негасимым огнём,
И уже начала забываться беда.
Так сидят у распахнутых настежь ворот.
И привратник, чтоб время скорее текло,
Безучастно вопросы свои задаёт,
Поселянин на них отвечает тепло.

И всё время, ещё не утратив задор,
Всё надеясь узреть справедливости свет,
На врата переводит любой разговор
И всё тот же опять получает ответ.
Брал с собою в дорогу он много добра
И пытается стража теперь подкупить...
– Ты даёшь, я беру, так же брал я вчера.
Ты не думай, мол, что-то сумел упустить.
День сменяется ночью и будущим днём.
Неотступно проситель на стража глядит,
Он и думает, думает только о нём,
С мыслью этой бодрствует, с нею и спит.
Есть ведь стражи другие у прочих ворот,
Но проситель настолько привык к своему,
Что его одного он порою клянёт
И осанну возносит ему одному.
Даже блох изучил он на шубе врага,
Слёзно их умоляет хоть чем-то помочь.
Меркнет свет перед ним и, послушна Богам,
Подступает к нему неизбежная Ночь.
Меркнет свет!.. И проситель, уставясь во тьму,
Видит: Свет негасимый струится из врат.
Прошептал он чуть слышно: – Одно не пойму...
Ты ответь мне душевно, мой недруг и мой брат...
– Ненасытный, не знающий мер человек!
Не уймёшься с вопросами ты отчего?
– Я у этих ворот просидел весь свой век,
Справедливости жаждал я больше всего!
Ты одно мне скажи... Как случилось: за те
Бесконечные годы, что здесь я нашёл,
Ни один из живущих на свете людей
За поддержкой Закона сюда не пришёл?
Почему обратился лишь я? Почему?..
И привратник, по старой привычке грубя,
Наклонился и крикнул: – Сюда никому
Входа нет, потому что врата – для тебя!
Ты их должен пройти, но не можешь теперь.
Так пойду и запру их. Лежи и молчи! –
И пошёл. И захлопнул заветную дверь.
И остались вдвоём в бесконечной Ночи.

Пещерные люди

(по мотивам диалогов Платона)

В зыбкое царство иллюзий ночных погружён,
Странный, бредовый увидел я сон:
Ад мне врата открывал
И – зазывал.

В свете купается ясный безоблачный день.
Ближнего леса кудрявится сень.
Высится рядом гора,
В склоне – дыра.

Молча, с большою опаской, в неё заглянул,
Вслушался в громкий не молкнущий гул:
Толпы представились мне
Там, в глубине.

Гневным богам эти люди возносят хвалу,
Сидя в пещере на грязном полу.
Верой объаты одной,
К Свету – спиной.

Истово смотрят туда, где местами видна
Гладкого чёрного камня стена.
В сумерках пляшут лучи.
Песня звучит.

Боги пещерные – отблески Света извне –
Пляшут неистово вдоль по стене.
Люди им жертвы несут,
Славят их суд.

Бьётся в конвульсиях тёмный, неправедный мир.
В нём отраженье – несчастных кумир.
А повернуться на Свет –
Смелости нет.

Вот и страдают, друг друга безжалостно бьют,
Им недоступны покой и уют,
Путы их держат в ночи,
Разум молчит.

Счастлив я, что на планете моей голубой
Я неразлучен, Единый, с Тобой!
Солнца не знать от кручин
Нету причин.

Что мне Твои отраженья в пещерах ловить?
Я – Человек, Путеводная Нить.
Ты, вековавший во сне,
Ожил во мне!

1992

Пассажиры

Яну Немешу, на память о дискуссиях

В тесной, крепко запертой каюте
Что-то приключилось опять:
В бестолковом, грубом неюте
Страшно жить, небезопасно спать.

Вот вскричал один, нетерпеливый:
– Несчастливыцы всех краёв и стран,
Коли кто желает быть счастливым,
Голосуйте! Я – ваш капитан!

Будут вам удобства, будут вина,
Пусть погибнут все мои враги!..
Вылепил штурвал из пластилина
И из пластилина – рычаги.

Управляет!.. Верим и не верим,
Но, на всякий случай, промолчим:
Вдруг он прав?.. Давно закрыты двери
И куда-то спрятаны ключи.

Пригляделись – и высоким слогом
Восхваляем буйного вождя,
А потом в служении убогом
Маемся, за ним вослед идя.

Быть бы живу, тут уж не до жиру...
Нет порядка, как тут ни вилай!..
Милые, смешные пассажиры
Из каюты с вывеской: «Земля».

Яростные, взрослые мужчины,
Митингуем, бьём себе бока.
Пол дрожит. Работают машины,
Людям недоступные пока.

Двигателей слышится гуденье.
Не погаснет солнышка плафон.
Мчит непостижимое Творенье
По волнам просторов и времён.

День за днём, меняя галсы круто,
Бороздит Предвечный Океан.
В рубке над проложенным маршрутом
Замер настоящий Капитан.

У Него великая забота,
Чтоб Корабль Вселенной плыл вперёд.
Чёткая всехзвенная работа, –
Всё, что Он сегодня признаёт.

Ну, а забунтуют пассажиры,
Или кто-то вылепит штурвал, –
Есть на то другие Командиры,
Он их всякой властью даровал.

Пусть глупцы воюют и тоскуют,
Пусть воруют, плачут и грешат,
Пусть себя всемерно испытуют, –
Лишь бы из каюты ни на шаг!

Пусть растят в себе зачатки веры,
Ищут Путь измученной душе!
Ангелы – Святые Офицеры –
Многим людям помогли уже.

Были и Мессии, и Пророки,
Всем прозреть – ещё не близок час.
И пока непредставимы сроки,
В кои можно образумить нас.

Так и едем, люди-полузвери, –
То война у нас, то саботаж...
Подрастём – и нас пропустят в двери,
И зачислят в дружный экипаж.

Капитан серьёзен и спокоен,
Нет проблем на славном Корабле.
...Человек обязан стать достоин
Чести пребывания на Земле!

1989

Игра

Есть очень взрослая игра –
В такую не играют дети:
Знать о себе, как о поэте,
Владыке бойкого пера.

Потом увидеть на свету
За трескотнёй самоназваний
Всю многолетнюю тщету
Своих безумных притязаний...

Иль не увидеть – и пора
Настанет для бессильной злобы
К тому, кто путь нашёл особый...
Такая странная игра...

1998

Пасынки

*Глупцы и умники шагают по планете,
А Богу ни к чему прогулки эти:
И шагу Он не сделал за века...*

Синдбаднамэ

Далёкие Боги,
Весёлые, сильные Боги
Слепили и бросили нас
У начала дороги.
Сознание дали
И дали свободную волю,
Но что-то забыли нам дать –
Разумение, что ли...
Они улетели,
Другим упиваясь простором.
А мы на планете
Остались бездумною сворой.
Они вдохновенно
Созвездья из Хаоса лепят,
А мы не растём, не взрослеем...
Вы слышите лепет?
Вы, Боги, нас слышите?
Где Вы, Создатели наши?
Вы там безмятежны,
А мир человеческий страшен:
В нём – зависть и злоба,
В нём нету надежды ни капли,
А Вы нас разумными видеть хотели,
Не так ли?
Так что же Вы, Боги,
Могучие, славные Боги,
Забыли о детях Своих у начала дороги,
Увязших в трясине и плачущих:

– Света не видно!..
Великие, мудрые,
Как же Вам, Боги, не стыдно?..
В тенётах неверия,
Жаждя утех и наживы,
Мы, в пропасть безмыслия брошены,
Всё ещё живы!
Прийти пожелаете,
Чтобы Вас встретили с помпой, –
Мы Вас не узнаем,
Мы встретим Вас атомной бомбой...
Но всё ж возвращайтесь,
Родители блудные наши!
Не в силах мы пить
Своего одиночества чашу!
Вложите в нас Разум,
Хотя бы чуть-чуть подтолкните, –
И мы повзрослеем!
А Вы, коль неймётся, летите...
Всего-то и надо
Вниманья, хотя бы немного,
Измученным людям
От сильного, вечного Бога.
Мы ждём!
Мы не ждём Вас...
Мы тайно о встрече мечтаем
И в грёзах ночных
Вместе с Вами в пространствах летаем.

Тризна по врагу

А. П.

Ярится пламя на снегу,
Взмывает ввысь оранжево:
Справляю тризну по врагу,
Схороненному заживо.
Меня он тьмою окружал,
А я – светился солнышком.
Он *в ад души* своей бежал,
На самое на донышко.

Я думал, он со мной навек,
Себя судил я тщательно.
Бежал он! Ныне – человек
Ничем не примечательный.
Себя он, прежнего, забыл –
Лишился вечной тени я.
– Прощай, мой враг! Ты нужен был
Для моего спасения.

1999

Корабль дураков

Н. Серебрякову

Как-то Вышние Силы во тьме и пыли
Шар слепили из влаги и твёрдых кусков,
Заселили растеньями, зверьём, людьми
И назвали его Кораблём Дураков.

Прицепили к звезде, чтоб могла посветить,
Рядом бросили мёртвую глыбу Луны
И по Млечному Кругу, Большому Пути,
Унеслись, всемогуществом опьянены.

Заскрипела задумчиво ржавая ось,
Завертелась система, начавши свой век.
Пронизали её излученья насквозь,
Чтобы помнил, что смертен и слаб, человек.

Человек с четверенек вставал, не спеша,
Изучал обстановочку тысячи лет,
Понимал постепенно: всесильна душа,
Ей на этой планете соперников нет.

Понял – и возгордился, и сделал топор,
Искалечил соседа, добычу деля,
И победу отпраздновал. С этих-то пор
От крови убиенных не сохнет земля.

А однажды взглянул на Природу вокруг
И додумался: та ему вовсе не мать.
И не надо её о подарках просить,
Надо брать у неё и на всё наплевать.

Вырубаются силой бездумной леса,
Засоряются дрянью излучины рек,
Льют на голову дождь из кислот небеса,
Но всё дальше и дальше идёт человек.

Уж и бомбу придумал, и лазерный луч, –
Всё для ближнего-дальнего, смерть и покой.
Правда, жив ещё ближний и дальний живуч,
Но до времени только, ведь всё под рукой.

И заводов, дымящих заводов не счесть...
Не осталось уже ни полей, ни лесов...
Уже трудно дышать, уже нечего есть...
От беды не укроет ни дверь, ни засов.

И приходит конец, беспощаден и скор.
И погиб человек среди своих черепков.
И плывёт по пространству вселенский укор,
Шар, холодный и мёртвый, Корабль Дураков.

1971, Ижевск

Размышление о предках
(по поводу одной гипотезы)

Дочери Ирине

У ближайшей соседки, звезды Немезиды,
На зелёных планетах не правят обиды,
Только разум и сила сердечного света.
... Мы послали сигнал – не дождались ответа.
Значит, что-то не так. Знать, звезда одинока.
(Да к тому же ещё и не найдена нами:
На бумаге пока что открыта до срока,
Отзывается лишь тяготенья волнами,
Оставаясь в тени, всю систему колышет).

Посылаем сигнал, но никто нас не слышит.
Может, там – наши корни, исходный наш разум,
Да взорвалась звезда, и погребло всё разом.
Тыщи лет всё росло, а сгорело – за сутки?
Они умерли, мы – их потомки-ублюдки?
Растворяясь в слепящих лучей океане,
Понимая, что разум погибнуть не должен,
Они влили свой мозг в черепок обезьяне
И закрыли надрез волосатую кожей.
Здесь, на тихой Земле, немезидские гости
Собирали животных из звёздной системы.
... И сегодня, найдя незнакомые кости,
Мы порой сомневаемся, кто мы и где мы.
Мы – потомки творцов, галактических братьев,
Только с разумом плохо у нас получилось.
Весь уходит на войны, на месть, на проклятья,
Даже время, как будто, на нас ополчилось.
Всё ж бывает порою: из памяти генной
Кто-то нам говорит непонятные речи, –
И тогда ощущаем дыханье Вселенной,
И мечтаем, мечтаем о будущей встрече!..

1990

Птица-тройка

(почти по Гоголю)

Вдоль по целику, не по дороге,
Вкось от всех наезженных дорог
Двигутся расхлябанные дроги.
Кучер пьян, не выспался, продрог,

Барин-иноземец на подушках
Кучера сердито тычет в бок, –
Тот мычит: – Эх, жизнь моя полушка!
Одна живу-то, видит Бог!

Бросил вожжи, что-то балабонит,
Всё ему сегодня трин-трава.
Понесли испуганные кони
Так, что упряжь держится едва.

Грохот. Крики. Тучи душной пыли.
Смысл искать в картине не берусь.
...Ты ли это мчишься ныне, ты ли,
Некогда прославленная Русь? ...

1991

Разорвать время

Плыла бессонно ночь в соцветии миров.
Дымился на столе раздавленный окурок.
В замшелой толще лет у пламени костров
Делило племя мамонтову шкуру.
За ними, за холмом, где воздух прян и чист,
Певец балладу пел во славу Человека.
И рядом, шаг ступи, звереющий чекист
Бил сапогом в живот полуживого эка...
Ревела дальше печь, раскрыв угрюмый зев:
Фашисты жгли людей, и стлался дым на дюны.
И пела на горе нежнейшая из дев
О людях, что придут, сияющих и юных.
Крестьянин вёл сохой кривую борозду
И Господа молил посев его умножить.
Молился о дожде, и Бог сказал: – Гряди,
Чтоб, жалкий человек, тебя же уничтожить.
Любимая моя сидела у огня,
Огонь то угасал, то снова разгорался.
И хищный динозавр подстерегал меня...
И Гений к звёздам пробивался.
Всё было, было так. И некого винить,
Что в сердце маята от ошущенья роста:
Я время разорвал, теперь соединить
Хочу его, но это так непросто!

1986

Отравленные

*Покрыт посмертной славой душегуб,
Но Правдой вырван из могилы труп,
Повешенный на высоте такой,
Что смрадом отравился род людской.
А. Поуп. Опыт о человеке*

Живя несправедно и грубо,
Мы, попирая естество,
Всё ж раскопали Душегуба,
На солнце вынесли его.

Он засмердел, зашевелился,
Презрел проклятья и плевки,
И встал, и снова в нас вселился,
И вот мы все – большевики:
Тот – Ворошилов, тот – Бухарин,
Тот – Троцкий, признанный герой,
Тот – просто очень скрытный парень
С расстёгнутою кобурой.
Союз на сто частей расколот,
У каждой клумбы – свой Совет,
Народ испытывает голод
Надежд на улучшение нет.
Вопит дурак у микрофона:
– Врагов хватайте за грудки! –
Слюна летит. На этом фоне
Зловеще строятся полки.
И наши дети нам же в «рыло»
Упрут взведённый автомат.
Всё это будет... Это было
Уже в истории стократ.
Предупредить! Пространство глухо.
Какая страшная пора!
Отравленный смердящим духом,
Никто не слышит слов добра...

1987

Эй, на корабле!

Я. Можаровскому

На корабле – задиристый народ,
Здесь командиры – дерзкие буйаны,
А космоса моря и океаны –
Им как не завоёванные страны,
Пока что нет, но к этому идёт.

Корабль несётся миллиарды лет,
Ни топлива не просит, ни защиты;
Всё есть, всего в избытке, без лимита.
Им радоваться бы, да вот поди ты:
Всё есть у них, порядка только нет!

Здесь гении зачали в кандалах,
Здесь мало хлеба, а голодных много,
Здесь подлые ссылаются на Бога,
За справедливость спрашивают строго,
Верша несправедливые дела.

Бывает неспокоен экипаж:
То та команда спятила, то эта.
То истина раздета, то одета.
То кисея на ней, то патронташ.

Здесь тесно, здесь дурацкий тарарам,
И потому безумцы в космос рвутся,
Им тяжело, им надо б оттолкнуться,
Им только бы немного развернуться. –
Они тогда покажут всем мирам!

Однажды утром ринутся в полёт,
В боях сомнут и правых, и неправых;
Они за хвост свою ухватят славу,
Коль кто-нибудь им глотки не порвёт.

У них на всё отменный аппетит,
Лишь нет пока единого подхода;
Им было бы спасение в походах,
Да яростно вредит сама Природа:
Из корабля вылазить не велит.

... И я, как все, родился на Земле,
Но мне противен этот мир наживы,
Мне хочется орать, взрывая жилы:
– Одумайтесь, пока ещё мы живы!
Ну что же вы! Беда на корабле!

Мы – экипаж, не дикая орда,
Что бесимся, сердца свои бинтуя?
Чего хотим в безумном сабантуе?
Я восстаю! Я против вас бунтую!
Вы мне враги отныне навсегда!..

... На корабле всё та же тишина,
Я не нарушил сон ни на минуту.
Закончив бунт, бреду в свою каюту.
Не верится, что где-нибудь кому-то
Была сегодня речь моя слышна.

Плывёт корабль, и пусть себе плывёт,
Куда-нибудь, наверное, причалит.
Живу, как все, в заботах и печали,
И бунта нет, и будет уж едва ли,
И совесть вряд ли снова позовёт... –

Так бормочу, объятый пустотой,
Которая в душе сплетает сети.
Но, думаю, сомненья ложны эти:
Из тьмы времён появится на свете
Какой-нибудь невиданный святой.

Он громко крикнет: – Эй, на корабле!
Воспряньте! Вы притихли что-то рано.
Плевать на все законы и охраны!
Мы выберем сегодня Капитана –
Пусть наведёт порядок на Земле!

Мы ощутим забытую мечту.
Покоя он не даст ни на минуту.
Вослед за ним тоску забросим к шуту,
Вперёд рванёмся яростно и круто
На издавна пустую высоту.

Мы всё исправим, радостью дыша,
С бедой покончим, дыры залатаем.
Мы – экипаж, и цель у нас – святая,
Как наша пробуждённая душа.

Гадать не буду, чёт или не чёт,
Я, знаете, наивно в это верю:
Пора стать *Человеком* люду-зверю,
Очнуться и открыть рассудку двери, –
И пусть вокруг Вселенная течёт!

Пусть люди в Белом Доме и Кремле,
В дворцах, каморках и вонючих норах
Узнают то, что час настанет скоро:
Придёт чужак с неведомым укором
И громко крикнет: – Эй, на корабле!

Элегия потерянному другу

*Виктору Неволину,
брату по перу и другу в юности,
на память о жизни на Ису.*

Холодный ветер бьётся о стекло
И шепчет что-то тихо и устало.
Молчу во тьме... Уж столько утекло
И лет, и зим, что как-то не пристало

Опять угрюмо думать о судьбе,
Перебирать печальные утраты.
Что пользы примерять людей к себе
И каждого из них считать за брата,

За друга, за врага... И свет, и тьма,
И друг, и враг, – приходят на минуту.
И зябко всё для сердца и ума,
И очень, очень больно почему-то.

...Был молод – верил в общую мечту,
Навстречу людям шёл с душой открытой.
Мы зло и шумно брали высоту,
Которая теперь почти забыта.

Друг друга хоронили, не скорбя,
В волнах времён, несущихся куда-то.
И всё же я не позабыл тебя:
Как можно позабыть певца и брата?

«Такой девчонке лучше б на литфак,
Читать стихи Есенина и Блока!
Какой её сюда послал дурак,
Создание материи высокой?» –

Твои стихи звенели у костра,
Их слушали и ночь, и лес, и речка.
И девушка – любовница? сестра? –
Улавливала каждое словечко,

Шептала что-то, весело смеясь.
Ты говорил, и плакала гитара,
И с миром устанавливалась связь
Из слов, из поэтического дара.

Твой стих касался чувственных высот
И падал тихой звёздочкой под ноги.
...Я не любил столь сладостный полёт –
Меня манили дальние дороги.

Стонали у вокзалов поезда,
Всходил я на перроны, зол, простужен,
И знал, что где-то есть моя звезда,
Она горит – и я кому-то нужен!

Она мерцает призрачно в ночи,
Зовёт меня, суля душе награду.
Я к ней приду, и сердце отстучит,
Что больше ничего уже не надо.

Я унимал волнение в груди,
Писал стихи, небрежно и неловко, –
Считал, что всё случится впереди,
А то, что есть, – всего лишь подготовка.

Настанет час – пойду мечте служить,
Невиданное в мире совершая.
Ты – *жил*, а я *мечтал*, что буду жить,
И в этом – наша разница большая.

Ты искренне любил и был любим,
Тобой гордились даже хулиганы!
А я был горд неведением своим,
Считал, что мне размениваться рано.

Любил девчонку – не умел сказать,
Страдал по ней, грустящей недотроге,
Хотел любовь с разлуками связать,
А может, растворить любовь в дороге.

Желал открытий, нёс в своём пути
На суд людской распахнутую душу...
Я не сумел свою звезду найти
И вот, устав, пришёл тебя послушать.

Читай свои красивые стихи!
Я посижу, от горя отвлекаясь...
А знаешь, годы были неплохи,
Всё испытав, ни в чём теперь не каюсь!..

Ты весь в свету, ты радостен, упрям,
Никак не дашь уснуть живому слогу.
Как точный текст тревожных телеграмм,
Твои стихи приходят на подмогу.

... Вот, стало легче. Весело встаю,
Смотрю на жизнь приветливо и прямо
И вновь судьбу, чужую и свою,
Тащу вперёд по рытвинам и ямам.

В себе заряд энергии несую,
Которой хватит, чтоб взорвать преграды.
... А помнишь, как мы жили на Ису?
Как нам тогда вниманья было надо?

Твои с моими спорили друзья,
Кого из нас поэтом звать достойней,
Не понимая, что равнять нельзя
Тебя со мной, совсем тебе не ровней!

Они не знали, в том беды их нет,
Что не со мной – с тобою дружит Муза:
Ты в девятнадцать был уже поэт,
Каких немного даже у Союза!

Ах, что мы можем ведать о судьбе?
Её всегда на всех с лихвою хватит.
Я, ничего не зная о тебе,
Тоскую, словно о пропавшем брате!

Не ведаю, где ты, где юных лет
Горенье душ, мечтой воспламенённых.
Мы погасили юношеский свет,
Утеху для уставших и влюблённых.

Ты не имеешь сборников стихов,
Уж я бы разыскал, не поленился! –
Знать, не достиг заветных берегов
И, как и я, на землю опустился...

Так и живём, невидные всегда,
Среди других, таких же сирых вроде.
... Нет радости свободного труда
В забитом, одураченном народе.

И до свободы – словно до Луны,
И, в общем-то, приходится несладко.
Галдят о перестройке болтуны
На лестничных прокуренных площадках,

Кричат с трибун, надсаживая грудь –
Всем достаётся, правым и неправым, –
Зовут ступать на новый тяжкий путь
За новым идеалом величавым.

Привычное сломав, начать с нуля,
Правителей хвалить не уставая,
Спешить туда, где райский быт сулят:
Куда-нибудь да вывезет кривая...

Всё надоело, смысла в буднях нет,
А прежний путь нельзя пройти повторно.
В кромешной тьме обманный брезжит свет,
И так – всегда? Благодарю покорно!..

Нет больше сил, хотя и не сдаюсь.
Куда идти, к какой стремиться цели?
Там, впереди, отчаянье и грусть,
А годы, словно птицы, улетели.

Всё к хлопотам ненужным сведено.
... Есть в мире ты, – и мне намного легче.
Будь здоров поэт! Нам встреч не суждено.
И что сказать могли бы мы при встрече?

Аутодафе

А. Краеву, армейскому другу

Пылал костёр на Площади Цветов.
И человек, прикованный цепями
К столбу, среди ревущего огня
Стоял, недвижимый, словно изваянье.
Он не кричал, не извивался в страхе,
Не двигался. Он горько улыбался
Прожитой в поисках свободы жизни.
Ещё в его глазах таилась гордость:
Открытия, не понятые веком,
Большую просьбу принесут потомкам,
Их путь к познанию мира сократят.
... Вокруг костра в толпе мелькают люди
В уродливых белёсых капюшонах.
Не может быть, чтоб смерти не боялся...
Джордано, слушай! – чей-то хриплый голос
Доносится сквозь огненную стену. –
Раскайся, отрекися от ученья!
Тебе ли спорить с всемогущим Богом!
Раскайся! Всё простит Святая Церковь!
Вот кто-то крест к губам его подносит:
– Целуй!
А он – плюёт в кусок металла
И отвернулся, закусивши губы.
... Как больно! Пламя скачет по одежде.
Уж лопается кожа на ногах...
О, боль...
«Нет! Только не кричать!
До самой смерти
Молчать, молчать, прокусывая губы!..
Ещё немного потерпеть... Немного...
Встреть смерть свою, как ты и должен встретить,
Ты заслужил, чтоб умереть достойно...
Проклятье!..»
Пламя к небесам взметнулось,
Укрывши от палаческого взора
Горящую фигуру Человека.

Когда бывает непомерно трудно
И хочется заплакать от бессилья,
Бежать куда-то от тоски и страха,
Я ясно вижу тот костёр огромный,
Пылающий на Площади Цветов.
Я чувствую, как вспыхивает кожа,
Как плавится измученное сердце, –
Но я молчу, я не подам и вида,
Как больно мне и как терпеть мне трудно:
Его костёр мне мужество даёт.

1969, ЗабВО

Жалоба Иова

(по книге Иова, 6–7)

А. Минашкину

в дни совместной учёбы в УМЛ

Когда б сбылось желание моё,
И Бог исполнил чаянье моё,
Поняв меня в моём великом горе!
О, если б Он ко мне благоволил,
Простёр бы руку и меня сразил, –
Я б умирал с улыбкою во взоре!

Жил, как в аду, а умер, как во сне, –
Такой исход отрадой был бы мне,
И я б терпел в теперешней напасти
Не вопия, напрягши нити жил:
Ему я от рождения служил
И в этом видел истинное счастье.

Так что ж за сила в теле у меня,
Пустыми чтоб надеждами маня,
Не поддаваться яростным раздорам?
Я разве твёрже твёрдости камней,
И есть помощь самому во мне,
И есть ли в ком-то для меня опора?

Коль человека надломил недуг,
То сострадать ему обязан друг,
Когда для друга дорог Вседержитель.
Но, как потоки, братья не верны,
Как воды ото льда порой черны...
О, люди, вы предательства ль хотите?

Как реки рек теряются в песках,
Так сушит вас непобедимый страх,
Трепещете, чужое видя горе.
Я говорю, свою судьбу кляня:
– Придите, заплатите за меня! –
Молчите со смущением во взоре.

Коль вам учить страдальца по плечу,
Так научите, я и замолчу.
В чём погрешил при жизни – укажите!
Сильны слова у правды на устах,
Но что за польза сеять в душу страх?
Зачем вы обличать меня хотите?

На ветер вы пускаете слова.
Такая ваша правда – не права!
На сироту убогого напали,
Для друга яму роете сейчас
И думаете, правота у вас,
А вы её, слепцы, и не видали...

Как дуновенье ветра – жизнь моя...
Уж не смогу добро увидеть я,
Никто меня увидеть не сумеет.
Лишь очи Бога глянут на меня, –
И всё! Вот прах мой на ладони дня,
Лишь прах, который временем развеет...

Редет облако, уходит, не спеша...
Из преисподней не придёт душа,
Как ни хотела б, ей не возвратиться.
Не будет человека место знать,
Жена забудет, мать устанет ждать.
Жил человек – и больше не родится!..

Что ж, я уста решился отворить,
В стесненьи духа буду говорить.
Взываю к Богу в горести душевной:
Зачем меня преследуешь теперь?
Ведь я не море и не хищный зверь,
Что выползает из пучины пенной.

Я спать ложусь и думаю опять:
«Пусть горе – днём, я ночью буду спать,
Все горести пусть развекает ложе!»
Лишь заглушу мерцание огня –
Виденьями пугаешь Ты меня,
Лишаешь сна, мой беспощадный Боже!

Меня не устаёшь Ты устрашать.
Страдает тело – лучше б не дышать!
Я смерти жду, и Ты об этом знаешь.
Чем снов пугаться, чем себя пугать,
Чем кости от гниения сберегать,
Уж лучше смерть. Убей, коль так желаешь!

Всё опротивело! Ведь не века же жить,
Пора дела земные с плеч сложить.
Так отступи! Не дли моих страданий!
Все дни мои былые – суета,
Теперь осталась лишь одна мечта
Среди моих болезненных метаний.

Что человек, что ценишь Ты его,
Вниманье обращаешь на него
И каждым светлым утром посещаешь,
Зачем его пытаешь каждый час?
К чему и жить мне, если каждый раз
Ты у меня надежду отнимаешь?

Доколе не оставишь в свете дня?
Доколь не отойдёшь Ты от меня?
Пусть грешен я, но чем Тебе опасен?
Страх человеков, смерть в моей судьбе,
Меня врагом поставил Ты себе
И бьёшь... А я с Тобою не согласен!

Вся жизнь моя была не столь плоха,
Зачем бы не простить за то греха,
Как всем прощал, которых были тыщи?
Меня пытается боль, пытается страх,
Но вот я лягу, превращуся в прах, –
Пойдёшь меня искать, и – не отыщешь.

1987, 1990

Такая судьба

Н. Игумновой

В разгаре свадьбы,
Посреди веселья,
Исчез жених.
Никто и не заметил,
Как он ушёл и в комнате соседней
Уединился.
Гости были пьяны,
Невеста весело кружилась в вальсе
С одним, с другим.
Улыбки, комплименты...
Исчез жених.
Его ближайший друг
Пошёл его искать и вот, увидел:
Жених сидит за письменным столом
И плачет, да, невероятно! – плачет!
– О чём ты, друг? Такой сегодня день!
А ты не веселишься...
– Понимаешь...
У нас не будет счастья... Ни в какую!..
– Но как же так? Ты женишься...
– Так надо! –
Жених утёр катящиеся слёзы.
– Я должен это сделать, ведь она
Не кто-то, – внучка самого Толстого.
А я – Есенин.
Я ж – Сергей Есенин,
Ты понимаешь?
Должен я с Толстым
Сегодня породниться!
Понимаешь?
– Но ведь...
Ещё не поздно отказаться!..
– Нет, Городецкий!
Ты – поэт и, значит,
Поймёшь:
такая у меня Судьба!

...Вернулись в зал.
Есенин, улыбаясь,
Прошёл к столу:
– Друзья! Прошу вас выпить
Во славу двух фамилий именитых:
Толстого и Есенина!
Слова
В весёлых восклицаньях потонули:
– За счастье молодых!
– За то, чтоб дети
Служили так поэзии, как предки!
– За счастье!
– Горько!
– Горько!
И никто
Не видел слёз, упрятанных в глазах
На муки обречённого поэта...

1967, Ис – 1970, Ижевск

ПРОКЛЯТИЕ ТРИДЦАТЫМ!

Агасфер

Расстрел вели в лесу,
За яблоневым садом.
К закату у солдат
Едва осталось сил.
К конвою подошёл
Старик с пытливым взглядом.
– Что делаете вы? –
Участливо спросил.
Смутился капитан:
«Свидетель! Что за сволочь?»
– Ты как сюда попал?
– Иду издалека.
Что делаете вы
С толпою этой голой?
У девочки зачем
Поломана рука?
– Ты кто?
– Я Агасфер,
Я странствую по свету.
– Кем послан ты?
– Христом.
– Так ты, выходит, поп?
– Нет чина у меня.
Покоя тоже нету.
– Покой тебе дадим:
Получишь пулю в лоб!
Паршивенький шпион,
А держишься прегордо.
Ишь, голову задрал,
Чему-то, дурень, рад.
В толпу его, сержант!
Пускай жидовской мордой
В такой приятный час
Целует твой приклад.
– За что?
– За то, что ты –
Предатель и иуда.

– Я мимо шёл. Зачем
Тебе меня имать?
Я просто мимо шёл...
– Неясно лишь, откуда.
Бери его, сержант.
Быстрой, такая мать!
И старичок идёт,
Солдатами гонимый.
И женщина в толпе
Тихонько говорит:
– Не бойся ничего!
Иди сюда, родимый,
Будь в смертный час отцом,
Когда земля горит!
А может, пощадят.
Здесь – старики да бабы,
Все наши мужики
Расстреляны вчера...
Ты за меня держись.
Какой ты, деда, слабый!
Отпустят! Им самим
Наскучила игра...
– Не плачьте!
С вами – Бог!
Он не допустит крови.
О, смилуйся, Господь,
Услышь меня хоть раз!
Внемли с своих высот
Слезам и воплям вдовьим!
... И пала сверху тень,
И дальше унеслась.
И вздрогнул капитан,
И строй солдат сломался.
Иль бред какой на всех
Нечаянно нашёл? ...
Исчезла вдруг толпа.
Один старик остался.

Он засмеялся вдруг
И на солдат пошёл:
– Спаситель видит всё!
А вы, исчадья ада,
Попробуйте убить,
Кого отринул Бог!
Заголосил сержант:
– Не подходи, не надо!
Ой, дед, не подходи!..
– Ну, дайте же под вздох,
Убейте, наконец!
Нет сил моих, поверьте!
Мне горек и постыл
Ваш человеческий свет:
Столетия в пути,
Столетия без смерти! –
Нигде покоя нет!
Нигде покоя нет!
Убейте!..
Капитан,
Опомнившись от шока, –
– Убейте! – приказал.
Был выполнен приказ.
Зарыли старика
В расщелине глубокой,
Забрались в грузовик,
Не поднимая глаз,
Уехали, пыля...
Поганая работа!
Напился капитан:
Тоска – хоть волком вой!
Нелёгкий выпал день.
И день тот был – суббота,
И месяц был – июль,
И год – сороковой.

1978, 1988

Лейтенант²

А. Вихореву,
после первого Прохождения

Я в прошлой жизни был казнён,
Я это помню очень ясно.
Под шорохи родных знамён
Меня вели рукою властной.

Потом поставили к стене
Полуразбитого сарая,
И лейтенант промолвил мне:
– Теперь увидишь двери рая! –

И засмеялся от души.
Болело тело от побоев.
И были травы хороши,
И было небо – голубое.

Солдатик, маменькин сынок,
Вперёд поглядывал несмело,
Потом волнение превозмог
И вскинул автомат умело.

Я долго плыл по той стене,
Качались волны деревянны.
И так покойно стало мне:
Хоть в этом не было обмана!

...Я вспоминаю без тоски
Об этом позабытом деле.
... А с лейтенантом мы близки:
В одном работаем отделе.

1986

Политическая статья

В неказистой следственной тюрьме,
Кровью залитой ещё в тридцатых,
На допросах замыкаться мне
Перед взглядом глазок вороватых.

Следователь, делая игру,
Через стол придвинет папиросы, –
Да я лучше не куря помру,
Чем отвечу на его вопросы!

Что да как, да с кем бывал знаком...
А потом убийца-надзиратель
Будет бить под печень сапогом,
Привязав для верности к кровати.

За стеною – чей-то тонкий плач,
За другой – прерывистые стоны...
Ночью явится другой палач
Объяснять «великие» законы,

Будет долго душу вынимать
Из уже хладеющего тела.
Буду очень трудно умирать
За несуществующее «дело».

1988

² Как выяснилось позднее, видение являло собой фрагмент из прошлого воплощения совсем другого человека. Произошла ошибка, каких бывает немало в подобных случаях.

Исполнение приговора

А времена шагают вспять,
Хотя им это не пристало...
В мой сон вторгается опять
Из «тех» времён солдат усталый.
Ворчит: – Сидишь? Тебе пора!
Пошли. Они покончат скоро...
Иду, как жертвенный баран,
По длинным скользким коридорам.
Клокочет мысль: «Не может быть,
Чтоб так вот взяли и убили,
Что скоро по небытью плыть,
Уткнувшись носом в кучу пыли!..
Соседи в камерах молчат,
Взволнованно за дверью дышат.
Вдали охранники кричат,
И тьму ночной сквозняк колышет.

... Заводят в низенький подвал,
Твердят слова дурацких басен.
Я никого не убивал
И потому для них опасен.
Пока читают приговор,
От чувств стараюсь удержаться:
Я честно жил до этих пор,
Теперь не стоит унижаться!
– Одежду снять! – гремит приказ.
Легонько стучают затворы.
На палачей в последний раз
Гляжу без всякого укора.
Пускай... Плевать на них на всех...
Пошире плечи расправляю.
Солдатик под весёлый смех
Мне в грудь свой штык легко вгоняет,
Металл царапнул по стене.
Не слышу боли. – Бейте, гады!..
Вот что-то рушится во мне...
Кричат: – Пальнуть, ребята, надо.
Не в грудь! В башку ему, в башку!
Взорвался мир, горяч и красен.

Лежу неловко на боку
И даже так для них опасен.
... Проснулся. Яростно курю,
В руке трясётся сигарета,
И ничего не говорю,
И долго думаю об этом.
Как ужас прошлого силён!
Не понимаю, в чём тут дело:
Уж столько минуло времён,
А все мы – словно под расстрелом!
Боимся правду говорить,
С неправдой избегаем драться.
Боимся глупость сотворить
И за решёткой оказаться.
Всё это очень может стать,
Не зря же страх былого стоек:
Вдруг снова будет управлять
Моей Отчизной параноик!..
Ведь вот, не жулик я, не рвач, –
А не могу уснуть пол ночи.
... И где-то будущий палач
Гранёный штык любовно точит.

1987

Старичок

Прохожий в венчике седин
Со мною разговор заводит
О том, что в людях и природе
Закон развития один:
Всяк сильный слабых подминает, –
Он это видел сорок лет.
Был молод – в лагере стал сед,
Он там служил, он дело знает.
Он с тридцать памятного года
Был так же ловок, как сейчас.
Он в затхлых камерах не раз
Допрашивал «врагов народа», –
Он, может быть, и власть-то спас!..

Всю жизнь служил, приказу верен,
Весь, до костей, знакомый, наш.
Он бил упорных наотмашь,
Он защемлял им пальцы дверью, –
И кровь стекала по рукам,
Не человеческая – вражья.
Он награждён, он был отважен,
Был сам чуть не расстрелян дважды,
Да жив, однако же, пока.
– Я верен Родине всегда!
Вы, молодёжь, понять не в силах:
Нам Революция светила,
В нас кровь не стыла никогда.

Вы, хлипкие, не знали горя,
Вот потому-то не строги:
Кругом шпионы и враги,
Хотя в открытую не спорят.

Так доиграетесь до слёз!
Смотри на своего соседа:
Откуда-то ко Дню Победы
Он полсвиньи себе привёз.

А в магазинах мяса нет!
А тот вон пьёт с каким-то хмырём,
Он подозрителен и жирен
И редко кажется на свет...

... Мой собеседник потоптался,
Окурок бросил под каблук,
Ушёл. И я один остался,
И чище воздух стал вокруг.

Да как же так? Ведь он не ложен,
Он убеждён, что в жизни прав,
Что в том безумии расправ
Иной путь просто невозможен.

Давно гнетёт его забота:
Разоблачить и умереть.
А люди, чтоб им всем сгореть,
Кипят весёлою работой.

У них с излишеством всего,
Они живут, не глядя в святцы,
И не боятся ничего,
Подумать страшно – не боятся!

Коль не враги все эти люди,
Тогда и жить-то ни к чему!..
Пока он жив, бороться будет,
Нельзя без этого ему.

И вот, соседа тихо точит,
Засядет в кухне и пол ночи
Строчит очередной донос.
Он пишет, вроде, не всерьёз,
Он попугать, скорее, хочет.

Не «те» сегодня времена:
Вниманья нет к его наветам.
Уж он устроил бы! – да где там! –
Свободы всходят семена.

Их сеяли ещё в двадцатых,
Спасли от пули палача.
Как трудно стало палачам
Шкодить в конце восьмидесятых!

Старик кряхтит, сдвигает брови:
Донос не пишется, хоть плачь!
В отставке лагерный палач
И по привычке хочет крови.

Горюет у окошка старый:
Так что же, жизнь он прожил даром? –
Вопросы жгучие гнетут.
А внуки мёртвых комиссаров
Пред ним по улице идут.

1973, 1988

Трусливые

Чёрными чернилами
По листу по белому...
Многое чернили мы,
Очень мало делали.

Воплями идейными
Затыкали глотки нам.
Что сейчас изменим мы?
Всё судьбою соткано.

Возмутиться тупостью?
Уличить неправедных?
– Вот ведь, – скажут, – глупости!
Скажут: – Значит, завидно!

Подойдут с улыбочкой,
Да обманут запросто.
Сделал шаг ошибочный –
И начнутся напасти,
Оскорбленья, грубости,
В общем, дело скверное... –
Это всё для трусости
Оправданье верное.

1970, 1988

Иконы и молитвы

Молился. Погасла лампада.
Во мрак погрузились вожди.
Их видеть мне, верному, надо,
И мне говорят: – Подожди!

И кто-то, в движениях жаркий,
Бросается к серой стене,
И свет ослепительно-яркий
Волнами пошёл по стране.

Портреты, портреты, портреты –
До некуда, до немоты...
Вгляделся я: батюшки-светы!
Да сколько же в них черноты!

Их руки – в крови и нечестьи,
Их взгляды – насмешливый яд.
И вот они собраны вместе,
И лампы над ними горят.

Морочат толпу демагоги,
Пытаются выключить свет.
Теряют значение «боги»,
Почтения прежнего нет.

Молитвы, желания чуда
Утрачены ныне – и пусть!
Молился я... Больше не буду,
А лучше за дело примусь.

1984, 1990, 2002

Лента смерти

Я спал... С какого-то момента
Проснулся вдруг... Сама собой
По полу проползала лента,
Полоска стали голубой.

Она ползла, скрипя не шибко,
Возле постели в тишине.
Рукою тронул: не ошибка ль,
Не померещилось ли мне?

Нет! Сталь тверда, холодновата,
Ползёт – рукой не задержать.
И страшно, и крепиться надо,
Ведь от себя не убежать.

Свет сквозь задёрнутые шторы...
Вот телевизор, вот трельяж...
Ползёт, поскрипывая споро,
Возле кровати мой «мираж».

Сижу, смотрю... И прямо рядом,
На ленте стоя в тишине,
Плывёт усталый, с ярким взглядом,
Мужчина, незнакомый мне.

Я молча взял его за руку,
Привлёл вниманье, теребя, –
Его глаза таили муку,
Хрипели губы – Не тебя!..

Он мне кивнул с полуулыбкой,
Уплыл неведомо куда.
Я закурил. В молчаньи зыбком
Мне замаячила беда.

Где сон, где явь в тоске момента?..
И ждал я будущего дня
А рядом всё скрипела лента.
Пока пустая.
Без меня.

1978

ПЛАЧ ПО ЯРОСЛАВУ

Светлой памяти Ярослава Можаровского

*И давно уже они такие, много солнечных циклов.
И дети их подобны им, а если они растут мягкими
и любящими мир, их убивают,
или они сами умирают от разбитого сердца.
А. Меррит. Металлический монстр*

1

Всё позади: отчаянье, тоска,
Прыжок – и боль изломанного тела...
Всё позади! И сделанное дело
Уже осталось фактом на века.

Плывёшь сквозь мрак, и лишь издалека
Свет грезится тебе багрово-белый,
И чудища вокруг, и ты всецело
Во власти их, как прежде – у греха...

Желанья жгут, а тела больше нет!
И некому подать тебе совет.
И мучишься, и мечешься без меры!

Тебя не достигает горний Свет.
Лишь плотный Мрак да адские химеры.
Несчастный! Без надежды и без веры!..

2

К чему мне жить?.. Мой друг, мой ученик
Отчаялся и всё сломал навеки:
Свою судьбу, мою... Что в человеке
Останется, коль он во тьме поник?

И плачу я, и горек этот миг.
Он мучится!.. И я – за всё в ответе:
Не удержал, не досказал о Свете,
Не успокоил и не поднял крик...

«Услышь!» – не слышит. «Вспомни!» – всё забыл,
Утратил слух, утратил прежний пыл
В тенётах непостижного Астрала.

Исчезло всё, чем он недавно жил,
Осталась БОЛЬ... Кого ж ты, смерть, украла!
Его не стало – как меня не стало!..

3

Прими его в сады Твои, Господь!
Он шёл к Тебе, да Путь был слишком труден.
Он честно шёл в переплетеньях буден.
Был дух высок, да победила плоть.

Он не умел горячку не пороть.
Его теперь со злобой судят люди.
Отвергнутый, он лишь Тебе подсуден, –
Прими его в сады твои, Господь!

О самоубиенном как молить?
И, главное, как людям объяснить,
Что надо жить, пусть даже жизнь убога?

Грешно порвать божественную нить.
Грешно застыть у смертного порога,
О Боге думать – и забыть про Бога...

Духовный близнец

*Из бурлящего океана толпы нежно
выплеснулась ко мне одна капля...*

У. Уитмен

Кончилась краткая встреча во тьме
Жизни земной, переполненной страстью.
...Из океана людского ко мне
Выплеснут был ты божественной властью.

Встретились две одиноких души,
Два близнеца, отыскавших дорогу.
Но неожиданно ты заспешил
Прочь от людей, к неземному порогу.

Влиться в толпу, в её крики и пот
Не пожелал, размышляя жестоко,
Прыгнул из тьмы в Неизвестность, и вот,
Спрятан надёжно под сению рока.

Может, ты – Ангелом Божиим зван –
Медлить не мог ни единого года?
Что ж, возвращайся в родной Океан
Горнего Света, откуда ты родом.

Были мы посланы в связке одной
Людам светить. Одинок я отныне!
Не ужасайся судьбы неземной:
Вечный Отец не забудет о сыне.

Здесь я остался светить за двоих.
К Небу тянусь с молитвою: – Боже!
Не оставляй ныне присных Твоих,
Мир без которых нелеп и ничтожен!

Октябрь, 1994

Похороны друга

Памяти Анатолия Бортникова

Всё меньше нас! Идём за кругом круг,
Тропою вечною, скрываемся во мраке...
Но смерти нет! Всё это – только враки,
И ты не умер вовсе, милый друг!

Могила вырыта, стоит раскрытый гроб,
И в нём твоё зачоченело тело.
Мы топчемся, мы плачем неумело,
Прощаемся, тебя целуя в лоб.

Но весь ты *там*, за роковой чертой,
Растерян от открытой пред тобой
Иной реальности: всё в Свете проплывает
Даря тебе блаженство и покой,
Спаситель Мира ласковой рукой
Тебя в дальнейший путь благословляет.

1994

Поминки

*Как вспоминают меня –
Этого я не узнаю.*

Л. Губанов

По небу тучи хмуро плыли,
Шёл дождик, всем мешала склизь.
Меня сегодня схоронили
И деловито разошлись.
Потом почистили ботинки.
Автобус мчал, дверьми звеня.
Потом – бедняцкие поминки,
Где люди помнили меня.
– Споёмте, – молвил кто-то, – нашу!
Он так любил!.. – Всех захватив,
Звучал затмивший горе даже
Геологический мотив.
И пели тихо, но отважно,
Полны романтикой огня.
И мне сегодня было важно,
Что вот – поют и без меня!
Путь завершив не так ли, так ли,
Я всё же с ними заодно!
...Шёл дождь. И в гроб сочились капли,
Моё последнее вино.

1989

Барабашка

Попытка комментария к одной версии

Однажды с утра, в воскресенье,
Закончив свой путь наяву,
Я умер и стал приведеньем,
И в той же квартире живу.

Хожу, невесомый, всё вижу,
Сплю под потолком у двери,
Живых никого не обижу,
Блажен от зари до зари.

Рассветы в окошке встречаю,
Будильник поставлю на «семь»;
Как вы без меня – изучаю:
Нормально! Забыли совсем...

Порою, помочь вам желая,
Сварю из пакетика суп;
В тарелки его разливая,
Садитесь. А мне недосуг.
Нельзя проявлять себя слишком!
Исчезну, забьюсь за трюмо –
Давить в себе злые мыслишки,
А то и поспать, всё равно.

Один оставаясь в квартире
С утра и часов до пяти,
Пытаюсь в неведомом мире
Такую же душу найти.

Не чувят. Не слышат. Не знают.
Бессилен мой призрачный крик!..
Слегка погрузив, утопаю
В сокровищах собранных книг.

... Жаль, я не живой, привиденье!
Так хоть развлекаться могу:
В шкафу переставлю варенье,
Посуду помыть помогу,
Стучу по стене иль с бумажкой
Порой поиграться не прочь.
... Вчера назвала Барабашкой
Меня моя младшая дочь.

Она мне прошепчет: «На ужин!» –
На кухню за нею плыву.
Я ей незаметно стал нужен –
И снова, как люди, живу!

«Я здесь, моя радость! Послушай!
Сейчас по стене постучу,
Свою одинокую душу
Подвину к тебе по лучу!»

... Живых осудить не желая,
Не в силах сознание смежить,
Живут барабашки, играя.
А как ещё любящим жить?

1988, 1990

ПО МОТИВАМ П. НЕРУДЫ

Вопрос качества

Однажды мне задан был странный вопрос.

Ребёнок спросил, доведённый до слёз:

– Зачем на свете живёт человек,

Другим отравляя век?

Зачем нагрешит и уходит? Куда?

Как это понять: навсегда?..

Не умея ответить точно и вкратце,

Я с этим вопросом решил разобраться.

Гремел на улице праздничный туш.

Пришёл я к ловцам человеческих душ.

Закончилось сборище толпищ людских,

Смотрел на ловцов я, оценивал их.

Вот, выбрал... С трибуны идёт он ко мне,

Он к власти приближен, он – враг сатане.

Он – мудрый, он всё мне, как надо, расскажет.

Бальзамом на душу ответ его ляжет!

Он был обстоятелен, честен и мил,

Но, видимо, митинг его утомил:

Сказал пару слов – и тоскливо затих.

Как понял я, знания не выше моих.

Пришёл я к врачам, знатокам наших тел:

Они-то уж скажут, каков наш удел!

Врачи разъяснили мне сущность проблемы:

Не главное вовсе, что смертные все мы!

Микробов плодит несчётно природа, –

От них вырождается наша порода.

... Пришёл я к могильщикам. В зыбкой тиши

Они создавали уют для души

Умершего пьяницы: в битве с тоскою

Он в землю сошёл от большого запоя.

Могильщики яму печальную роют.

Я к ним подхожу: уж они-то откроют,

Никто лучше них не расскажет о смерти!

Они говорят: – Если надо, проверьте!

Чтоб знать вам, что там, между адом и раем, –

Ложитесь в могилу, мы вас закопаем!

... Искал я ответ и покой заодно.
К друзьям обратился. Мы пили вино.
Развратники, рюмки свои поднимая,
Сидели, бесстыдных девиц обнимая.
Друзья мне сказали: – Спроси, что полегче!
А впрочем, найди себе девку покрепче,
Чтоб стройные ножки, до пояса косы. –
Быть может, тогда и исчезнут вопросы...

... Уже постаревший, объехав полмира,
Домой я вернулся без веры в кумира.
Везде одинаково: все умирают,
Всех злая Старуха к себе забирает, –
И сильных мужчин, и прекраснейших женщин.
... Я знаю в вопросе об этом всё меньше!

1987

Сирена

Они за столом, выпивая, сидели.
Она, заблудившись, явилась, нагая.
Смутясь на секунду, её разглядели,
Потом обступили жестоко играя.
Вот кто-то щипнул её больно за шею,
И кто-то схватил её грубо под мышки, –
Она растерялась, сказать не умея:
Из ближней реки она только что вышла...
И кто-то, отчёт отдавая едва ли,
Сирену толкнул на дубовые доски.
На грязном столе её дружно распяли
И вместе над ней понатешились в досталь.
И ей бы заплакать – она не умела,
И ей бы одеться, да не во что было!..
Окурки тушили о голое тело,
И кровь под руками похабными стыла.
... Она не сказала на это ни слова:
Она говорить-то совсем не умела.
И встала она, и расправилась снова –
И пьяная рвань замерла ошалело!

Светились глаза Любовью нездешней
И губы-кораллы о чём-то шептали.
...Она уходила такую безгрешной,
Каких эти пьяницы век не видали!
И в воду шагнула, и чистою стала.
И тело светилось в ночной круговерти.
Она уплывала... Она уплывала
Прочь от людей... К Смерти...

1987

Дачный вес

В. П. Потолицыну

Лишь зашёл я в лес,
От забот смурной –
Мелкий хитрый бес
Говорит со мной,
Подаёт топор:
– Начинай дела,
Чтобы с этих пор
Здесь работа шла!
...Из болота рву
Пни толстенные,
На густу траву
Ставлю стены я!
Не сарай, не дом –
Будка с крышею.
Сам дивлюсь потом:
Как же вышло-то? –
Как же вздумал я
Топором махать,
Коль пришёл стихи
О любви писать?..

1987

С горки на горку

Растрачены деньги, я весел и беден,
В карманах звенит пустота.
И нет от бывшего богатства отметин,
И там, впереди, – высота.

Я должен взойти на неё, я обязан!
Не знаю, *кто* так положил...
Я к этой тропинке надёжно привязан:
На ней я родился и жил.

Карабкаюсь, губы от боли кусая.
Кто выдумал этот маршрут!?
А вон и верёвка лежит, провисая,
Выходит, меня уже ждут.
Всё прямо и прямо, всё выше и *выше!*
И чёрт бы все горы побрал!
Оборванный, злой, но к вершине я вышел,
Не зря в эти *игры* играл!

Сейчас будет спуск и, наверное, горы
В украшенных снегом венцах.
Я в жизни не видывал большего вздора,
Но должен идти *до конца*...
Я вышел!.. Карманы деньгами набиты,
И сказано: – Пей и гуляй!
Уставший, израненный, но недобитый
И, значит, не рвущийся в рай.

Напился, наелся, иду, спотыкаясь,
Кажусь себе очень могуч!..
Очнулся: да я же ведь снова спускаюсь,
В низину спускаюсь из туч!..

В вонючем болоте нога увязает...
За топью начнётся подъём...
И только само Провидение знает,
Куда же мы, люди, идём.

ДУМЫ О ДРУГЕ

Виктору Карелину,
искателю Истины в человечестве

Гадание по «Книге перемен»

Двое нас. Чайные чашки на стол ставим и чай наливаем,
Пьём золотистый напиток в кухонном тесном мире.
Пьём и молчим, мы друга без слов понимаем:
Истины мало в словах, в нас она скрыта самих.
Вечер за стёклами лунных лучей преисполнен.
Свет одинокой свечи нас озаряет теплом.
Молча беседуем, молча в глаза испытующе смотрим.
Трудно прервать тишину. Да и сладка тишина!
Всем ты своим существом излучаешь глухую тревогу,
А ведь вчера ещё был полностью с миром в ладу.
Что же с тобою случилось? Прислушался, и понемногу
Я понимаю тебя, знаю вопросы твои.
Всё ж для поддержки прибегну к испытанным авторитетам:
Рядом случилась «И-Цзин», мудрая книга *Фо-Хи*.
Жребий страницу назвал, я судьбу твою ясно читаю,
Знак с иероглифом «*Люй*» всё про тебя рассказал.
– Вот твоё житье. Ты к познанию мира стремился,
Не был труслив в мелочах и потому миновал
Многих сомнений в пути. Ты любил, ненавидел, боролся,
Но и при этом при всём людям другим не вредил.
Вот и порядок в душе долгожданный пришёл, наконец-то,
Цель уже рядом почти!.. Много потрачено сил,
Ты незаметно иссяк, вкус к продвиженью утратил;
Силы черпал ты в толпе – должен уйти из толпы, –
Та по рукам и ногам от рожденья тебя пленала,
Нет движения в толпе, нету полёта души.
И, оставляя людей, даже ближайших из ближних,
Можешь рассчитывать ты лишь на себя самого.
Стойкость ужасна твоя! Желание без исполненья:
Дальше не можешь идти, но и не можешь стоять...
Всё ж не отчаялся, не отвернулся, не сдался,
Перетерпел – и обрёл вновь равновесье души.
Многое множество раз силы тебя оставляют,
Но ведь божественна *цель*! Мужество крепнет твоё.

Истину лишь обретёшь – станешь владыкою рока,
Духом, извечно благим, людям *познание* дашь!
Горе, Искатель, тебе! Двинуться больше не можешь!
Истину ты не познал, только обидел людей,
Вот и смеются они над твоей неудачей...
Плачь о случившемся, плачь, слёзы горячие лей!
Плачь, да не слишком: возможности канули в Лету,
Но, поразмысли теперь: к *цели* ты шёл наугад:
Истину ты миновал, её обходя торопливо,
Ныне ж она – впереди, ты постарайся понять.
Где и когда ты бывал счастлив, как в этом походе?
Может, и *цель* не важна – лишь *продвижение* к ней?..
Всё ли тебе рассказал?.. – Головою согласно киваешь
И, поправляя очки, пьёшь остывающий чай.

1993

Надежда

Если город приполярный
До изнанки проморожен.
Если фонари ночные
Прямо в душу сеют холод, –
Это ничего не значит!
Человек, уснуть не в силах,
До рассвета размышляет
Над заветною тетрадкой;
Он сутулится и курит,
Очень важным занят делом:
Пишет он стихотвореньё
О далёких египтянах.

... Люди древнего созвездья
В кораблях – плугах пространства
Долгий путь преодолели
И, увидев нашу Землю,
Жизнетворную планету,
Поселились возле Нила.
Здесь посеяли впервые
Привезённую пшеницы.

Здесь они воздвигли храмы,
Чтоб сберечь свои познания.
И когда иссякла Сила,
Что вела их через звёзды, –
Всю тоску, печаль и жажду
И восторг пред горней высью
Воплотили в пирамиды!
Как модели звездолётов,
Треугольные громады
Возносились над пустыней,
Острия нацелив в Небо.
Это Дух непобедимый
От Земли обратно рвался!
Но теперь для поселенцев
Небо было недоступно...

... Пусть мороз и пусть разруха
Жизнь всемерно омрачают.
Пусть больное государство
Оплатить труды не в силах.
Пусть вокруг со злобой ропщут
Обездоленные люди.
Прямо в воздухе витает
Призрак новых революций, –
Это ничего не значит!..

И чудака полуголодный
До рассвета размышляет
О великих Пирамидах
И о тех, кто их построил.
Он пытается взглядеться
В смутно видимые лица,
И утраченная Тайна
Облекается словами:
– Если вечны Пирамиды,
Если Дух стремится в Небо, –
Значит, есть ещё надежда!

ПРИЗРАКИ АПОКАЛИПСИСА

Первая марсианская

1

Куда ни глянь – везде
Покой и тишина.
Приёмники молчат,
Поникли микрофоны.
А где-то на Земле
Поднята вся страна,
Солдаты молча грузятся в вагоны.

Там самолётов гул,
Там рокот дизелей,
Как черви, из-под ног
Повылезли ракеты.
И вот пошёл в разгул
Убийца по Земле, –
И огонёчком вспыхнула планета.

... Уставясь в небеса,
Стоим который час.
Потом огонь погас,
И стало всё, как прежде.
Что там за чудеса?
И вдруг дошло до нас:
Тот огонёк –
Лишь памятник надежде.

Летели мы сюда
И знали наперёд,
Что Родина на нас
Надеется и верит,
Что каждый до конца
Нелёгкий путь пройдёт
И распахнёт пространственные двери.
Да что же они там?
Куда нас завели?

Не стоит и кричать,
И так уже понятно,
Что умерла мечта,
Что нет у нас Земли:
Мы прилетели, некуда обратно!..

Нет Родины у нас.
Корабль – последний мир,
Вселенная нас всех
Из списков исключает.

И, отводя глаза,
Мрачнеет командир
И рацию, помедлив выключает.

2

Я прохожу среди развалин,
Смотреть и видеть – нету сил.
Шумит полковник: – Что ты, парень?
Ну что ты сопли распустил?

Когда на Землю мы летели,
Ты был готовым ко всему...
А я шагаю еле-еле,
Всё не поверю, не пойму:

Здесь были дом, жена и дети,
А ныне – чёрный холм руин.
Я разбираю груды эти...
Ужели жили мы на свете,
Гордились обществом своим?

Полусгоревший подоконник –
Всё, что оставила мне смерть.
– Летим в Москву! – сказал полковник. –
Хочу на «мудрых» посмотреть.
В Кремле вершим посадку броско,
Седой туман пробороздя.
Потом стоим в молчаньи жёстком
Над трупом мёртвого Вождя.

Он провожал нас не без фарса:
– Несите ввысь социализм!
Пока вы бродите по Марсу,
Мы здесь построим коммунизм!

...В безумстве двигатель машины:
Наверх! Подальше от Земли!
Наверно, были и причины...
Мы прочь уходим от кручины,
Что Родины не обрели.

Кипит полковник буйным матом:
– Я идеальным был солдатом,
Я на Луну пять раз летал,
С тобой по Марсу мы ходили...
Плывать на всё!.. Часы пробили,
И миг решительный настал!..

...Я дрался с ним, сжимая зубы,
Но он был дьявольски силен, –
Меня из шлюза выпер грубо
И был в пространство вознесён.

Лежу, как пьяный оборванец,
Лицо в крови. А за стеной
Сверкнул огнём ракетный ранец.
– Прощай, мой кэп, прощай, родной!

3

И вот, кружу один
В безмолвном корабле
Над всё ещё родной,
Обугленной и брэнной;
Был раньше гражданин,
А ныне – так себе,
Лишь метеор из бешеной Вселенной.

Я, может быть, смешон,
Да некого смешить,
Я ныне потерял

Спокойствие и веру.
Мой жребий предрешён,
И лучше поспешить!
Я коршуном кидаюсь в атмосферу.

В рассветную зарю
(Пока летим – живём!).
Я мёртвым покажу
Их умершую силу!
И вот уже горю
Взаправду и живьём,
И вклиниваюсь в общую могилу!..

1988

Последний житель
(из рассказа «Ночное чаепитие»)

Четвёртый год – глухая тьма,
Давно уж звёзд мы не видали.
Вчера сосед сошёл с ума
И скрылся в непроглядной дали.

Умершим городом брожу,
Вхожу в дома, ломая двери, –
И никого не нахожу!
Мне не во что сегодня верить.

Давно потеряна семья,
Живу в заброшенной квартире.
Случайно жив остался я
В агонизирующем мире.

Меня судьба пока щадит,
Но смерть, я знаю, недалечко.
Уже кончается, чадит
Последняя живая свечка.

Никто не шлёт из тьмы вестей,
Прервалась связь, все люди – волки.
Из всех последних новостей
Одна: я жив! Но что в том толку!

Нашёл бутылку и стакан,
Стою на площади центральной.
И жизнь – обман, и смерть – обман
В могильной тьме, в ночи печальной.

Охвачен мертвенной тоской,
Тяну последние мгновенья.
Я пью: «Будь проклят, род людской,
Ты не достоин сожаленья!»

1983

Рельсовая война

Пародия

*Я с Карелиным брошусь на рельсы,
Дайте место и каски, шахтёры!*

Иногда Бонапарт я, он – Нельсон;

Я – поэт, он – прозаик матёрый...

А. Максимов

Я Карелина брошу на рельсы,
Он доверчивый, он согласится;
Обману: ты, мол, – вылитый Нельсон,
Только глаз не завязан тряпицей!

Он полезет, счастливый до дрожи,
Перекроет дорогу надёжно.
Вот сюда бы Корюгина тоже!
Полагаю, и это возможно.

Скорый поезд промчится, как ветер,
Всё останется шито да крыто!
А пока эти двое на свете –
Не дожидаться мне славы пиита...

1998

Моя страна не слышала меня

Моя страна не слышала меня,
Она ругала власть и непогоду.
Словами бесполезными звеня,
Был несозвучен целому народу.

Замкнул уста – вселенная души
Была тиха и вся лучилась Светом.
Страна кипела в сумрачной глуши
И знать не знала сына и поэта.

1991

Имаго

Куда-то девалась отвага...
Ну что же, дождуся зарю,
Войду в состоянье «имаго»
И дверь за собой притворю.

Прослушаю все кровотоки
В расслабленном теле моём.
Шаг сделаю в терем высокий
С прекрасною Музой вдвоём.

Поёт неустанная лира...
Вершинные льются стихи...
Постигну строение Мира
И главные в жизни грехи.

«Имаго» мне выжить поможет,
Рассеет привычную грусть.
И буду я счастлив, и, может,
Обратно уже не вернусь.

1987

Искарот

(по мотивам древней легенды)

Я раньше был Иудой, сподвижником Христа.
Лежал печальной грудой у страшного креста.
По моему навету Спаситель был распят, –
И я Его послушал, и нет пути назад!
Домой я возвратился – ушла навек жена;
В истерике я бился у хмурого окна,
Кричал, что не виновен: Спаситель Сам послал!
Но ни сосед, ни воин меня не услышал...
Я умер от водянки у хижины своей,
Смердят мои останки, пожива для червей.
Никто на этом месте не пашет тыщи лет:
Навечное нечестье, иной мне доли нет!
Эй, люди, подождите! Послушайте хоть раз:
Меня послал Спаситель, мой высмеяв отказ.
Велел, чтоб без оглядки, чтоб болтовню презреть.
Он должен был под Пасху, не позже, умереть.
Прощаясь, Он заплакал в предчувствии конца.
Я сделал всё, как надо: теперь Он – у Отца!
А мой удел – в позоре, Предатель я и вор!
Мой подвиг: моё горе, великий мой позор.
Как убедить вас, люди, что жизнь моя чиста?..
Я раньше был Иудой, сподвижником Христа.

1990

В чаще ночной

Как-то, шагая устало, я
Путника встретил в лесу.

– Что ты несёшь в себе?

– Дьявола...

– Бога несёшь ли?

– Несу...

– Что же в тебе они делают,
Столь несовместны в миру?

– Я и страдаю, и верую,

Оба ж – играют в игру...

– Трудно тебе?

– Поразительно!

И страшновато порой...

– Бедный!

– Я сцена и зритель, но...

– Душу возьми и открой,

Вытряхни их из обители,

Пусть безобразят одни!

– Взять их себе не хотите ли?

Так не уходят они!..

...Взора касался я красного,

Видел под нимбом главу, –

Так что оставил несчастного,

Не восприявшим живу.

... Парами боги и дьяволы

Рыскают в чаще ночной.

Светитесь, встречные, ало вы –

Вот и хожу стороной.

1999

Эринии

Если долго идти вдоль незримых линий
На краю сознания в мире тщетном, –
Можешь встретить нечаянно хор Эриний:
Налетят отовсюду толпой несметной!

Пусть ты не подчинён инфернальной власти,
Пусть даже и праведник Вышней Волей, –
Твари душу твою разорвут на части,
Упиваясь твоей неизбывной болью.

Потому что ты – смертный! И в этом дело:
Полагается смертным страдать и плакать...
Отряхнёшься, вернёшь свою душу в тело
И отправишься дальше в ночную слякоть.

Будет утро. И где-то, в тепле иль стыни,
Разрешая проблемы, которых тыщи,
В отдаленьи почувствуешь рёв Эриний –
И опять содрогнёшься. И станешь чище.

2000

НЛО-навты

(по мотивам рассказа очевидца посадки НЛО в г. Воронеже)

Вот и опять НЛО приземлился «случайно»,
Люди-уроды в костюмах струящихся вышли,
Наземь ступили... И как угадаем их мысли,
Коли постигнуть не можем их древнюю тайну?
Вот что поведал об этом искателю Даймон:
– Их от людей породили астральные вихри.
Землетрясения клян्या, вы клянёте не их ли,
Мантии жителей, к Свету стремящихся тайно?
Чем бездуховнее, чем вы жесточе и суше, –
Страстью питаете эти подземные души:
Праздник у них, если здесь вы кромсаете плоть!
Гении техники в вашу вторгаются стужу,
Вас испытуют, а вы, упаси вас Господь,
Всё продолжаете злом изливаться наружу...

1997

Взаимосвязь

Сдержаться в споре не сумев,
На чей-то мат ответив матом,
Я проявил неправый гнев –
И задрожал в кристалле атом.

Под гнётом злобы и тоски,
Которые я излучаю,
Кристалл распался на куски,
На всё послушно отвечая.

В какой-то роковой момент,
Напрягшись в бешеном раздоре,
Зашевелился континент,
Огромный город сбросил в море.

Планета дрогнула слегка,
На метр орбиту исказила –
Была настолько велика
Моя неправедная сила!

Галактика, спираль кривя,
Своё замедлила движенье...
Всё оттого, что ныне я
Сдержать не в силах раздраженье.

1993

Урок

*... Потому говорю вам: всё, чего ни будете просить
в молитве, верьте, что получите, – и будет вам.*

Мрк. 11, 24

– Люди! Верьте Богу до конца!
Если кто горе вот этой скажет:
«Повернись!» и «Бросься в море!» даже –
Так и будет волею Отца.

– Мы не можем! – люди говорят. –
Мы не Боги, мы простые люди...
Сделай Ты, а мы с Тобою будем,
Ибо Ты один под небом свят!

– Возлюбите прежде мир вокруг,
Кончите пустые разговоры, –
И тогда послушны станут горы
Мановенью ваших слабых рук.

– Мы не можем! – жалкие твердят.
Иисус, вздохнув, идёт по водам.
– Людям преждевременна Свобода... –
Говорит и ввысь отводит взгляд.

1991

Бывший ангел

Я хотел бы написать стихи,
Чтоб, читая, люди стали чище,
Да мешают многие грехи
И влекут меня на пепелище!

Мне они не дали возрасти,
Жизнь-то вся из них и состояла.
И тоскую... Господи, прости,
Ты прости, что Света было мало!

Всё боролся, всё спешил, спешил,
Ничего об Истине зная.
Столько лет для тела только жил –
Вот душа и плачет, замирая...

Жизнь моя – такой бредовый сон,
В детстве же – Любвию лучилась:
Был я Ангел, чист и невесом...
Что ж потом-то, Господи, случилось?..

Пережил и горе, и нужду –
И погас светильник мой до срока.
Ныне вот покаялся и жду,
Что вернёшь, заблудшего, к Истокам.

Труден Путь, неверен человек,
Лишь в Твоей его направить воле!..

Так молился, избывая век,
Бывший Ангел, плачущий от боли.

1991

Долину скорби проходя

Валентине

Мы бредём во тьме кромешной, спотыкаясь,
Разрывая ночь своих сердец огнём.
А тропинка – она скользкая такая!
Долог путь, и столько трудностей на нём!

Взят крутой подъём. Упали навзничь на вершине,
Жадным взором ловим скрытый горизонт,
Верим, что не зря сюда спешили.
Руку дай! Нам расставаться не резон.

Отдохнула? В путь, любимая, пора нам!
Хочешь, для тебя начну стихи слагать?
Мы сегодня вышли непривычно рано –
Значит, больше и успеем прошагать.

Мы вдвоём! И потому сильны, как прежде,
Только ты держись покрепче за меня!
... Чьи-то руки нас хватают за одежду, –
Просто руки, без сердечного огня.

Я толкаю Тьму, я бью её, пинаю!
Чьи-то зубы хищно щерятся из Тьмы.
Ты не бойся нечисти, родная,
Не такое видывали мы!

Наплевать! Идём, родная, смело,
Только сердце прикрывай от мёртвых рук.
Мы идём вершить большое дело:
Разорвать порочный круг!

... Мы вошли в невидимую рошу.
Возле ног – неслышная возня,
Кто-то стонет, кто-то тихо ропщет,
Кто-то молча спрятался в лозняк.

Здесь немало путников осталось,
Тех, кто слишком яростно горел,
Чьё большое сердце разорвалось
От борьбы и прочих дел.

Рядом – слышишь? – крики раздаются,
Огоньки мелькают там и тут:
То друзья со злом извечным бьются
И идут!
Отстают и тут же догоняют;
Кто-то сильный вырвался вперёд.
А кругом болотища воняют,
Злая нежить голос подаёт.

Рушатся деревья и каменя,
Лупит дождь в разбитое лицо...
Нет, не рай далёких мудрецов
Наша жизнь, а эти вот мгновенья!

Мы шагаем, корчимся от боли,
Изучаем непонятный Путь.
Хоть бы добрести скорее, что ли!
Хоть куда-нибудь!..

По горам, а горы непомерно высоки,
Мы ведём детей, укрыв плащом дырявым, –
Скоро загорятся здесь по праву
Их сердец открытых огоньки.

Где-то высоко запели звонко трубы...
Отдохнём... Не плачь
И не жалея пока что ни о чём,
Дай твои обветренные губы,
Прислонись израненным плечом.

1987, 1992

Исповедник

Не пророк я и не проповедник,
Не далась мне Тайны высота:
Я – идущий рядом исповедник,
В человеке ищущий Христа.

Люди исповедоваться любят,
Разгружают душу от тоски.
Что сказать... На то они и люди,
Мне они, как кровь моя, близки.

Все свои печали и обиды,
Все сомненья мне передают.
Молчаливо слушаю и вида
Горестей своих не подаю.

А потом ворочаюсь ночами,
Вспоминаю разговоры дня;
У меня ведь тоже есть печали,
Многое скопилось у меня.

Так живу: и свой, и, вроде, дальний,
Молча горе мыкаю своё:
Нету для меня исповедальни,
Мне не полагается её.

1987

Воспоминание об Иове

На пыльных развалинах этой нелепой страны,
Утратившей гордое имя соседям в угоду,
Живём по привычке, коль были уж здесь рождены,
Бесстыжих очей не решаясь поднять к небосводу.

А ветры жестокие режут любимую плоть,
А помыслы наши липучею мглою покрыты.
Осталась надежда, что есть на планете Господь:
Его мы забыли, но мы у Него не забыты.

Ничто нам не мило, родная земля холодна,
И солнце не греет, и давят свинцовые тучи.
Но Слово приходит – и нас пробуждает от сна,
И тянемся, чувствуя этот источник могучий.

Дождёмся – и будет над нами раскинут покров
Вселенской Любви, что Россия знавала немного.
И надо терпеть и молиться, как делал Иов,
Пока был гнетён Сатаной с поущения Бога.

1990

Для чего я пишу

*Ленивых надобно будить, а сами
Они не расшевелиятся никак.
Данте. Божественная комедия*

Люди живут на Земле, чтоб друг друга любить.
Чтоб, просыпаясь, друг друга приветствовать мило. –
Так полагаю я. Только не так это было:
Люди живут на Земле, чтоб друг друга убить!..

Сколько же миру в крови человеческой плыть!
Вон, почернело от нашей неправды светило...
Столько пропало труда и растрчено пыла,
Что оборвалась в сердцах путеводная нить.

В том моя миссия, чтобы обрывки связать, –
В каждое сердце для этого надо стучаться,
Чтобы услышали, может же так оказаться! –

Чтоб погибающим помощь успеть оказать.
... Нужного слова ещё не умею сказать,
Вот и сердца у людей не хотят открываться...

1993

Жажущие чуда

В руке сжимая микрофон,
Пред вами говорю о Боге,
О том, насколько близок Он,
Как светит путнику в дороге;
О том, что нет добра и зла,
О нежеланьи человека
В сознание заглянуть от века;
О том, что Истина цела,
Хоть мы её не признаём;
О скромном опыте своём.
Безмолвно слушаете вы,
И скепсис кривит ваши губы;
Вам кажется, что вы правы,
А я кажусь смешным и грубым.
Вот если б был я – Иисус!..
Но я – всего лишь обыватель,
Который, вероятно, спятил
И повергает вас в искус.
Что говорить про Небеса,
Коль не несу вам чудеса?
Я никого ещё не спас
От гибели касаньем взгляда...
Что пользы было бы для вас,
Будь Сыном Божьим я? Не надо
Гадать, как, жаждая чудес,
Пресытились бы и во гневе
Меня распяли бы на древе
И ждали, чтобы я воскрес...
Вам чуда надо? Вот оно:
Друг с другом будьте заодно!

1993

Авторский вечер

Опять, на сцене стоя,
Сжимаю микрофон,
Меня сейчас с толпою
Соединяет он.

Во тьме белеют лица,
За рядом – новый ряд.
Я должен к ним пробиться
Сквозь марево преград.

Я говорю: – Дороги
Пройдём мы, лишь любя.
Мы, люди, – это Боги,
Забывшие себя!..

Потоком светлых магий
Слова мои звучат.
А Боги в креслах мягких
Расслабленно молчат.

А Боги отдыхают.
Им речь моя темна.
И в сердце полыхает
Неясная вина.

1998

Осознание себя

Дочери Ирине

Коль нам покой и Знание не даны,
Пока душа желаньями объята, –
Сойдём туда, где властвует Геката,
Туда, в ещё неведомые сны!

Посмотрим на себя из глубины,
Увидим всё, чем Истина богата:
Мы – Боги, но подвиглись брат на брата,
В свои тела безмерно влюблены.

И в этом – человечества секрет:
Внутри души пылает чистый Свет,
А телу вечно грезится услада.

Лишь в ясных снах, когда желаний нет,
Мы лишены физического яда
И в состояньи вырваться из ада.

1992

Проситель

*Господь говорит всякой любящей душе:
Я был ради вас человеком; если вы не станете
ради меня Богами, то будете ко Мне несправедливы.
Мейстер Экхарт. О страдании*

1

...Тогда на лесистой горе
Он выстроил собственный дом.
Он брёвна тесал на заре,
Он изгородь ладил кругом,
И радостно после вздыхал,
И Богу молился в ночи.
И жаркий огонь полыхал
В ещё непросохшей печи.
...Он целыми днями сидел
На дикой отвесной стене
И с гордой насмешкой глядел,
Как люди склонялись к земле,
Работали – не разогнуть,
Ложились в теснины гробов...
Он выбрал свой собственный путь,
Чужой для долинных рабов!
Их дикие мысли грязны,
Их взгляды направлены в грязь;
Живут от войны до войны,
Начальству лихому молясь.
Но что ему ныне до них,
Бездумных, безумных ослов!

Здесь – воздух прозрачен и тих,
Простор для возвышенных слов!

2

И Богу молился. И Бог
Однажды к нему постучал,
И был разговор их неплох:
О сути великих Начал.
Тогда он решился: – Господь!
Прогнил человеческий мир:
В Долине господствует плоть.
Насилие – вот их кумир.
Наука их – гордая спесь,
В их душах свирепствует бес.
Сюда я поднялся и здесь
Увидел сиянье Небес.
Здесь воздух звенит от Любви,
Там – зависть и злоба царят,
Там чахлые дети Твои
Неправое дело творят;
Живут, вырождаясь в веках,
И всё утончается нить.
Коль Ты – их Создатель, то как
Такое Ты мог допустить?
...И Бог промолчал.

3

И тогда
Сказал он заветную мысль:
– Отступит от мира беда,
Коль люди поднимутся ввысь,
Дурную мораль отметут
(Лишь чистый достоин пути!);
Сюда соберёмся, и тут
Прими нас и дальше веди!
... И Бог промолчал.

И тогда,
Огонь поправляя в печи:
– Зачем же пришёл Ты сюда? –
Шепнул он. – Хотя б не молчи!
О, дай мне великую власть,
Царём меня сделай навек!
Пред мною боятся упасть,
Прямее пойдёт человек.
Закон справедливый издам,
Железом его укреплю,
Похлёбку отверженным дам,
Чтоб ведали, как их люблю.
Домов им построю – не счесть,
Дарю защиту и кров.
И станет земля моя здесь
Оазисом Божьих миров!
...И Бог промолчал.

– Не молчи!
Дай Духа Святого, коль так! –
Людей поведу из Ночи,
Она – их единственный враг.
В их душах огонь разожгу,
Грехи их заставлю признать.
...Ну, что же Ты?.. Я не могу
Чего-то неясного ждать!
В Долине, лишаясь сил,
Но не поддаваясь судьбе,
Я эти вопросы носил,
Мечтая задать их Тебе...
Оставил жену и детей,
Друзей и устроенный кров. –
И вот, на святой высоте
Свободен от прежних оков.
Я звал Тебя несколько лет,
Я только лишь этим и жил!
Ты – рядом! А помощи нет...

Хоть слово-то я заслужил!..
...И Бог, улыбаясь, молчал.
И в окнах алела заря.

6

Тогда человек воскричал:
– К Тебе обращался я зря!
Ты мне говорил о Мирах –
К чему мне иные Миры?
В Долине свирепствует страх,
Он виден и с этой горы.
Там люди, друг друга губя,
Не видят Божественный Свет.
Они позабыли Тебя,
Им выхода попросту нет...
Я звал Тебя, славный Господь,
Открыть истомлённым глаза,
Поднять до духовности плоть, –
Но Ты ничего не сказал!
...Что ж, к этим несчастным вернусь,
Во тьме поведу их, губя,
И с ними погибну. И пусть
Они не познают Тебя!..
...Ушёл, побелевши, как мел.
И камни гремели в ночи.

7

И Бог одиноко сидел
У ярко пылавшей печи.

1992

КОСТЁР БЛАГОСЛОВЕНИЯ

Песнь ожидания

На планету опустится вечер,
Завершит приключения судеб. –
Вот тогда мы отпразднуем встречу,
Ведь она обязательно будет!

Из последних земных воплощений
Ты придёшь, осиянная Светом.
Белым Ангелом чудных видений
Выйду встретить, ты помни об этом.

И в глазах утону я бездонных,
Я о них за века измечтался.
О, моя дорогая мадонна,
Как я долго тебя дожидался!

Улыбнёшься и что-то ответишь,
И пойдём по хрустальной тропинке,
И развеет задумчивый ветер
Всех последних тревог паутинки.

Будут звёзды снежинками падать,
Приоткроется Сердце Вселенной.
И, моя неземная отрада,
Мы поднимемся к жизни нетленной.

На планету опустится вечер,
Завершит приключения судеб.
Мы с тобою отпразднуем встречу!
Верь, она обязательно будет.

1997

Св. апостол Павел о любви

(1 Кор. 13, 1–3)

Пусть я в познании языков велик,
Пусть Ангелы и люди мне понятны;
Пусть я – Пророк и ведаю все Тайны,
Пусть Верой обладаю я такой,
Что горы переставить мне не трудно;
Пусть всё своё имение раздам
И на костре умру во имя Бога, –
Но если не имею я Любви,
То я – ничто.

1992

ХОЗЯЙКА ТАЛИСМАНА

*Пусть старый твой портрет в снегах потерян,
Пусть не входит мне в комнатку твою,
Пусть ты другого любишь, – я не верю,
Я никому тебя не отдаю!*

Б. Ручьёв

Алые паруса

Море сурово кипит за кормой,
Чайки кружат над седой пеленой.
Солёные волны, солёная жизнь...
Вперёд, к горизонту, корабль мой, держись!

Летит бригантина, морская стрела,
Её капитана мечта увела
От роскоши, почестей, славы и вин.
Он борется с морем один на один.

На мачтах горит негасимым огнём
Алая кровь парусов.
Дети бригантина и ночью, и днём,
Команда не ведает снов.

А прямо по курсу – синее земля!
Исчезнут тревоги и боль:
Там ждёт капитана, мечту затая,
Простая девчонка, Ассоль.

В тумане вдали – материк на весу.
Блестят голубые глаза.
...Быть может, и я для кого-то несусь
Алые паруса.

1963, Варнаки

Письмо

Н. Е.

Ты прислала письмо –
Два десятка изломанных строк,
Почерк твой тороплив и нестрог.
Ты прислала письмо!

Сколько было ночей без сна!
Сколько пепла от папирос...
Ждал я это твоё письмо,
Знал, что будет ещё весна.

В самом сердце тревогу тая,
Распечатал конверт торопливо
Сразу стал бесконечно счастливым
От короткого слова: «Твоя».

И теперь – потекли ручьи
С сердца, смёрзшегося в комок!
Жаль, что раньше я видеть не мог
Эти строки твои...

1964, Ис

Встречай

Откуда б только я ни появился,
Куда бы ни забросила судьба, –
Ассоль, Ассоль, встречай меня у пирса,
Услышь мои хорошие слова!

Пусть ветры бьют, метели злобно воют,
Всё вынесу: вражду, измену, боль, –
Но только чтоб шагать мне за мечтою,
Но где-то чтоб ждала меня Ассоль!

1966, Ис

Талисман

*Любимая подарила мне талисман – фигурку человечка,
сплетённую из красных и жёлтых ниток мулине.
Он прошёл вместе со мной большой путь.*

Нитяной человечек
В золотистой чалме
Приподнял свои плечи,
Улыбается мне.

Он за нитку подвешен
К пиджаку изнутри.
...Нитяной человечек,
На меня не смотри,

Не рассказывай сказку,
Из которой пришёл;
Лучше б в этой вот сказке
Ты хозяйку нашёл, –

Рассказал бы: о встрече
С ней – почти не грущу.
Нитяной человечек,
Я, наверно, шучу...

Тихо теплится вечер
Синевою в окне.
Нитяной человечек
Улыбается мне.

1967, Ис

Собаке соседа

Спи, Яшка, спи, дружок ты мой лохматый,
Тихонько спи, повизгивай во сне,
О пол стуча хвостом своим кудлатым
И ничего не зная обо мне.
Сейчас большую кость во сне увидишь –
Проснёшься тут же, радостно скуля.
Тебе плевать на все мои обиды,
На то, что пожелтели тополя,
На то, что в сердце – грязь одна и слякоть,
А счастье скрыто тучами опять.
Я, Яшка, с детства не умею плакать,
Поэтому сейчас мы будем спать.

А, впрочем, рано отбивать нам склянки,
Побудем у вечернего огня;
Я дам тебе сейчас консервов банку –
И будешь ты счастливее меня.

Завидую твоей собачьей доле:
Всё вынесешь, была бы лишь еда.
А я вот утром отправляюсь в «поле»,
Печаль свою забуду, как всегда.

И только вечером придёт расплата:
Опять вдвоём грустить с тобой в ночи...
Спи, Яшка, спи, дружок ты мой лохматый,
Уж мы с тобой об этом помолчим.

1968, Пензенская обл.

Мы прощались

Мы прощались в тихом горе и слезах,
И качались рядом зданья-корабли.
Я печально целовал твои глаза,
Потемневшие от ночи и любви.

Мы грустили, мы прощались в этот час.
Понимал я: ты навеки не моя!
Ничего-то не получится у нас,
Ни любовь, ни приключение, ни семья...
Больно сердце трепетало и рвалось,
Рядом билось безутешное твоё.
Всё погибло! Всё лишь только началось!
Мы сидели, одинокие вдвоём,

Понимали: расстаёмся навсегда,
Надо будет к новой жизни привыкать;
Будут годы, словно вешняя вода,
Между пальцев незаметно утекать.

.
Вот и всё! Короткий кончился роман,
Началась большая повесть: «Без тебя».
Я прочёл её, но в ней – сплошной обман:
В ней герой прожил полжизни, не любя.

1968, ЗабВО

Когда нет писем

Не пишешь ты: к чему тебе солдат?
Но всё равно я счастлив даже этим,
Не надо никаких других наград
Для совести влюблённого поэта.

Молчишь, а мне молчанье говорит,
Что всё равно забыть меня не можешь.
Огонь костра неярко и горит,
А ведь его не сразу уничтожишь.

Изменчиво бывает бытие.
Пусть не часто небо голубое, —
Я чувствую молчание твоё
И этим как бы говорю с тобою.

1968, ЗабВО

Снега бредут по перевалу

Снега бредут по перевалу,
И я бреду за ними вслед.
Нет, ты меня не предавала! —
Тебя со мною просто нет.

Толкутся ветры зло и грубо,
Весь мир ветрами опалён.
А я влюблён — смешно и глупо! —
Который год в тебя влюблён.

Не думай, что я где-то каюсь,
Не думай, что устал, прошу.
Я солнцу так же улыбаюсь,
Я о тебе стихи пишу.

Дорог у нас ещё не мало.
Как знать, какой-нибудь весной
Вдруг на случайном перевале
Случайно встретишься со мной...

*1967, Тянь-Шань,
1970, ЗабВО*

Берегу

Ты осталась девочкой навеки,
Юностью, встречающей зарю.
Всем, что есть святого в человеке,
Я девчонке: — Здравствуй! — говорю.

Юность, неподвластная печали
И совсем не верящая в зло,
Ты опять со мною, как вначале,
Бедам всем и сплетням всем назло.

Разбивая в кровь лицо и руки
В самом дальнем ветреном краю,
Лишь сильнее делаясь в разлуке,
Берегу я карточку твою.

1970, ЗабВО

Я болен тобой

Метель затевает со снегом игру,
Поднялися дыбом косые сугробы,
Заря замирает на резком ветру
И синей становится от озноба.

Качаются сосны, от боли скрипя,
Вершинами машут в разорванном небе.
...И вот я опять вспоминаю тебя,
Как странник измученный вспомнит о хлебе.

Я болен тобой! Приходи, помоги!
Я болен тобой безнадежно и глупо.
Быть может, твои раздаются шаги
По сопочным белым и скользким уступам...

Я болен тобой! Нелогична любовь,
Не вставить её в повседневные рамки.

Не сплю. Лишь усну – просыпаются вновь,
Прощаюсь с тобой, приходящей из снов,
И брежу опять о тебе спозаранку.

1970

Предчувствие

Я знаю, когда-нибудь будет
Опять не до сна,
В литую незыблемость буден
Ворвётся весна.

Лесною тропинкой
К синеющей выйду реке,
Путей паутинку
Угадывая вдалеке.

И что-то заставит
В дорогу уйти налегке,
И будет лишь хлеба немного
В моём рюкзаке,

В сиянии рассвета
В далёкий отправлюсь полёт.
И женщина где-то
Любимым меня назовёт,

Тетрадь со стихами,
Есенина маленький том.
Столкнулся с ветрами
И буду счастливым притом.

В дела воплотится
Предчувствие новой мечты.
...Всё это случится,
Как только забудешься ты.

1969

Погибает любовь

Погибает любовь. Как дорога кончается.
Не уйти и ничем не помочь.
До банальности просто всё бросив, отчаяться
В эту белую зимнюю ночь.

Погибает любовь. Надо крикнуть, услышишь же!..
Как кораблю, потерпевший беду,
Я сигналом отчаянным всё-таким выскажу,
Что к тебе я уже не приду.

1970, ЗабВО

Vide cor tuum³

В трамвае замерли влюблённые –
Рука в руке, глаза в глаза.
Стоят, друг другом опьянённые.
Так много надо им сказать.

³ Взгляни на сердце своё (лат.).

Они ж молчат. Горит волнением
Глаз удивлённых синева.
...Мне б написать стихотворение,
Им посвятить. Да что слова!..

Смотрю с улыбкою неловкою.
Вот остановка. Выхожу
И долго медленной походкою
Уснувшим городом брожу,

Твержу заклятья и пророчества,
Взволнованно не сплю всю ночь.
Так надоело одиночество!
Мне одному уже невмочь...

Забыты истины открытые,
Исчезли юные мечты.
И, для неё уже забытые,
Горят последние мосты.

Пылают яростно и весело,
Стибаясь в бешеном огне.
...Ушла любовь. Окно завесила.
И дело вовсе не во мне.

1971, г. Ижевск

Поклонение

Поклоняюсь тебе!
Так жрецы поклонялись Богам.
Я, наверное, мог бы
Весь мир к твоим бросить ногам
И остаться ни с чем.
Но тебя мне уже не найти,
Лишь забытою песней
Пригрезись где-то в пути,
Вдалеке промелькнёшь
И исчезнешь, уже навсегда –
Без тебя и без мира
Мне как оставаться тогда?

Поклоняюсь тебе,
Но к другому огню ухожу
И других люблю,
Хоть тебе и служил, и служу.
Нет тебя у меня
И не будет, далёкой, вовек!
Хоть беда велика,
Я такой же, как все, человек.
И, себя проклиная,
К другому огню ухожу,
И, покоя не зная,
В дорогах бессонных кружу.
Если путь оборвётся
В моей беспокойной судьбе, —
На Земле остаётся:
— Всё равно поклоняюсь тебе!

1970

Сняты алые паруса

(из рассказа «Ещё раз об алых парусах»)

Сняты алые паруса...
Реи, голые, словно ветви,
В небо вписаны силуэтом.
В стороне проплывает берег. —
Столько лет я к нему стремился!
А теперь вот на хмурых мачтах
Сняты алые паруса.
А Ассоль?
Она ждёт, с надеждой
Смотрит, смотрит во мглу тумана
И, отчаявшись, замечает
Мой корабль, но на нём сегодня
Сняты алые паруса!
— Нет, не он! — и вздохнёт девчонка,
И пойдёт вдоль черты прибоя
Тонким штрихом великой грусти:
На фрегате мечты заветной
Сняты алые паруса!

Я в дорогах нашёл подругу,
Счастлив с ней человеческим счастьем;
Мне светло и немного грустно:
Сняты алые паруса...

Сняты алые паруса...

1971, г. Ухта

Прощание с поэзией

Бессонница...
Четвёртый час утра...
Листы бумаг, исписанные криво,
На всех на них всего одна строка
Осталась не зачёркнутой, её я
Сберёг, одну из тысяч торопливых,
И в ней три слова: «Больно! Не могу!»
Так кончился поэт.
Уходит Муза
К тому, кто молод, весел и удачлив.
Уходит Муза,
Хоть умри – уходит,
И ничего я сделать не могу.
...Прощай, привычный, старый Зурбаган!
Прощай, Ассоль!
Ведь чуда не бывает.
Ты не нашлась, ты где-то терпеливо
С надеждой ждёшь, не вспыхнет ли за мысом
Далёкий пламень алых парусов.
А я – такой как все. Тебя я предал,
Устав бороться с бурями морскими, –
Свернул я паруса свои тугие,
В случайной бухте прочно встал на якорь.
Искать не буду на берегах далёких
Тебя, ко мне пришедшую из снов...
Уходишь, Муза?
Подожди минуту:
Тебя я при прощаньи познакомлю
С моей невестой.

...Ты – моя невеста?..
О, нет! Я изменил Тебе сегодня
И девушку простую полюбил.
Знакомься: Валя. Ей мои стихи
Нужны не очень, только знай, Богиня:
Моя невеста – самый лучший в мире,
Да, самый лучший в мире человек!
Ты веришь мне?
И Ты уже уходишь?
Ну что ж, прощай! И пожелай нам счастья, –
Простого, человеческого... Желаете?
Уж в окнах просветлело. Утро скоро.

1971, Полярный Урал, хр. Падь-Яга-Мусюр

На планетах

*На старенькой трибуне стадиона
Стою в каком-то радостном бреду:
Любимая, ты можешь быть спокойна!
Я больше не приду! Я не приду...*

пос. Ис, март 1967 г.

Стоял я и плакал, что в мире всё скверно,
Сжимал кулаки в полупризрачном свете:
Нет рядом тебя и не будет, наверно,
На старой, забытой тобою планете!

Твоя же планета – огнями сверкает
И кто-то на ней тебя властно целует,
В потёмках тебя исступлённо ласкает,
Такую родную, такую родную...

Весь мир за стеною – какое вам дело!
С тобою – избранник, он – самый, он – лучший!
И ты отдаёшь ему робкое тело,
Как мне отдавала бессмертную душу.

Прижавшись к мужскому плечу, засыпаешь,
И снятся тебе пароходы и дети.
И встретимся завтра – меня не узнаешь,
Ведь я-то живу на забытой планете.

...Вот мне бы б мечте подчинившись заветной,
За годы ничуть не привыкнув к потере,
Однажды свершить перелёт межпланетный
И вспыхнуть болидом в чужой атмосфере!
Прохожих слепя, пронестись над планетой,
В весну превратить надоевшую осень,
Залить тебя чувства великого светом
И вдаль унести, и удариться оземь!..

Лицо запрокинув, посмотришь на небо
И будешь о чём-то жалеть на рассвете,
И вспомнишь, как в день, превратившийся в небыль,
Любила меня на далёкой планете.

1971, 1987

ИЗ РАЗНЫХ ЦИКЛОВ

Девчонка

Л. Булычёвой

Рассветы занимаются.
Июньский дождь прошёл.
Девчонка улыбается,
Девчонке хорошо!

Пусть вовсе не таинственный,
Пусть не из дальних стран,
Придёт он к ней, единственный
На свете капитан!

Девчонке в день сегодняшний
Совсем не надо слов.
Она дожётся солнечных,
Багряных парусов.

Давно уж ждут
Его среди берёз,
Девчонка улыбается,
Счастливая до слёз.

1968, Пензенская обл.

Тебе – шестнадцать

Тебе – шестнадцать. Боже, как я стар
В сравнении с тобой! Тебе – шестнадцать...
Мне б надо невозможного бояться,
А я веду тебя на пьедестал

И мир кладу к ногам твоим готовно,
И зажигаю спичками зарю,
И весело о счастье говорю,
И сердце в грудь толкается неровно.
Пересыпаешь звёздочки в руке,
Нечаянно созвездья перепутав;
Тихонько улыбнулась чему-то –
И радуга зажглась в кулаке.

...Мечта моя, погибшая давно,
Ты вся – воспоминание одно!..

1968, 1987

С ТОБОЙ И БЕЗ ТЕБЯ

Гост для любимой

Мой милый друг, мой друг бесценный,
Мой давний путеводный свет!

В обоих нас огонь священный
Горит немало долгих лет.
Так в чём гармонии секрет?
Откроем нашей жизни святцы:
Пожалуй, в том, что больше нет
Таких, как ты, – откуда ж взяться?

Бывает, ссоримся подолгу,
Сам воздух ссорою нагрет, –
Преодолеет чувство долга,
Любви всепомнящей завет.
И вновь в словах звучит привет,
Хоть чувства вырваться бояться,
И вот невзгод в помине нет!
Таким, как ты, откуда ж взяться?

А рядом, как в саду цветочки,
Как твой размноженный портрет,
Взрослея, хорошеют дочки
И так же излучают свет.
Им скоро в радостях побед
Идти, им счастья добиваться!
Но им не стать такими, нет:
Таким, как ты, откуда ж взяться?

Прими в стихах моих привет!
Годам не стоит огорчаться.
Ты есть – и женщин больше нет!
Таким, как ты, откуда ж взяться?

Ничего не сказал

Обнимаешь, целуешь страстно,
Долго-долго глядишь в глаза.
А я ещё ничего не сказал,
Я боюсь, что слова напрасны.

В долгом плаваньи кораблю
Вечно снится далёкий берег.
Не боюсь никакой потери,
Потому что тебя люблю.

Я пришёл к тебе, вот я, весь
Без остатка, без всякой фальши.
Я не знаю, как жить мне дальше,
Если я не с тобой, не здесь!

– Веришь? – Верю! – глядишь в глаза.
Жизнь сегодня вдвойне прекрасна!
Я боюсь, что слова напрасны,
И пока ничего не сказал.

1971, хр. Падь-Яга-Мусюр

Судьба

Судьба – опять в дорогах маюсь,
Весенним воздухом душу,
И вновь, и вновь в тебя влюбляюсь,
И письма длинные пишу.

Ты их вскрываешь торопливо,
Тоску читаешь между строк
И улыбаешься счастливо.
Как без тебя прожить я смог

Все эти годы, эти годы,
Не зная вовсе о судьбе?..
Сегодня вся вокруг природа
Напоминает о тебе.

1975

Всё, что люблю

Люблю этот вечер. Весну за раскрытым окном.
Люблю этот стол, этот лист белоснежной бумаги.
Люблю тишину, но не меньше мне нравится гром.
Равнины люблю, но и горы люблю, и овраги.

Люблю до беспамятства милых своих дочерей,
Люблю их забот и коротеньких радостей ворох.
Люблю всех людей, и букашек, и разных зверей.
В себе обожаю желаний несбыточных порох.

Люблю угадать полусонного солнца восход,
Люблю и улыбку на лице ночного светила.
Люблю беспокойного времени яростный ход.
Люблю всё, что есть, но и всё, что когда-либо было.

Хожу по земле и мгновения жизни ловлю,
Устану, усну – не спускается тьма к изголовью.
И всё оттого, что тебя, дорогая, люблю,
Всё ты осветила своей терпеливой любовью!

1987, Туапсе, панс. «Южный»

Письмо

Разговариваю с тобой,
Разговариваю...
Ты – в деревне на всё лето,
Как всегда.
Не сердиться, не забыть
Уговариваю.
А над нами проплывают года.

Проплывают облаками,
Очень белыми, –
Ты оттуда, я отсюда
Вслед им смотрим.
Мы с тобою
В жизни всё неплохо делали,
Лишь любовь
Недомолвками портим.

Там, с тобою,
Наши дети,
Наши доченьки!
Как они там,

Слушают ли маму?
Загорели, наверное,
Дочерна
И гуляют
До полночи до самой?

Наши девочки,
Два чистых сердечка,
Родились от любви,
Не от расчёта.
...Ты нашла б и для меня
В душе местечко,
Я ведь тоже –
Словно птица для полёта, –
Для удачи рождён
И для счастья,
Как и ты, как все в мире этом...
Это временно у нас с тобой – ненастье.
Я люблю тебя!
Ты помни об этом!

1980

Сон о любимой

Покрасил пол, побелил потолок,
Разный мусор прочь отволол,
С грядки принёс цветы,
Книги, бумаги в шкаф убрал.
Еду, радостный, на вокзал:
Сегодня прибудешь ты!

Раненым зверем поезд кричит,
Бешено сердце моё стучит.
В небе замерли облака.
Вот и твой десятый вагон.
Сходишь, уставшая, на перрон,
Меня не видя пока.

Толпа клубится вокруг меня,
Что-то крича, чем-то звеня,
В вагоны стремится влезть.
Тебя заслонили, меня закрутили,
Нас, не выдавшихся, разлучили!
Где же теперь ты есть?..

В безумной толпе не найду проход...
А поезд пошёл, набирая ход,
Издав расставанья стон.
...Включаю свет и долго курю.
– Ну что ты, чудака! – себе говорю. –
Ведь это всего лишь сон.

1978

В три-двадцать августа

В три-двадцать августа, под сереньким дождём
У ног моих экспресс замрёт устало.
И выйдешь – ты! И мы с тобой пойдём,
Степенно, как и возрасту пристало.
И рядом дети – солнышки в очах!
Людской прибой в затихший поезд бьётся.
Я так люблю свою семью встречать,
Что забываю, как мне достаётся,

Какие муки тяжкие терплю,
Когда вот так, один в пустой квартире!..
Приехала! И я тебя люблю!
Как без тебя пустынно было в мире!

Придём домой, волнение гася,
Детей уложим спать, свечу задует
И, ничего друг друга не спрося,
Сольёмся в долгом жарком поцелуе.

В окошке вспыхнет свет ночной звезды.
Не сможем спать совсем, пока не рассветает!
И стану я беспечно-молодым,
И рядом ты, прекрасно-молодая.

Забудем годы, – что нам их полёт!
Отбросим прочь забот привычных бремя.
...Какая встреча нас с тобою ждёт
В три-двадцать августа! Счастливейшее время!

1980

Коса

Ну что же, ты права,
А я опять неправ...
Ты косишь, я – трава
В тишайшей из дубрав:

Косой по сердцу – вжик!
Косой по мыслям – ах! –
Я, опытный мужик,
Как девочка, в слезах.
Жалеешь: мало ем,
Ругаешь: много пью, –
Умаялась совсем.
А я тебя люблю.

Кричишь:
– Зачем живёшь?..
А взял вот и живу.
И вновь с косой идёшь
На сорную траву.

– Пощады не проси! –
Коса над головой.
А я молчу. Коси!
Коси, пока живой...

Вот, выкошен, лежу
Охапкою у ног.
Ты пала на межу
И плачешь: – Как ты мог!

И это я стерплю
Под мёртвою росой.
...Ты знаешь, что люблю,
Поэтому – с косой.

1987

Ссора

У тебя опять надуты губы,
Взгляд упёрт в ночную темноту.
Только что я был, пожалуй, грубым –
Уж такой характер, уж ему бы
Быть иным, не делать маяту...

Поругались – как повоевали:
Мысли – врозь и жизнь, как будто, врозь.
Но ведь мы совсем не ссоры ждали,
Я был прав, и ты сомненья брось!
Успокойся! Всё у нас в порядке!
Все дела не так уж и плохи.
Вот сейчас достану я украдкой
Старую заветную тетрадку
И начну читать свои стихи.

...Ты словам рифмованным не веришь.
Слёзы переполнили глаза.
Кухоньку опять шагами меришь,
Спать уходишь, закрываешь двери. –
Что же я ужасного сказал?

Зря читал тебе стихотворенье.
Не сносить, шальному, головы!
Я, выходит, проиграл сраженье:
Женщины не терпят поражения,
Если даже вовсе не правы.

Около постели я кружусь:
– Где я злючку отыскал такую?
Рядышком тихонечко ложусь.
– Повернись, а то ведь раздружусь.

Дай-ка тебя, рёва, поцелую!
Улыбнулась, подставляешь губы,
Обнимаешь тёплой рукой.
– Ты прости за то, что был я грубым.
Уж такой характер, уж ему бы!..
– Всё равно люблю! Пускай такой...

1987

Два огня

Не огорчайся, брови не суровь,
Пока я жив, – я рыцарь твой и воин.
Я дважды в жизни испытал любовь
И твоего сочувствия достоин.
Когда впервые бросил ураган
Меня в болото разочарованья,
Я много лет был безнадежно пьян
От миража последнего свиданья.

Жил как во сне, работал как во сне,
Водила мной неведомая сила.
Но вот в пути ты повстречалась мне
И этот адский пламень погасила.

Ты помнишь, как тогда, на Падь-Яге,
В палатке целовались мы полночи? –
Ты развела в остывшем очаге
Свой крохотный, но верный огонёчек.

Уж много лет он освещает путь,
Он тлеет, с ним считается природа,
Злой ураган не смог его задуть,
Он неподвластен жизненным невзгодам.

Мне твой огонь покой и счастье дал.
А вообще любовь людей – зараза:
Её я дважды в жизни испытал
И выжил только со второго раза...

1988

Лечу к тебе

Километров одиннадцать высота,
Скорость – восемьсот пятьдесят.
И космическая темнота,
И звёзды во тьме висят.

Между них самолёт увяз,
Ни вперёд ему, ни назад.
А на Севере в этот час
Окна наши с тобой не спят.
Там ты ждёшь меня. Я хочу,
Чтоб скорее предстала мне!
Я лечу к тебе, я лечу! –
Но увяз самолёт во тьме...

Не сердись и меня прости,
Так в дорогах моих всегда:
Что-то держит меня в пути,
То ли счастье, то ли беда.

1987, Адлер-Москва

Когда я возвращусь

Пальцем нажму кнопку звонка,
Сердце уняв в груди.
– Кто там? – голос взволнован слегка.
...Три тыщи вёрст позади!..

Тёплую, сонную затормошу,
Бросив у ног чемодан,
Всю зацелую, заморожу!
– Ты не подумай, не пьян.

Просто месяц – и без тебя,
Чуть от тоски не кричал!
...Ты, за пуговицу теребя,
Спросишь: – Так ты скучал?..

Сядешь напротив, глянешь тепло,
Вся улыбкой лучась.
...Какого лешего понесло
Меня в эту слякоть и грязь? –

Тысячи вёрст под собой умять,
Лететь, пароходом плыть,
И всё это лишь для того, чтоб понять:
Мне без тебя – не жить!

1987

Сонет о счастье

Когда-то – помнишь? – вот в такой же час
Мы за столом среди друзей сидели,
Влюблённые, на свадьбу не глядели,
Не в силах отвести от друга глаз.

Потом всё было – в самый первый раз!
Потушен свет, и шёпот слышен еле.
Мы, наконец, вдвоём в одной постели, –
И нет нигде людей счастливей нас!

Два тела вдруг слились в едином теле,
Нас не было – Любовь пустилась в пляс,
И мы в её ладонях полетели.
...Полжизни пройдено, а пламень не погас.
Пусть жизнь прошла не так, как мы хотели, –
Всё ж временами нет счастливей нас!

1987

А ты и не знала

С обидою прочь от меня отвернулась,
Во мне разуверясь, с трудом засыпала.
Я мучился ночью. А ты не проснулась.
Я умер под утро. А ты и не знала.

Рванувшись, куда-то душа полетела.
Ты видела сон и тревожно вздыхала.
Смотрел на своё почужевшее тело
И плакал над ним я. А ты и не знала.

На небе чужая звезда загорелась.
Нечистая сила вдали завывала.
Душе моей снова чего-то хотелось, –
Сочувствия, что ли... А ты и не знала.
Я рано убрался, почти что и не жил,
За сорок всего – до обидного мало.
Я редко тебя, моя милая, нежил
И каялся ныне. А ты и не знала.

Потом над могилой при всех голосила,
Под крест деревянный цветы расстилала.
И всё же – жила неубитая сила:
И мёртвый любил я. А ты и не знала.

1987

ЕДИНСТВЕННАЯ

Вызывание

*Мы все когда-то были андрогины,
Нас рок и разделил, и разметал!
Две сродных симметричных половины:
Меж ними пропасть – гибельный провал.
Ю. Линник. Андрогин*

В потоке времени едином
К тебе взываю я, внеми,
Дочь великана Андрогина,
Святого первенца Земли.

Из пут божественного гнева
Явись! Я эту жизнь отдам,
Чтобы тебя, как было, Еву,
Обрёл тоскующий Адам!

В сознании призрачно маячишь,
Глубинным зрением видна.
О чём, Единственная, плачешь?
Мы чашу выпили до дна:

Всё переведали на свете,
Всё пережили вновь и вновь.
А наши порченые дети
В миру искали не Любовь!..

Они враждуют непрестанно,
У них герои – палачи...
Явись, терпением осиянна,
Звездой яркою в ночи!

Настанет век благословенный,
Вернём утраченную суть.
...О, почему в садах Эдема
Неверный выбрали мы путь?

1991, 1997

Узнавание

Ещё ни тверди, ни воды
На всей планете,
И только в будущем – плоды,
Отцы и дети,

Народы, войны и чума,
Дворцы и сакли...
И был я сам, и Вы сама –
Единой каплей.

Нас с Неба Божья благодать
Несла с улыбкой,
Чтоб научился Дух страдать
Под плотью зыбкой.

Судьбе взглянули мы в лицо
В пылу новаций –
И завертелось колесо
Реинкарнаций.

Средь мук рожающей Земли
Мы, дети Века,
От чуда кварка добрели
До человека.

И тут готовила надрыв
Сама дорога:
Непредсказуем был разрыв
Монады Бога.

Мы, осознав себя едва,
Расстались, плача...
Искать, найти Вас, такова
Была задача.

Не совпадали времена
И континенты, –
Столь высока была цена
Эксперимента!

...Но вот сегодня, в час ночной –
Поверю ль в это? –
Забывший образ был со мной
В сияньи Света.

Мной ощущаемы едва
В полу-печали,
Вы были рядом, и слова
Во тьме звучали.

Остановить! За руку взять!
«О, будьте зримо!»
Астральным призраком опять
Плывёте мимо,

И Свет струится от ланит.
Так славно стало!..
А Ваше тело сладко спит
За три квартала, –

Его привычно бережёт
Времён Владыка.
...Соединение придёт
В Пути великом.

Придёт, когда уже и ждать
Отчаюсь, может,
И нежелание страдать
Всю душу сгложет...

И будет встреча неземной,
Я знаю это.
Ведь Вы уже теперь со мной
В сияньи Света.

1992, 1997

Потеря

Ещё в младенчестве Земли её я потерял.
Сто раз, придя сюда, по ней себя я поверял.
Нашёл Единственную! Но во времени другом,
Выходит так, что и теперь её я потерял...

1997

Соппротивление

В свет души её я заглянул только раз,
Чуть замешкался – и безнадежно увяз!
Снова сердце колотится, как у мальчишки!
Но презрителен Разум и мрачен Манас.

1997

Пришла

Пришла – и солнце воссияло
В предметах быта тускло-серых,
И всей Вселенной стало мало
Для многоцветья новой эры.

Пришла – а я не ждал, не ведал,
В себе отчаявшись жестоко.
Пришла – и в дом ворвался ветер
С полузабытого Востока.

Пришла – знакомая до боли,
В извечной памяти хранима,
И проявленьем вышней воли
Во мне горишь неугасимо.

Пришла – вторая половина
Разбитой надвое Монады,
Предвосхищенье Андрогина.
Пришла – и делать что-то надо...

Вне времени

Вы – будущем, я – в прошлом, вот беда!
Так рвался к вам сквозь грозные преграды!
И вот – нашёл! И что-то делать надо!
Уж, кажется, надежды ни следа...

Отчаялся?.. Какая ерунда
В несовпаденьи тоже есть отрада:
В предчувствии содержится награда,
Иначе б жить не стоило труда.

На все мои мученья есть ответ:
Вы – в будущем, и Ваш духовный Свет
Ко мне, в уже прошедшее струится.

И я согрет, и Вам помехи нет.
И, может быть сумеем, коль случится,
Вне времени навек соединиться.

1997

В последний раз

Мы встретились во внеурочный час:
И год не тот, и мир смещён частично.
Я думал, так и буду жить привычно,
Размеренно, пока не встретил Вас.

Смешно, когда влюблён в последний раз...
Рассудок поступает нелогично...
И, пусть без романтических прикрас,
Мой мир расположился постранично

У Ваших ног, сияньем Света полный,
К Вам отовсюду посылает волны,
Созвучной Вам мелодией звеня.
Двум судьбам не сходящимся покорный,
Ваш Путь отныне охраняю я,
Последняя в миру любовь моя!

1997

Газель

Быть рядом с милой и не сметь к ней прикоснуться даже – нет!
Как терпеливым можно быть, когда терпенья больше нет?

Моя душа пылает вся, а дух спокоен неземной
И равнодушное твердит одно и то же слово: – Нет!

Я знаю: разные Пути сойтись не могут никогда,
Но это разум знает мой, моя душа не знает, нет!

Как лунолика я светла! А я всю жизнь её искал,
В исканьи тщетном поседел, и время не воротишь, нет...

Был смутен мир, но вот она, как солнце, вспыхнула во мне, –
И отступили дэвы тьмы, былых сомнений больше нет!

Не плачь, душа моя, уймись! – она чужому суждена.
Но ты уже озарена, и для тебя разлуки нет!

...О, Солнце, Странника пойми, его неловкую любовь
Вокруг Единственной зажги, пусть светит даже злое «Нет»!

1997

Масневи

Солнечный луч, странник небес, быстро лети,
Вихри пространств остро пронзя, к милой лети!

Светлый покой радостью дня весь озари,
Возле лица жарким пятном жарко гори.
Пусть из миров, пёстрых миров чудного сна
В радостный мир, в солнечный мир выйдет она.

Ей расскажи: тот, кто послал, пьян без вина:
Нет во Вселенной ближе души, только она!

Пьян и безумен в утренний час бедный поэт!
Только б была, только б лила ласковый свет!

Чтоб не могли лик омрачить сонмища туч,
Спутником будь милой моей, солнечный луч!

1997

Лик

В волнах серебряного звона,
В крови последнего заката
Воспринимаю отрешённо
Всё, пережитое когда-то.

Твой лик – в полнеба предо мною,
Черты за облаками тают.
И Провидение виною,
Что о несбыточном мечтаю.

И надо жить светло, иначе
Забуду, кто мы, что мы, где мы.
И кровью Странника горячей
На Небе пишутся поэмы.

1997

Девушке-поэту

Не бойся, милая, не бойся,
Не плачь: «Неласкова сансара!». –
Сияньем праведным укройся
С Небес полученного дара.
Тебе ли, Утреннему Свету,
Грустить о мелочно-обидном?
В тебе сокрытому Поэту
Всё до Истоков станет видно.

Пройдёшь дорогой озарённой,
Стихом излечивая души.
К тебе, прекрасной и влюблённой,
Приходит Слово! Только слушай.

1997

Разновременье

Одинок я в этот вечер:
Ты чужому где-то светишь.
Я тебя уже не встречу,
Ты меня уже не встретишь.

В ранней юности планеты
Мы с тобой друг друга знали.
О, Единственная, где ты?
Как теперь тебя назвали?

Времена, как два вагона,
Мчатся бешено по кругу;
Из окошка отрешённо
Мне махнёшь – и спрячешь руку.

Я узнал! Какое чудо!
Но уже настал мой вечер.
Разновременья причуда:
Я тебя уже не встречу.

1997

Телепатия

Я тебя вызываю! Ночную порой
Что-то нету мне сна, и покоя не знаю.
Так проснись же, глаза изумлённо открой:
Это я через город тебя вызываю!

Наши мысли коснулись друг друга, и вот,
Ты узнала, и я от любви обмираю.
Ты – чужая!.. Но всё же ночью порой,
Сам не зная зачем, я тебя вызываю.

1997

Голос без тела

Как это странно: голос без тела!..
Вот же недавно читала и пела,
Трогала за руку: «Помните? Знаете?» –
Всё переверчено в будничной замяти.
Лишь телефонная трубка звенела,
Слушал я голос без признаков тела.
Тело ж – в своей, ему сущей заботе...
Я говорил себе горькое: «Что ты!
Что ты, искатель несчастный наделал!
Вы разновременны! Голос без тела
Слушаешь – в сердце тоска и разруха.
Это – роман, но не Плоти, а Духа.
Не обуздаешь веления плоти –
Так и загниёшь в астральном болоте...»

...Всё ж временами грущу неумело,
Слушая ласковый голос без тела.

1997

Погружение

Я в твою заглядываю душу.
Ты – одна в Пространстве, и с тобой
Тихий голос. Вот его и слушай,
Только он роднит тебя с судьбой.

Отпусти расслабленное тело,
Пусть оно купается в тепле.
Всё ушло... Осталось только дело:
Кем была ты прежде на Земле?

Свет моей души тебе отдавши,
Охраню от тёмного всего.
Слушай голос, возраста не знавший,
Древний голос Духа моего!

1997

Взять тебя на руки

Взять тебя на руки, унести ото всех тревог,
Тучи взглядом раздвинуть, заставить цветы проснуться. –
Это было бы так справедливо, но, видит Бог,
Мне из тусклого мира, наверное, не вернуться.

Здесь отсутствует радость, здесь никогда-никогда
Ни одно из сердец в унисон моему не билось!
Здесь когда-то давно, случилась со мной беда:
Я в Пути разуверился, и Время остановилось.

Здесь ничто не меняется: нудный, унылый быт,
Всё вокруг оскверняется в этом проклятом быте...
А в твоём Солнцемирье я узнан и не забыт,
Вся сансара, оказывается, не забыта!

Я возьму тебя на руки, унесу ото всех тревог,
Мы продолжим свой Путь неразлучными, может статься,
Много сделаем доброго, с нами пребудет Бог! –
Это будет, вот только с самим бы собой разобраться...

1997

Доброе утро

«Девика!» – имя во весь небосвод
Вывел торжественно звёздную пылью.
Книга пророчеств становится былью,
И ускоряется времени ход.

«Девика!» – мир расцветает вокруг.
Во временных погибал я провалах,
Всюду искал тебя молча, устало, –
Вышла в овале Сияния вдруг!

«Девика!» – звуки ласкают, звеня,
Даже зима обращается в лето.
Доброе утро, родная моя!
Всё впереди преисполнено Светом.

1997

* * *

Сверкало радостное утро
И звёзды таяли в рассвете.
И ты прошла, легко и мудро,
Вся в нарождающемся свете.

Лишь в тесной комнате сиянье
Напоминанием осталось.
Нас разделило расстоянье, –
Подумаешь, какая малость!
Река времён текла широко,
Тебя всё дальше уносила...
Ведь лишь поэтам одиноким
Дана Божественная Сила.

1997

Где моя радость?

Где моя радость?
В изломах Пространства каких
свет её Духа
на плотскую Землю струится?
Ум мой спокоен,
а сердце трепещет, стремится
сквозь расстояния
и превращается в стих.

Что тебе, милая,
там, в Иновременьи, снится?
Чувствую: счастлива,
в танце кружатся, вполне.

Счастлив и я!
И сгорает в неспешном огне
жизни моей,
вся в крючках от вопросов, страница.

Мне бы обнять тебя,
поцеловать, не дыша,
в Свете Божественном
миру с тобою явиться!..

Это же надо:
вот так, напоследок, влюбиться,
чтобы с Земли в Девачан
воспарила душа!..

1997

Рисовальщик

Я нарисую Реальность на чистом листе,
Пусть невозможную, но всё равно нарисую:
Я нарисую себя молодым и тебя – молодую,
Выстелю солнечным светом дорогу к мечте.

Как тебе, милая, рядом со мною идти?
Движемся вверх, просветлённые, за руки взявшись.
Это великое счастье, что, здесь оказавшись,
Странником стали единым на светлом Пути!

...Гаснет видение в шумной людской суете,
Сердце усталое вечного отдыха просит.
Нарисовал я Реальность на тонком листе –
Лист изорвался, и ветер обрывки уносит...

1997

Земная боль

Я на планете совсем без тебя не могу!
Ты улыбаешься там, на *чужом* берегу;
Дух твой, с моим единяясь, парит над волной,
Только душа твоя, сердце твоё не со мной.
Всё забывается в круговращении лет,
Кроме вот этого, горького: – Нет тебя, нет!..

Милая, светлая! Встречу тебя я во мгле
После того, как закончится Путь на Земле. –
Встретимся радостно, в Небо взойдём, не спеша,
Больше не двое, – одна неземная Душа,
Будем на Землю лить чистый Божественный Свет!
...Больно сегодня мне! Нет тебя! Нет тебя! Нет!..

1997

Гандхарва

Если Гандхарва танцует в Небесном Саду,
Где я её, на Земле оставаясь, найду?

Сквозь Междувременье виден сияющий лик:
Мысленным взором я всё – таки Деву настиг!

В Свете кружится, браслеты призывно звенят,
Яркие губы меня в Беспредельность манят,

Светится тело, и Свет излучает Душа!
...Я от Земли отрываюсь, к любимой спеша!

Звуки немислимой музыки сводят с ума.
Где-то внизу остаются леса и дома.

Нет страданий, сует человеческих нет.
А впереди и вокруг – ослепительный Свет.

Я возношусь, ничего от Небес не тая!
Так завершится когда-то сансара моя.

1997

Два лика

Когда б вы в Рай вошли бесстрастно, –
Гандхарву б видели мою:
Душа Гармонии прекрасной
В метафизическом краю
Танцует, словно белый лебедь,
Огнём пылает в звёздной мгле!
...Она, сияя Духом в Небе
Душой тоскует на Земле.

И оценили б чудный дар вы,
Когда бы не было ценой
Несовпадение Гандхарвы
Со здешней женщиной земной.

Ведь если женщина захочет –
Гандхарва танец прекратит:
Душа низинная воочью
Душе Гармонии претит.

Святая мучится от боли,
На Землю глядя из Небес:
Не подчинён священной воле
Земного эго мелкий бес.

Бреду, и снег вокруг чернеет,
Светило в тучах, всюду – мрак:
Земная женщина умеет
Назло Гандхарве сделать так.

Её метаний не порушу,
Но жарко Господа молю:
Спаси её земную душу
Во имя Той, кого люблю!

1998

К моей Лану

Чтоб в муках Свет не расплыть,
Я отдаляю царство плоти:
Нельзя Учителю опять
В астральном утопать болоте.
Несовершенен я – в вину
Не ставь мне чувство без обмана.
И будь, прекрасная Лану,
Лучом Единого Атмана!
Иных путей, как видно, нет,
Лишь в Чистоте – дорога к счастью.
Пускай ведёт тебя аскет,
А не слабак, пленённый страстью.
Дорога в Горнюю Страну
Открыта. Выйдем нынче рано,
И будешь вновь, моя Лану,
Лучом Единого Атмана!

1997

Закончим путь...

Закончим Путь. Сольются, два в одном,
Сердца, в веках узнавшие друг друга, –
Как два бокала стукнутся. И вьюга
Залепит снежной накипью окно.

Погаснет мир, в котором сотни раз
Друг друга мы искали наудачу.
И спросишь ты: – А кто там, в выси, плачет?
И я скажу: – Пришедшие до нас.

И ты рванёшься книзу: – Нет, о нет!
Ведь я не дожила, не долюбила!..
Но будет важно только то, что было.
И мы сольёмся, источая Свет.

1998

Среди толпы привычно серой

Среди толпы привычно-серой,
В потоке аур разноцвета
Идёшь с надеждою и верой,
Небес сиянием согрета.
Опять тебя, едва узнавши,
Теряю в бурях воплощенья:
Не совпадают судьбы наши
В хитросплетении Творенья.

Пускай опять проходишь мимо,
Я всё же счастлив полной мерой:
Ты от меня неотделима
Среди толпы привычно-серой.

1999

Нельзя быть без тебя

Нельзя быть без тебя и быть с тобой нельзя, –
Такая у меня нелепая стезя,
Но все ж она – моя: иду, во тьме по пояс,
И сверху льётся Свет, сознание сквозя.

1998

Белый ангел

Пришла. Сожгла. Золу примяла.
Недолго грелась от огня.
И жизни оказалось мало,
Нет вовсе жизни у меня.

Всё сожжено.
Один в пустыне,
В ладу с неласковой судьбой,
Я Белым Ангелом отныне
Парю спокойно над тобой.

1998

Только лишь плоть

Покою души угрожая,
Рассудок подскажет во мгле:
«Она тебе вовсе чужая
На этой безумной земле.

Она тебя вовсе не любит,
Во всех своих бедах винит.
Не Девику ведают люди,
А лунную душу – Танит».

Чужая... Так разве ж я против?
Судьбы не изменишь вовек:
Подвластен велениям плоти
Обычный земной человек...

Но есть нечто чище и выше:
Наш Дух изначально един,
Он наших страданий не слышит,
Он сам над собой господин.

Пространство и Время открыты,
В которых нас примет Господь.
Мы в Небе с любимой слиты,
А плоть – она только лишь плоть.

1998

* * *

Пространство сжал я, и тотчас
Вблизи любимая предстала:
Она не пела, не читала, –
Лежала, не смыкая глаз.
Посланцем Неба в тишине
Парил над нею терпеливо.
Она, уснув, была счастливой
И что-то знала обо мне.

1999

В мире подлунном
(песня)

Звёздные Души сияют с Небес,
Души планет хороводят вокруг
И вопрошают, что нового здесь,
В мире подлунном, мой друг.
В мире подлунном – леса серебристые,
Воды прозрачные, взгляды лучистые.
Именно здесь через время и грусть
Я к тебе сердцем тянусь.
Здесь, на планете своей голубой,
Где замыкается жизненный круг,
Мы увидали друг друга с тобой
Лишь на мгновенье, мой друг
Взгляды коснулись друг друга нечаянно,
Руки тянулись навстречу отчаянно,
Небо с Землёй воспевали Любовь, –
Только расстались мы вновь.
Пусть на просторах прекрасной Земли,
В свете грядущего нового дня
Время с Пространством опять развели
Ныне тебя и меня, –
Врозь мы шагаем дорогами дальними,
Но никому нас не видеть печальными, –
Ведь для Любви не бывает разлук
В мире подлунном, мой друг.

1998

Обряд

Предназначена отроду
Быть со мною – будь.
Раздели со мною воду,
А с водою – Путь.

Видишь, в ковшике ладонном
Тайна бытия.
В Мироздании бездонном
Двое: ты и я.

Узнаванье свято это.
Словно две свечи,
Золотым сияют Светом
Две судьбы в ночи.

1997

Живи!

Уйду – и буду молча плавать
В краю невиданных светил.
Как быстро перестанут плакать
Все те, кому я посвятил

Дни человеческой несвободы
В полураю-полуаду!..
В едва изведенные Воды
Однажды призванным войду.

И тотчас вздрогнешь ты, услышав
Звучанье голоса Любви:
«Живи! Твой срок ещё не вышел.
Но только искренне живи!».

Ты даже не услышишь, может,
Словами лишними звеня...
Но всё равно тебе поможет
Посыл, идущий от меня.

2000

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

*Моему дорогому Учителю,
выведшему меня из тьмы невежества и страданий,
с чувством безмерной любви и благодарности посвящаю*

Вижу

Через сомкнутые веки
И через века
Вижу Бога в человеке,
Скрытого пока.

1990

Восстановление

Некогда и не о чём тужить,
Впереди дорога велика.
Надо жить, легко и чисто жить –
И пускай колышутся века!
Колесо сансары, раскрутись,
Понемногу замедляет бег:
С Небом восстанавливает связь
Землю возлюбивший человек.

1993

Явление

И всё же, так или иначе,
Но Ты являешься ко мне;
И Свет, и гибель обознача,
Плывёшь в священной тишине,
И платье белое струится
Меж полупризрачных берёз.
Мелькнёшь – и хочется молиться
До исступления, до слёз!

1996

О спасении

Не жду вмешательства Богов
В моей судьбе благословенной:
Земная тысяча веков –
Секунда на часах Вселенной;
Им, Совершенным, не до нас,
Они ведь даже и не люди.
И если душу я не спас, –
Никто спасать её не будет!
А чтоб заблудшую спасти,
Достойной сделать Провиденья, –
До Бога надо дорасти
Хотя б на краткое мгновенье.

1996

Просветление

Не во сне, а наяву,
Уловив момент случайно,
По Безмолвию плыву,
По реке первоначальной,
Добираюсь до основ,
Возношусь к благому Свету, –
И уже не надо слов
Просветлённому поэту.

1997

* * *

Собираю подростков и радуюсь я
Что вокруг, в обозримом радиусе,
Столь понятны мне и близки,
Поднимаются душ ростки;
Поднимаются, не стесняются,
С солнцем ласковым обнимаются!

На вопросы ищут ответы,
Широко распахнули очи, –
Из подростков растут поэты,
Может, даже большие очень...
Мне бы их уберечь, мне иначе нельзя:
Лишь намечена их стезя.

1999

Страж света

1

Лишь тот, кто в сказочном Астрале,
Там, на Земле, оставив тело,
Сумел очнуться вновь и смело
Глядел в неведомую Тьму, –
Тот видел, хоть понять едва ли
Сумел бы всё: потоки Света
Сложились вместе и при этом
Явились в Образе ему.

2

Профанам объяснить не в силах,
Он будет мучиться напрасно,
Рассказывая, сколь прекрасно
Виденье плыло перед ним;
Оно, сияя, не слепило,
И ощущенья без названий,
И устремленья без желаний, –
Всё вызывалось Им одним.

3

То – Страж границы Света с Тьмою,
Всех мудрецов корне-основа,
Источник жизненного Слова,
Неназванный авторитет;
Охвачен мыслию одною,
Он примет Странника, как брата,
Чтоб тот с Земли пришёл обратно
Сюда, где смерти больше нет.

4

И путник чувствует касанье
Его невидимых ладоней
И в Голосе неслышном тонет,
От всех страстей успокоён,
И, если он Святое Знанье
Душою чистою усвоил
И в мире был духовный воин, –
То будет к Свету вознесён.

5

Кто Он, извечно одинокий,
Сюда пришедший добровольно,
Кому бывает очень больно
На человечество глядеть?
Знать Истину, какой лишь крохи
Доступны нам, болеть безмерно
За нас, беспечных и неверных,
И не сойти, не умереть!..

6

Века проходят – Он всё так же
Глядит на Землю чистым взглядом.
Ему за все труды награда, –
Что к нам Он Истину струит,
Что путь для Странников отлажен,
Что в мире смертном и убогом
Любой, проснувшись, станет Богом,
Коль к Истине благоволит.

7

Он мог уйти к Свободе, к Свету,
Но кто тогда расскажет смертным
Слова Вселенского Завета,
Кто мудрость сможет передать?
Он бережёт от Зла планету,
И Зло поэтому не может
Людские души уничтожить,
Бессильна дьявольская рать.

8

Он всё до точности исполнит,
И будут вновь за дело браться
Учителя цивилизаций,
Им посылаемы не раз.
И на Него из высей горних
Господь Небес глядит упорно,
И прорастают в людях зёрна
Грядущих, близких к Небу Рас.

1998

Перед творением
(из книги «Дзиан»)

Семь Вечностей предвечное Пространство
Дремало, в Духе скрытое своём,
И длилось глухое постоянство
Без признака струящихся времён.
Неведомые ныне Мысли плыли,
Во Тьме великой мир давно потух.
И, воедино слившись, Планом были
Вселенная, Субстанция и Дух...

Вновь умерли и впали в совершенство
Семь Зодчих, завершивших долгий Путь:
Не-Бытия великое блаженство
Их растворило, не щадя ничуть.

Ещё не наступила та минута,
Когда по мановению Его
Могучее Дыханье Абсолюта
Вселенную родит из Ничего.

И лишь во Сне-Лишённом-Сновидений
Лежала, простираясь без конца,
Та Форма, что оставил мудрый гений
Для нас непостижимого Творца.

Но где был тот, кто мог бы видеть это,
Когда сама Всемирная Душа
Была сокрыта в Абсолюте Света,
Себя явить в Твореньи не спеша?

Все те, кто строил Небеса и Землю,
Ушли в непостижимый людям Мрак,
Ничто через сознанье не приемля,
И замерли, и оставались так...

К полигимнии

Муза, покинь на мгновенье высокий чертог олимпийский,
Вниз снизойди, посмотри на деяния смертных,
Кои с неведомых пор от Небес отделились,
Страсти свои воспевают, невольники плоти.
... Видишь ли Странника, Муза, извечно бредущего к цели?
Множество Циклов земных он в Пути, одинокий,
Истину хочет узреть человеческим взором, –
Ту, что Богам лишь одним от начала Творенья известна.
Солнце его обжигало, не раз замораживал Хаос
Холодом мрачных пустынь, излученьем смертельным.
Каждую новую жизнь завершая земную,
Он обретает прозрение и оставляет
Бедное, слабое тело, свой прах обветшалый;
Сам налегке отправляется, светлый во Свете!

... Ныне ему загрустилось в Пути бесконечном:
Ведь завершается, знает он, эта дорога.
В топком болоте людского страданья и горя
Больше не будет он мучить себя непрестанно,
В ясном гореньи помочь хоть кому-то пытаюсь.
Светел Астрал перед ним, и нездешние выси
Манят его, и хрусталь поднебесных ступеней
Тонко звенит под ногами мелодией дивной.
... Да, завершается, знает он, эта дорога!..
Было б уместно ему восторгаться Исходом,
Только печалится он, восторгаться не может,
Ибо на милой Земле оставляет свою половину, –
Что без неё он в мирах непостижно высоких?..

... Кажутся снова милы Страннику доли и веси;
Люди, как дети, близки стали уставшему сердцу,
Хочется всех обнять, приласкать, успокоить, утешить,
Истину в руки им дать и помочь удержать без потери.
Надо для этого петь небывалые гимны,
Каждое слово которых бы душу будило
И разгоняло туман человеческих иллюзий.
Как без Тебя ему, страннику дело исполнить?..

Так что сойди на планету, высоко живущая Муза,
Быстро певца отыщи, что невиданной помощи просит,
Дай ему Силу свою хоть на краткое время,
Дай, не колеблясь! – уж Свет побеждается Тьмою!..
... Тихо восход розовел, и оттуда, из розовой пены,
Плавно на синюю землю неслись неземные аккорды;
Странник внимал им, печаль уходила из сердца.
Рядом Богиня торжественно строго стояла.

1997

Преображение

*... и возвёл их на гору высокую одних,
и преобразился пред ними:
и просияло лицо Его, как солнце,
одежды же Его сделались белыми, как свет.
Мтф. 17, 1–2*

1

Лишь только зной отполыхает,
И тьма опустится на землю, –
Приляг, пусть тело отдыхает
На отдыхающей траве;
Смотри в глаза ночным созвездьям,
Их равновесие приемля,
Чтоб ими посланные вести
В твоей слагались голове.

2

Оставь рутинные заботы
И здесь, под чёрным небосводом,
Забудь на время, где ты, кто ты,
И даже мысли отпусти;
Впервые, может быть, с пелёнок,
Почувствуй истинность свободы
И сам себя на время оно
Неразделённым ощути.

3

И упади в ночную чашу,
Где нет ни верха и ни низа!
Минуя внутреннего Стража,
Лети туда, где Тьма есть Свет!
Уже ничем не удручённый,
К Истокам Мироздания близок,
Душою пропасти бездонной
Ты стал, и «эго» больше нет.

4

Ты сам есть – Чаша, сам есть – Небо!
В себя ты падать продолжаешь:
Пространство, где ты, смертный, не был
Внезапно сузилось, и вот,
Оно – твой глаз, и этим глазом
На Землю радостно зриаешь,
И твой освобождённый Разум
Всё видит, знает наперёд...

5

Ты счастлив, ибо не в раздоре
Находишь целый мир отныне! –
Вот так же, стоя на Фаворе,
Преображался Иисус:
Побыть, хотя б минуту, Богом, –
И сердце больше не остынет,
И в человечестве убогом
Ослаблен дьявольский искус!

6

Смотри и радуйся, увидев:
Покой царит на всей планете,
Лишь люди маются в обиде,
Не поднимая к Небу глаз;
Живя безрадостные сроки,
Совсем не ведая о Свете,
Они вздыхают одиноко:
– О, Боже! Ты оставил нас!..

7

Там нет Любви, там боль и слякоть,
Там даже жалость в дефиците;
Им остаётся только плакать
В тисках привычной слепоты;
Они в невежестве застыли,
Твоя Любовь для них – обитель;
Но обо всём они забыли...
Им нужен, нужен, нужен Ты!

8

Как часто думал ты об этом,
Ещё свою не зная Силу!..
...Свершилось! Вспыхиваешь Светом,
И вниз скользят Твои лучи;
И уж в ответ в тумане зыбком
С Земли наверх, к Тебе, поплыла
Внизу рождённая улыбка,
Свеча, зажжённая в ночи.

9

Спаси желающих!.. Сияешь,
Теплом укутал мир унылый,
И в нём всё больше замечаешь
Пучков сердечного огня.
Ночь отступает неохотно,
Покорена Твоею Силой,
И полыхает беззаботно
Заря начавшегося Дня.

10

Уже по всей Земле мерцают
Огнями ауры людские.
Путь пройден. Люди покидают
Свою физическую плоть, –
Свободный Дух, Единый Разум
Отбросил слабости мирские,
С Ничто соединился разом:
Се – Человек, и се – Господь!

...Так в буднях миллионолеть
Случится, понимаешь ясно.
Пока же на твоей планете
Привычной боль и нищета.
Тебе открылось не случайно,
Ты будешь помнить ежечасно,
Насколько сокровенна Тайна
И сколь презренна суета.

1990

Наследие мира сего

В доме Отца Моего обителей много...

А куда Я иду, вы знаете.

н. 14, 2, 4

Волнуясь, по жилам Моим протекают моря,
Они – моя кровь, не напрасно того же состава.
Сегодня проснулся, с планетой Землёй говоря
Из дома Отца Моего, чья незыблема слава.

И радуюсь небу, земле, атмосфере, воде;
Всё это – Моё, Я – Наследник чудесного мира!
И больше ещё, ибо шесть миллиардов людей –
Наследники тоже, участники званого пира.
Я знаю об этом, они же не знают пока.
Я знаю, и это такое великое счастье!
И трудность великая: жить, избывая века
Всего неустройства дурной человеческой власти.

Надежд не теряю, хоть братья и сёстры Мои –
Наследники мира! – ещё убивают друг друга
И, значит, Меня... Я себя убеждаю: «Живи!
И помни, что именно Ты – Центр вселенского Круга.

Что мир без Тебя, да и Ты без его естества!
Всё скрыто в Тебе, перестань разделять и судачить!»
Струится Любовь из всего Моего Существова –
И людям вокруг ночь светлее и ближе удача.

Небесную тогу плотней запахну на себе
И звёздную на голове Я поправлю корону,
И после уйду по серебряной нити – судьбе
Из мира безумного прямо к Отцовскому трону.

1997

Не сплю я ночами

Дверь закрою, уйду в Тишину от житейских волнений,
Сяду в кресло, расслаблюсь, закрою глаза отрешённо,
И войдёт в меня Свет, средоточье Вселенной огромной,
И не буду я более знать никаких измерений.

И увижу я Землю в белёсых морщинах от боли,
Её взглядом поглажу, прощаясь с родительским кровом,
И отправлюсь в Пространство, влекомый настойчивым зовом,
Подчиняясь охотно весёлой Божественной воле.

...Продвигаюсь мгновенно, единым движением мысли,
Навещаю людей на изломе Волос Вероники
И ещё – в Андромеде, бесчисленен Космос великий!
Всем привет от землян, хоть пока мы в Пространство не вышли!
Люди многих миров миновали войну, нездоровье,
Отказались давно от корысти и злобной гордыни;
И они не распяли на древе Небесного Сына,
Он меж ними, как солнце безмерно лучится Любовью.

И мелькают галактики в жарком полёте–погоне,
И к Духовному Солнце безумный свой бег устремляю,
Во Всевышнем Владыке себя до конца растворяю. –
Нету слов, чтобы выразить всё, что я видел и понял!

Лишь поведаю: нет у Вселенной ни центра, ни края,
Центры наших сознаний и есть то, что ищем мы тщетно,
И когда мы во гневе – взрываются звёзды ответно,
А отчаемся вовсе – галактики ветви теряют.

...О, земляне незрячие! Вы мне теперь подскажите:
Как мне жить среди вас, угасая в заботах пустяшных?
Разрывается сердце меж мною и мною вчерашним;
Чтобы я не ушёл, вы покрепче меня привяжите;

Привяжите любовью и ложью, как раньше вязали,
Привяжите словами о долге, семье и народе, –
Лишь бы я не жалел об утраченной было свободе!
И не сплю я ночами, и рвусь в позабытые дали...

1995

Ритуал

*Огонь пришёл Я низвесть на Землю,
и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!*
Лк. 12, 49

*И если мир шатается сейчас,
Причиной – вы...*
Данте. Божественная комедия

Зимний вечер. Рождество.
Час молитвы приглушённой.
В полумраке Божество
Нам внимают поимённо.

Свечи теплятся едва,
Тени движутся по стенам.
Наши тихие слова
Замолкают постепенно.

В наступившей тишине,
Отразившейся в Астрале,
Ты идёшь, почти во сне,
По сверкающей спирали.

Тонкой музыкой звуча,
Вьётся круг за новым кругом.
И в руке твоей свеча,
Молча поданная другом.

В голубом тумане грёз
Тыходишь до основы:
Там стоит, незрим, Христос,
Дать Огонь тебе готовый.

Если с верою идёшь,
И чисты твои влечения, –
Без сомнения, пройдёшь
Эту степень Посвящения.

Вот Огонь Его! Возьми!
Тяжкой ноши ты достоин.
Меж нечистыми людьми
Будешь ты отныне воин

Знания, Веры, Чистоты,
Уважения к живому. –
Отойдя от суеты,
Не бывать тебе иному.
Мир людей пока что плох –
Ты ответственен за это!
Ты идёшь – с тобою Бог –
Против Тьмы, во имя Света.

1994

Строфы

1

Живёшь, хотя и надоело,
Душа в тоске заледенела,
Любовь – и та не вмоготу!..
Вконец растерян, то и дело
С собой сражаешься несмело
За неземную высоту.
Зачем такую маяту
Ты выбрал? Выносил мечту –
Хотя б она тебя согрела!..
И в полутьме, в полусвете
Себя к житейскому кресту
Всё вяжешь ты остервенело.

2

Но вот достигнута вершина!
Легко иль с кровью, – всё едино.
Над миром вознесён, стоишь;
Земля и Небо – воедино;
В тебе – Вселенной середина
И неизведанная Тишь.
Ты узнаванием горишь,
Ты миру – Мекка и Медина!
Но лишь высоко воспаришь –
Падёшь и снизу возопишь!..
И будет грезиться вершина.

3

Не бесконечна суета!
Придёт однажды Чистота,
Утихнут страсти понемногу,
Во всём проступит красота,
И ты с житейского креста
Сойдёшь и обратишься к Богу.
Уняв последнюю тревогу,
Укажет Он тебе дорогу,
Где мерой – совесть, не верста.
Себя судя безмерно строго,
Придёшь к заветному порогу
И станешь спутником Христа.

1991

Поэт и божество

*Услышь, Боже, вопль мой, внемли молитве моей!
От конца земли взываю к Тебе в унынии сердца моего:
возведи меня на скалу, для меня недосыгаемую.*

Пс. 60, 2–3

1

В благолепии храма
Литургия о мире скорбит,
Переполнили воздух
Людского страдания вздохи.

«Видно, нет Тебя с нами! –
Поэт Божеству говорит. –
Вот и бьёмся от роду,
Вопим о скончаньи эпохи...

2

Проявись перед нами,
Себя нам понять помоги!
Заблудились во мгле
И к Тебе обращаемся с плачем...»
...И увиделось пламя,
Послышались чьи-то шаги.
«Ты живёшь на Земле,
Но своей не решаешь задачи.

3

Весь твой дар – от Меня,
Эта Сила всех прочих сильней:
Зажигаются звёзды,
Когда изрекаю я Слово.
Ты ж, словами звеня,
Забываешь порой обо Мне;
Восхваляясь, не рос ты,
И хвалишься снова и снова...»

4

«Ну так дай мне совет,
Что мне делать, Господь, научи!
Как Тебя мне познать,
Расскажи мне хотя бы немного».
И услышал поэт
Посреди песнопений в ночи
Благодатную весть
От Вселенского мудрого Бога:

5

«Сохраняя Творенье,
Из Центра Вселенной гляжу.
Нет ни верха, ни низа,
Лишь сетка серебряных нитей.
Там ячейку поправлю,
А там узелок завяжу,
Там без всяких эскизов
Отлажу течение событий.

6

И пульсирует Жизнь,
Умирает, рождается вновь,
Можно видеть воочию,
Сколь изменения зримы.
И в работе Моей
Применяют безмерно Любовь
Иегова и прочие
Дети Мои, Элохимы.

7

Счастлив Я и могуч,
Потому что от Горних Высот,
О которых судить
Даже Я, высочайший, не смею,
Опускается Луч
И Отцовское Слово несёт,
Чтоб Меня поддержать,
Научить, коль чего не умею.

8

Так и ты, человек,
На пылинке своей голубой,
Истощившись в борьбе
Сам с собою в запутанном быте, –
Из-под сомкнутых век
Должен чувствовать: Небо с тобой,
Из Вселенной к тебе
Непростые протянуты нити.

9

Человечья возня
Доконала тебя бы давно:
Все дела и мечты
Бесполезны, коль нету опоры».
«...Грешен, Господи, я!
И не ведал я выхода, но
Приближаешься Ты –
И с Тобою подвигну я горы!

10

Мне бы миру помочь,
Чтобы в нём поубавилось Зла!
О Любви говорю,
А меня не читают, не слышат...».
«В их сознании – ночь,
И метель все углы замела.
Дождись зарю –
Бог твоею рукою напишет.

11

Белый спустится Ангел,
Крылами тебя осенит,
Даст такие слова,
Что сердца из камней разбудят;
Позабудутся ранги,
Податливым станет гранит;
Люди ахнут сперва
И себя, не жалея, осудят.

12

Все покаются, только
Сначала покаешься ты!
Дам тогда тебе Свет,
Станешь Божьим светильником людям».
Голос смолкнул. И долго
Сиянье лилось с высоты.
Был недвижим поэт
И в томленьи почти безрассуден.

13

Стыли слёзы в глазах,
Обращённых в себя самого
«О, Господь, всё исполню!
Меня не оставишь довеку!» –
Он, крестясь, сказал.
И молился. И сердце его
Луч надежды заполнил,
Надежды помочь человеку.

14

После, в тесном автобусе,
Дома, в привычной среде,
Понимал постепенно
Священное дело поэта:
Без унынья и робости
Ныне, всегда и везде
В мир нести вдохновенно
Частичку Небесного Света.

1991

Воплощение

Вошёл, захлопнул дверь, зажмурился от света,
Вздыхнул разок–другой и робко начал путь.
Мог стать строителем, философом, поэтом, –
Не стал, не захотел, не понял жизни суть:

Мир прост. В нём сильный – прав, а прочие неправы,
Здесь любящий убог, талантливый смешон.
...Что ж, приспособился, учёл крутые нравы.
Но вскоре жить не смог, собрался и ушёл.

Дверь молча притворил, шагнул во тьму с порога
И, наконец, затих, со всеми примирён!
Травую зарастёт забытая дорога
И обветшает шёлк плакатов и знамён.

Состарится жена, свой путь проложат дети,
Займут другие место у огня.
И память отомрёт. И ты не жил на свете,
Словами бесполезными звеня.

1977

Проснувшийся на миг

Когда все спят, а ты открыл глаза,
Глядишь во тьму и зрением глубинным
В ней видишь: Нечто и Ничто едины. –
Кому виденье сможешь рассказать?

Все крепко спят уже который век
И видят сны, исполненные страстью.
И ты с внезапно обретённой властью
Толкаешь их: «Проснись же, человек!»

Молчат!.. И звёзды тают в Вышине,
Оттуда веет Истиной сурово,
И слышишь ты Единственное Слово,
И чувствуешь ответственность вдвойне
За спящее невежество... И снова
Привычно забываешься во сне.

1993

Читая новый завет

(1 Кор.)

1

Есть правило прежде всего:
В стремлении к Отчому дому
Не надо искать своего,
Но только лишь пользы другому.

2

Пиши, коль можешь быть поэтом,
Над робким словом господин,
И руководствуйся заветом:
Дары различны, Дух – един.

3

Живём, друг с другом жизнью делимся
Во мгле житейской суеты.
Не все умрём, но все изменимся
По мере нашей доброты.

4

Нет в мире зла, но каждый обречён
Собою любоваться изначально, –
Из глубины немислимых времён
К искателю сия приходит тайна:

5

Страданьем переполнен этот век,
Из сердца в сердце тьма рекою льётся;
Нет в мире зла, есть слабый человек,
На доброту его не остаётся.

Земное и небесное

Два духа, слившихся в одно,
Покинули мирское дно
И вознеслись сквозь Свет и Тьму
В покои к Богу своему...

Две одинокие души,
Усилье в мире совершив,
Пытались слиться, но, увы,
Людской не вынесли молвы...

Два тела – им сойтись невмочь! –
Их время разметало прочь...
...И чья теперь сумеет нить
Две троицы соединить?..

Транс

Всё уснуло. Лишь тягуче
Мантра древняя звучит.
Дух взлетает к серым тучам,
Устремляется в зенит.
Звёзды... Жаркие созвездья...
И Галактики спираль...

Растворюсь в полёте весь я,
Унесусь в немую даль...
После – к отчему порогу
Возвращусь, смыкая круг,
Став мудрей и ближе к Богу,
Всем – отец, и брат, и друг.

1998

Ночные философы

Д. Бадаускасу

Давай погасим свет,
На стол свечу поставим,
Чтоб два лица во мгле –
Как лики двух святых.
Пусть в мире бедствий нет
И хоть на час растает
Вся горечь на Земле,
Лишь будем я и ты.

Мы курим, не спеша,
Молчим светло и мудро;
Мы знаем все пути,
Что суждено пройти.
Напряжена душа.
...Но наступает утро.
И снова в мир идти
С восьми и до пяти.

Опять гореть в накал,
Неправедность изведать,
Сомненья испытать,
Бороться (не за власть).
Ты говоришь: – Пока!
Спасибо за беседу.
Сегодня мы опять
Наговорились всласть!

1987

Люди

В пыли уснувшего Востока
Сверкала Истина не раз.
Её искал я одиноко, –
Людей увидел без прикрас.
В нас – грязь и гной, борьба и злоба,
И тут же – праведности Свет.
Добро и Зло столь близки оба,
Что по раздельности их нет.

1990

Когда-нибудь

Я вопрошаю, и ответы
В сознании светятся, верны:
Всё человечество планеты –
Рабы и Божии Сыны.

Рабам – мечты, надежды, тленье,
Пир да плотская любовь.
Сынам привычнее гоненья
От взбунтовавшихся рабов.

И те, и те – всё Божьи люди –
Живут и свой проходят путь.
А после всех Господь рассудит,
Когда-нибудь.

1993

О дуализме

Безмерно тяжело было естество
Тем, кто себя осознавал едва.
И выдумали люди «божество»,
Поставили напротив Божества.

В неразвитых сознаниях сплелись
Два Бога, два Начала, два Врага. –
Понятней, проще стала людям жизнь
И в самооправдании дорога:

Убил, украл – виновен Сатана,
Добро содеял – так направил Бог.
Лишь угоди – и получи сполна! –
Такой расклад воистину неплох...

А я изведаль правду, и она
Покоя мне отныне не даёт:
Служенье плоти – это Сатана,
А Бог – Он есть движение вперёд.

Подумал злое, сподличал, украл, –
Не Сатана мерзавца искусил,
А просто человечек слишком мал,
Чтоб догадаться о раскладе сил.

1988

Час прозренья

Тебя ветра удач толкают в спину,
Сооружаешь замки на песке.
Но вот тяжёлый занавес раздвинут –
И ты в смертельной корчишься тоске!

Ты ублажал внезапные искусства,
Не жил – шутил с Вселенною самой.
Ты презирал наивного Иисуса,
Шатавшегося с нищенской сумой.

Тебя всегда немислимо бесили
Суждения о зле и о добре,
Не верил ты далёкому Мессии,
Распятого властями на заре.

Однажды взялся – просто смеха ради –
За книги: что, мол пишут дурачки?
Хранят твои рабочие тетради
Пометок издевательских крочки.

И вот период изысканий минул,
Ты в душу заглянул – и онемел!..
Зачем ты этот занавес раздвинул?
Уж жил бы, жил, имел бы, что имел...

1989

Под десницей Элохима⁴
(из Псалтири)

Псалом 1

Блажен тот муж, который не пришёл
В совет из нечестивых, и который
В собрания развратителей опору
Своим делам и мыслям не нашёл.
В Законе Господа он волю укрепил,
Он о противном рассуждать не смеет;
Во всём, что он ни делает, успеет,
Блеск мишуры его не ослепил.
У нечестивых в жизни – всё не так:
Они как прах, что ветер возметает;
Им на суде пощады не бывает,
Им каждый праведник не друг, а враг.
Душа погибла – погибает плоть:
Путь каждого определил Господь.

1989

Псалом 3

Господь! Враги умножились мои,
Нуждаюсь день и ночь в Твоей подмоге:
Восстали на меня со всей земли
И говорят, что нет спасенья в Боге!..
Но Ты, Господь, Ты – щит передо мной,
Моя Ты слава на груди земной!
...Ко Господу взываю я подчас,
И со святой горы меня Он слышит.
Ложусь ли спать, встаю ль в урочный час, –
Я защищён, всех происков я выше!
Пусть на меня врагов поднялись тьмы –
Господь со мной, непобедимы мы.
...Восстань, Господь, спаси меня от бед,
Чтоб мог нести я дальше истин Свет!

1989

⁴ Встречающееся в книге «Бытие» еврейское слово «Элохим» в переводе на русский язык означает: «Боги». В названии цикла «Под десницей Элохима» автор имел в виду обращение псалмопевцев к своему племенному Богу, одному из Строителей Солнечной системы.

Псалом 25

К Твоему я взываю имени,
Вот я, чист на Твоём пути.
Бог Незыблемый! Рассуди меня,
С человечеством рассуди!
Искуси, испытай молящего,
Хочешь – сердце в груди расплавь!
Я всегда желал настоящего,
Обратись ко мне, не оставь!
Я не лгал, не дружил с негодными,
На коварных шёл, не таясь.
Что же видится в мире ныне мне
Всюду подлость, обманы, грязь?..
Не губи души моей с грешными,
Светом праведным освети
И меня с делами поспешными
Сохрани на прямом пути!

1990

Псалом 138

Мой Господи! Меня Ты испытал
И знаешь, как ложусь и как я встану,
Когда я весел и когда устану,
Когда уныл я и когда удал.
Ты издали поступики разумеешь,
Увидеть всё и всё понять умеешь.
Иду ли я иль отдыхаю я –
Мои пути Тебе всегда известны,
Меня Ты окружил вниманьем тесным,
Любя меня, ко мне Себя стремя.
Ещё я не сказал о чём-то слова –
Тебе известна дум моих основа!
Меня объемлешь Ты со всех сторон,
На мне всегда лежит Твоя десница.
Мне остаётся только лишь дивиться:
Всё ведаешь, над мною вознесён.

И пусть я сделать многое могу –
От взора Твоего не убегу:
Взойду ль на Небо, путь с Земли стремя,
Сойду ли в преисподнюю глубоко, –
Повсюду – Ты, и близко, и далёко,
Везде встречаешь грешного меня!
Возьму ли крылья у зари заката,
Умчусь ли к морю иль ещё куда-то, –
Умчусь я, но и там Твоя рука
Ведёт меня, над пропастью удержит.
Скажу ли: «Тьма вокруг – мои одежды,
Свет ныне будет тьмою на века!» –
Но не затмит Тебя и тьма ночная,
Ночь – словно день, Тебя я в ней узнаю!
Меня во чреве матери соткал,
Зародыш мой Твои видали очи;
Есть в Книге у Тебя среди многих строчек
Все дни мои, и Книга велика.
Как дивно я трудом Твоим устроен,
Хотя того, быть может, не достоин!..
А замыслы Твои так высоки! –
Исчислить их я не пытаюсь точно:
Их много, как крупиц в горе песочной,
Как водных капель в глубине реки!
Я пробуждаюсь ночью голубой
И вижу, что я всё ещё с Тобой.
Есть люди, нечестивые в душе,
Они живут, а сами смерти служат;
Ты им не нужен, им и Свет не нужен, –
Терпеть их дольше нет мне сил уже!
О, если б Ты, средоточенье Сил,
Их всех собрал и разом поразил!
Господь мой! Я уверен: Ты со мной,
Всё знаешь обо мне, читая душу!
Наставь меня – и я пойду, не струшу,
И впредь пылая верою одной!
Узри, не на опасном ли пути,
Передо мною Истиной свети!

Волны

И снова меня поднимают вселенские волны
Над тесным мирком ежедневных забот суетливых.
И резко меня осуждают друзья и родные,
Ведь им непонятно, зачем не живу я спокойно.

То выше! – то ниже! То в Небе – то в Нижнем Астрале!
То счастлив безмерно! – то страсти испачкают душу!
То весь я в Едином! – то знаюсь с каким-то отребьем,
Но даже и там остаюсь в равновесии прочном.

Вам дикими кажутся взлёты и эти паденья?
Но знаете, люди, мой путь по волнам не бессмыслен:
Всё выше возносят глубококипящие гребни,
Всё реже беспомощно падаю в мрачную бездну.

Однажды взметнётся волна жизнедателя Света,
И я растворюсь в беспредельном его Океане, –
Лишь только бы сердце моё не скудело Любовью,
Лишь только бы чувствовал всюду биение Жизни.

1992, 1996

Вестник

Поэтам ведома такая глубина,
Какую сами описать не в силах,
Но это их невольная вина.
И вот они, забыв подружек милых,
Работу, дом, сидят по вечерам
И маются от мыслей торопливых.

Они – в делах сердечных мастера –
Суть чувствуют, но нет словам исхода.
С одним разговорился я вчера.
Он странен был: высокая свобода
Мешалась в нём с суетностью земной,
Проклятьем человеческого рода.

Весь переполнен мыслию одной,
Он отличался ясным, твёрдым взглядом, –
Идущий к цели воин и герой.
(Но мы, давно отравленные ядом
Телесности, не обнаружим Свет,
Пусть даже он зажжётся где-то рядом).

Алел всюю за окнами рассвет.
Поэт, не спавший ночь, твердил угрюмо:
– Сказать бессилён! Даром, что поэт.
Я видел то, о чём несмело думал,
Был там, куда для многих путь закрыт,
Где Божий мир – одна сплошная сумма.
Измученное сердце говорит
О виденном, да ум не позволяет
Сорвать слова с обыденных орбит,
Вновь выстроить; он способа не знает,
Как передать, что мне Господь даёт,
Когда судьбу миров предвосхищает...

– Так ты о многом знаешь наперёд?
– Не в этом дело. Я изведаль Слово,
Которое теперь меня ведёт.
Как вынудить себя, полунемого,
Поведать правду гибнущим во Тьме,
Считающим, что в плотском – вся основа?

– Коль мы в телесной мучимся тюрьме, –
Открой нам дверь, не словом, так уж делом!

– Лишь через Слово Путь назначен мне.
Открыть вам дверь? Ты сам откроешь смело
Свою тюрьму недрогнувшей рукой,
Когда себя преобразишь умело.
Откроешь сам и никогда – другой!
Я должен лишь едва тебя направить,
Устраивая внутренний покой.

– Но как себя в покое жить заставить?
Он для меня вовек недостижим!..

– Лишь только б захотел себя избавить
От зависти и злобы. Развяжи
Затянутое чувствами сознание,
В костёр свои желанья положи,
Пусть дым от их сожженья будет данью
Предвечному от слабого тебя,
И Он тебя своей покроет дланью.

– А сам-то ты очистил ли себя?
– Не полностью, и в том моя проблема...
Подходит время, Ангелы трубят
О воздаянии. Древняя эмблема –
Крест – над планетой виснет в небесах.
Нам всем пора понять, теперь же, где мы
И для чего здесь каждый родился.
Я людям говорю о том бесценно,
Да им желанны только чудеса:
Я смог бы убедить их, несомненно,
Коль воду превратил в вино иль свет –
В ночную мглу, в бессмертное – что тленно...

Но я всего лишь Истиной согрет,
Моё познание столь пока ничтожно,
Что лишь твержу Божественный Завет.
Ведь людям грешным то понять возможно,
Что грешник же, на их же языке
Им, не спеша, откроет осторожно.
И я тружусь, перо держа в руке,
Как повелел Господь. Да мало силы
Имею я, чтоб всё сказать в строке...

Он замолчал. Прекрасное светило
Через окно тянуло к нам лучи.
Я уходил. И мне тревожно было.

...И вот однажды он исчез в ночи,
Уход не выдал ни в едином стуке,
Сердца живущих не ожесточил.
Ушёл наш Вестник. И теперь, в разлуке,
Его я помню. Мир кипит в страстях,
Уже не перья, – ружья держат руки.

Он уходил, невежество простя,
Теперь, поди, живёт в ином Пространстве,
Надежду нам оставивши в вестях.

Но к нам ещё вернётся он из странствий.

1994

Машинный вальс

Ю. Бакшаеву

По дороге пылит, спотыкаясь о камни, машина,
Защищённая еле от ветра и прочих невзгод.
Кем же мнишь ты себя, бородатый серьёзный мужчина? –
Я гоню тебя вдаль, и не можешь убавить ты ход!

Раньше было легко: все детали здоровьем блистали,
Поглощала машина немало еды и вина.
Было так, а теперь заведу её утром едва ли,
Потому что устала, устала, устала она!..

Через окна глазниц я гляжу на зелёные нивы,
На привычное небо, на звёзды в синеющей мгле...
Что ж, спасибо, машина! С тобою бывал я счастливым!
И на этом, машина, закончим твой путь на Земле.

Я оставлю тебя, послужившую верно до срока,
И открою ту дверь, что с рожденья закрыта на ключ;
Прощаюсь с тобой и отправлюсь высоко–высоко,
В тот, взаправдашний, Мир, где ни тьмы не бывает, ни туч.

И оплачут тебя, и в песчаную почву зароят,
Позабытая всеми, ты в ней растворишься навек.
А меня где-то встретят, очистят от зла, успокоят,
Потому что, машина, ведь я, а не ты – Человек.

Пожелает Всевышний – откроется древняя Книга
Воплощений моих меж скоплений пространств и эпох.
И наступит пора, и, дождавшись удобного мига,
Появлюсь на Земле, по-младенчески делая вдох.

Стану взрослым опять и в сражения влезть не премину
Против Тьмы и неправды за чистый Божественный Свет.
И как бросил тебя, так и новую брошу машину,
Потому что такой, чтоб была неустанная, – нет.
...Что ж, тряхни бородой, погляди-ка на новые дали!
Я веду тебя к Цели, которая ясно видна.
...Ах, машина моя! Заведу её утром едва ли,
Потому что устала, смертельно устала она...

1992

Говорит Уолт Уитмен

В яростной, клокочущей Вселенной,
На планете, тонущей в веках,
Я стою, счастливый и нетленный,
Мир держу в мозолистых руках.

Обобщил недавние наброски
О Мирах, о людях, о судьбе.
Слушайте! Я вышел на подмости,
Чтобы рассказать вам о себе.

Отойдя от всяких побуждений,
Отряхнув прах земных оков,
Я стою на некоей ступени
Протяженьем в тысячи веков.

Вверх и вверх зовёт меня Всевышний,
Трудности вокруг меня стеной,
Тысячи прожитых мною жизнью
За мою строятся спиной.

Впереди – ступени и ступени,
А внизу, в бездонной глубине –
То, что предваряло мир явлений
И служило колыбелью мне.

Летаргией мертвенною скован,
Ни Пространств не зная, ни Времён,
Был в Ничто я, и однажды Словом
К Жизни из Не-Жизни пробуждён.

Долго Силы вышние трудились,
Дух мой новорождённый граня,
Радостно Миры вокруг роились,
Музыкою тонкую звеня.

Мой зародыш тоже не ленился,
Совершал из Вечности побег.
Час пришёл – и вот он, я! – явился
По Земле идущий Человек:

Под ногами – слабая Природа,
Над главою – несказанный Свет.
Я спустился с радужного свода,
Чтоб сказать вам, люди: – Смерти нет!

Вызревавший долгими веками,
Я несу сияние Огня;
Между шляпою и башмаками
Не вместить безмерного меня!

Все слова, все люди, все предметы, –
Всё во мне сливается навек:
Я – бессмертный, я – Посланник Света,
Крепкий Духом, сильный Человек!

То же – вы, коль поглядите шире!
Тайну тайн хочу вам приоткрыть:
Люди *могут* в этом странном мире
Без взаимной ненависти жить.

Не роняйте званье Человека,
Не гасите чистую зарю! –
К вам из девятнадцатого века
Я, Уолт Уитмен, говорю.

Монолог глины

Круг гончарный вращает весёлый Гончар:
Из податливой глины, умения и чар
Сотворит небывалое в этой Вселенной
И потом поднесёт Неизбывному в дар.
Не Гончар я, вполне понимаю я, друг:
Я – та глина, что требует мастерских рук.
Если ж глина плоха – даже Мастер бессилён,
И слова об умении – бессмысленный звук.

Глину плоти смочивши в Предвечной Воде,
Мастер лучшее лепит из лучших людей.
Если сам я не сделаюсь глиной хорошей, –
Так и буду страдать в неразумной среде...

Решено! Очищаюсь, была не была,
Чтобы Мастера воля меня возвела,
Бесполезную глину – к вершинам Творенья,
Где б душа моя Истинный Свет обрела!

1991

Повсюду

Возжелавши понять, для чего я живу,
Прохожу по равнинам, ложусь на траву,
Поднимаюсь на скалы и в небо гляжу –
Вместо Бога себя самого нахожу
В синей чаше хрустальной, что стынет, храня
Образ чудный и ласковый, то есть – Меня.

...Сам в себя углублюсь, будто в омут нырну,
Камнем кану к далёкому жуткому дну;
Раздвигая химер задрожавшей рукой,
Вопрошу Одинокого: «Кто Ты такой?».
Его Голос согнёт мою душу и плоть:
«Разве ты не узнал? Пред тобою – Господь!»

1993

Одиночество

Одиночество – благо, когда через Тьму,
Через душу свою пробиваешься к Свету.
Там, где толпы бессильны, тебе одному
Суждено осознать и увидеть планету,
Пожалеть её, Силой своей поддержать,
Поднимая себя до бессмертного Бога. –
Ради этого стоит и жить, и страдать!
Одиночество – Путь, предначертанный строго.

1995

Ашрам поэта

Мои друзья приходят в мой ашрам,
Ища покоя в мире одичалом.
Здесь медленное время по утрам
Спрессовано и катится обвалом.

Здесь солнце днём немилосердно жжёт,
А в вечеру, прохладой напоённом,
Внимает Бог любому, кто придёт:
Мечтателям, поэтам и влюблённым.

Здесь всюду – Он: на письменном столе,
В собраньях книг, в исчерканной бумаге.
Отсюда видно всё, что на Земле
Случается и требует отваги,

Осмыслить чтоб, понять, зачем приобрёл
Ты в этот мир из Мира Неземного,
Что потерял, чего не приобрёл,
С каким заданьем воплотишься снова.

Здесь видно всё, лишь будь предельно чист.
Любовь – к любви, и никогда иначе!
Ашрам... Рассвет... Бумаги чистый лист...
Бог говорит, и дьявол где-то плачет.

1997

Грешный святой

Валентине

Ты сидишь и рассуждаешь здраво,
В речь свою немалый смысл вместя:
Грешен я и не имею права
К Свету звать заблудших во страстях!

Искренности веришь и не веришь, –
Всё равно тепло моей душе,
Ибо заповеданные двери
Мне приоткрываются уже.

Редкою воспользуясь минутой,
Оставляю бедственную плоть
И вхожу... И знаю почему-то:
В сердце просыпается Господь!

Позабыв о поприще убогом,
Влившись духом в Разум мировой,
Становлюсь великим, мудрым Богом
Надо всей Вселенною родной.

Я тружусь! И дел вокруг немало:
От Высот до низменных стихий
(Так же чтоб меня ты осуждала
За мои житейские грехи,

Чтобы ты была – почти святая,
Чтобы грела душу всякий час) –
Деятельность эта непростая
Богу во Вселенной – в самый раз.

...И потом с Высот непредставимых
Падаю сюда, где мрак и боль,
И, страстями мелкими томимый,
Вспоминаю сыгранную роль.

Сонет о грехе

Яну Н., искателю Истины

Ты молишься: – О, Боже! Отпусти
Грехи мои!.. – Ты утонул в печали,
И Божий Свет придёт к тебе едва ли,
И трудно тяжкий крест тебе нести.

Ты скован, я – свободен, уж прости!
Неправда, что плохие дни настали!
В нас спрятан Тот, о коем мы мечтали,
В чьей воле мир заставить расцвести.

В тебе, во мне и в каждом – Божество!
Закрыв глаза, не видишь ты его,
Устал идти (все грешники устали) ...

А мне и ночь ничуть не хуже дня!
Пусть бы и звёзды в небе не блистали, –
Мой Свет исходит изнутри меня.

1991

Маха – мантра

Веданге посвящаю

Я отправился в дорогу
Через Мир, где нити рвутся.
Я хочу вернуться к Богу,
Я домой хочу вернуться.
И молюсь – меня не слышно
Людям в жизненном угаре:
– Харе Кришна, Харе Кришна,
Кришна Кришна, Харе Харе!

Потерял в дороге друга,
Мельтешат вокруг невежды.
Разрушает Кали-юга
Столь прекрасные надежды.

Я несу Любовь упрямо,
Пусть сегодня смерть в ударе.
– Харе Рама, Харе Рама,
Рама Рама, Харе Харе!

Отвергая деньги, славу,
Относясь к поступкам строго,
Человек имеет право
Развивать себя до Бога.
Возношу молитву выше
Во спасенье всякой твари:
– Харе Кришна, Кришна,
Кришна Кришна, Харе Харе!

1993

Утешение

Друг мой юный, что-то ты некстати
Чёрною исполнился тоской...
Не было ещё таких зачатий,
Юности и старости такой!

Не было ни ада и ни рая,
Совершенств таких, как в этот час!
Ничего вокруг не отрицая,
Славлю мир, что окружает нас!

Ангел плоти и её мучитель,
Смертный и бессмертный, ты един,
Разрушающий свою обитель
Сам себе бездумный господин.

Не кляни, дружище, неудачи.
Мир прекрасен, ты – источник бед!
Плохо тебе ныне? – это значит,
Держишь за дела свои ответ.

Вот когда поймёшь своё значенье,
Испытаешь боль за Дух и Плоть, –
Станешь чистым Божиим твореньем,
И в тебе проявится Христос.

1992

Тетрина

Медитация

Уйти от суетности. Молча глядеть в Небеса.
Очистить сознание. В себе сконцентрировать Свет.
И слушать, и слушать из дальних Миров Голоса.
И с Богом–Отцом заключать Современный Завет.

Потом, в вышине, повторять этот чудный Завет
И видеть, что Слово смогло распахнуть Небеса,
Оттуда всё льётся и льётся реликтовый Свет,
О чём-то в Астрале твердят и твердят Голоса.

И думать, откуда приходят в Астрал Голоса.
И в сердце вложить заключённый недавно Завет.
И радостно видеть: Любовью полны Небеса,
Которые льют на тебя очищающий Свет.

Потом обнаружить, что сам излучаешь ты Свет
(Об этом неслышно твердили тебе Голоса).
И вот – уже Ты претворяешь в деянья Завет!
И вот – Ты Создатель. И вот – распахнул Небеса.

1994

Путник на ночной реке

Где предел изысканий поэта?

В. Анишуков

Какая ночь! Я чувствую её:
Не тьму её, а цельное Пространство,
Изменчивость его и постоянство.
...Прекрасно изыскание моё!

Хочу постигнуть Эволюций Ход,
Судьбу Богов, и Кто стоит за Ними.
И сквозь меня таинственное Имя
К земному человечеству идёт.

Миры – во мне, Вселенные – во мне
Живут, и если я неравновесен
И самому мне свод сознания тесен, –
Они в смертельном корчатся огне.

Они горят, пока я бьюсь в тоске,
Они прекрасны, если я спокоен.
...И здесь предел мой: ни поэт, ни воин,
А просто Путник на ночной Реке.

1994, низовья р. Оби

Утренняя молитва

Собратьям по ЛитО

Алым пламенем струится
Из небесной выси свет.
Рано утром помолиться
Вышел из дому поэт.

Он шагает по тропинке.
Сердце – настезь, светел взгляд.
И ажурные снежинки
Божьей весточкой летят.

Все заботы он оставил,
Всю мирскую дребедень,
В тишине Творца восславил
За грядущий новый день.

Он к делам придёт, ликуя!
Будет счастлив! Вновь и вновь
Он воспримет боль людскую,
Перельёт её в Любовь,

Разъяснит Слова и Числа,
Вспыхнет факелом во мгле!
...А иначе нету смысла
Быть поэтом на Земле.

1998

Лучше попросту жить

Не хочу рассуждений
О собственной жизни, Боже!
Без меня, где ни глянь,
О себе рассуждают люди,
Пишут книги, стихи,
Да такие – мороз по коже!
Так не любят друг друга,
Что это планету студит!

Не хочу рассуждать о себе,
О других подавно.
Лучше попросту жить, зная:
Есть Ты во мне и в Небе,
Обращаться к Тебе по утрам,
Мой Учитель славный,
И просить Тебя, чтоб и впредь
Не менял мой жребий.

1990

Моя муза

Явив невиданную милость,
От нас всегда отдалена,
Звездой вечернею скатилась
Из мира горнего Она.

Её лучистая свобода
Внезапно вспыхнула во мгле.
Ей стала песнею природа,
Богами – люди на Земле.

Она вошла ко мне с рассветом
Царицей Духа, и в тиши
Я стал нечаянным поэтом
До Неба выросшей души.

Превыше человеческой власти,
Незыблем чистый Идеал.
И в этом – истинное счастье
Тому, кто Истину познал.

1998

Будешь ли светел

Будешь ли светел,
Коль не горит в тебе свет
Солнца Вселенной?
Будешь ли светел,
Коль ощущения нет
Жизни нетленной?

Будешь ли светел,
Коль не умеешь прощать
Грешных отныне?
Будешь ли светел,
Если на сердце печать
Сладкой гордыни?

На перепутье
Просто замри и молчи,
Чистый во Свете,
Искренне будь им! –
И в человеческой ночи
Будешь ты светел.

Атлант

И снова время, снова время
Себя разматывает вспять,
И я легко слагаю бремя
Любить, неволиться, страдать.

...Покрыт алеющим загаром,
Как новосозданный Адам,
Иду по белым тротуарам
В слепяще-белый древний Храм.

Мельканье пёстрое названий...
Вот площадь...Дальше – поворот.
И мой Учитель, Падмапани,
Меня встречает у ворот,

Заводит в Храм, творит крещение
И Божества являет лик,
И я, принявши Посвящение,
Загадки времени постиг;
Душа возышенно согрета!
Из Храма ухожу я прочь
И возвращаюсь, полон Света,
Обратно в век двадцатый, в ночь.

О, сны мои!

1

Блится предо мной столица Атлантиды:
Безмерны купола, чудны кариатиды,
Проспекты широки, каналы полноводны,
В ажурных кораблях плывёт народ свободный,
В полдневной синеве качаются виманы,
У Золотых Ворот – торговцев караваны.
На Острове Царей – могучий Император,
Его простёрта длань далёко за экватор
Он счастлив потому, что счастливы народы.

2

Смотрел бы и смотрел, застывши изваяньем!
Но избранного ждут великие деянья.
Пирамидальный Храм передо мной белеет,
Навершие его под солнцем пламенеет.
И я, Учёный – Жрец, вхожу в него устало.
Берусь за рычаги. Моя пора настала!
Сегодня завершу пути Эксперимента –
Изменится Земля! С какого-то момента
Вулканы замолчат, шторма угомонятся, –
Страдания людей уже не повторятся.
Ревущий Луч, *Маш-Мак*, вонзается в пространство,
Планете принося благое постоянство.

3

О, слабый человек, карикатура Бога!
Куда же завела тебя твоя дорога?..
В полуночной тиши спал город величавый,
Когда из глубины пришли потоки лавы,
Сжигая всё и вся. И вот она, минута:
Развергся океан – и рухнул остров Рута;
Сомкнулись бездны вод, гася людские крики,
И в зелени глубин застыли наши лики...

4

Я часто вижу сон. Столица Атлантиды:
Безмерны купола, чудны кариатиды,
Проспекты широки, каналы полноводны,
В ажурных кораблях плывёт народ свободный.
Всё рушится опять в Луче Эксперимента!..
Я мучаюсь во сне, а сновидений лента
Ползёт передо мной, перемежая сути,
Навязчиво близка, и больно мне до жути.
Погибший тот атлант, мой современник вечный,
С укором мне твердит свой довод бесконечный:
«Идёте вы туда ж, до гибели мгновенье...».
О, сны мои! О, сны, святое откровенье!..

Мантра ченрези⁵

На светлейшей из планет,
На пылинке голубой
Облачён я в горний Свет,
Счастлив своей судьбой.
Плоть, покорная, молчит,
Не подвержен страсти ум.
И в душе моей звучит:
«Ом мани падме хум!»⁶
О, мой Бог внутри меня!
Я Тобою стал навек, –
Полный чистого огня
Истинный человек.
Всюду Жизнь, а смерти нет,
Порожденья низких дум.
Затопил сознание Свет:
«Ом мани падме хум!».

Людям, тонущим во мгле,
Непростой даю я Путь:
Стать Богами на Земле,
Прах свой перешагнуть.
Слышат Слово и в ночи
И бедняк, и толстосум.
Над планетою звучит:
«Ом мани падме хум!».

1998

Просветлённый

Когда-то жрец святого Храма,
Встречал я в Индии рассвет.
Молился я, и сверху Брахма
Глядел с улыбкою в ответ.

⁵ Ченрези (тиб.) или Падмапани (санскр.) – Великий Посвящённый, один из атлантов, спасшихся во время катастрофы СХХУ в. до н. э., оставил после себя Учение, из которого, предположительно, позднее образовались все современные религии человечества.

⁶ О, мой Бог внутри меня! (санскр.).

Но в озареньи бесконечном,
Творца минуя сквозь туман,
Я на рассвете пел о вечном:
«Ахам эва парам Брахман!»⁷

Я был над жизнью господином,
В себе вселенные вмещал,
И горный Голос о Едином
Почти бессмертному вещал.

Так и будем

Вот так и будем, так и будем
Бессильно маяться во мгле –
Ведь мы всего лишь только люди,
Страдальцы плоти на Земле.

Наш Путь пока ещё не пройден,
Но цель начальная видна.
Земля, одна из наших родин,
Огнём сердец озарена.

1991

Слово

Уединился в кабинете,
Курил, черкал бумаги я, –
Так начиналась на рассвете
Святого Слова магия.

Оно звенело в Занебесьи,
В мирах сияло царственно,
И был самым Пространством здесь я
С историей пространственной;

Всё понималось до пределов,
Ещё никем не виданных!
Но это было лишь полдела:
Слов не нашлось обыденных.

1999

⁷ Воистину, я настоящий Брахман! (санскр.).

Жизнь

Андрею Козееву

А всё же жизнь неодолима!
Не стоит думать, мол, она –
Движенье век безумца мима,
Рисунок дьявольского сна.
Её течение величаво,
Юродствуй в нём или плыви, –
Кругом положено начало
Огню возвышенной любви.
Здесь вся она – дыханье Бога,
Единство Слова и Числа;
Её суровая дорога
Вас прочь из ада увела.
Уверьтесь: жизнь неодолима.

1999

Призвание поэта

Надежде Каневой

На высях горних ищем мы ответ,
А он порою изначально ведом.
Державной мощью сверху льётся Свет, –
Едва ль ко всем покой приходит следом:
Живём, порой забывши про Завет,
Дарованное жизненное кредо.
Ещё б по всей Земле царили беды,
Когда бы в мир не приходил поэт!
А он – приходит вызволить, хотя
Нередко сам наивен, как дитя,
Его не видно на амвоне храма,
Ведь сам он – храм, вокруг себя светя.
Он, посреди невежества и срама
Идёт предтечей нового Адама.

1999

Дары востока

*...и, открывши сокровища свои,
принесли Ему дары: золото,
ладан и смирну.
Мтф. 2, 12*

Тихо звезда вела
Через уснувший лес,
Радость на мир лила
Чаша ночных небес.

Шёл караван с горы,
Кони рвались к воде.
Маги везли дары
Лучшему из людей.

Он же в яслях лежал
В грязном чужом хлеву,
Возле него жевал
Ослик свою траву.

Маги заходят в хлев
И подавляют вздох:
– Славен будь, юный лев,
Славен будь, вечный Бог!

Старший же Маг сказал:
– О, повелитель дня!
Пусть ты сегодня мал,
Пусть не поймёшь меня;

Мать и отец поймут,
Передадут тебе:
Мы предрекаем тут
Лучшего из людей!

В душах людских пожар
Ты возожжёшь не зря!
Вот тебе первый дар:
Золото для Царя.

Ладаном воскурим
Логосу, что придёт, –
Станешь един ты с Ним,
Пусть Он тебя ведёт!

Проповедью своей
Будешь всем сирым – друг.
Смирна же – знак твоей
Гибели среди мук...

Божья в тебе душа! –
Маги ушли, простясь.
Мальчик в яслях лежал,
Ясностью глаз лучась.

И наступал рассвет,
И отступала ночь.
Людям явился Свет,
Могущий им помочь.

1991

Облачко

Чернея, плыло в никуда
По небу облачко. И что же? –
Его, пускай не без труда,
Я силой взгляда уничтожил.

Вот так же Некто в вышине
Меня, грустящего, приметил,
Рассеял облачко во мне, –
И я спокоен, чист и светел.

1999

Поэт

Вечная,
праздная
Высота!
Встречная,
грязная
суета...

– Господи! –
маешься:
в Свете – Мрак.
Вновь поднимаешься,
друг и враг...

Борешься,
борешься,
одинок.
Скоро уж
скроешься:
путь далёк.

В новом рождении
явишь Свет.
В духовождении –
весь Поэт!

1999, п. Дальний

О вечном

Когда поэты страстны – Музы спят,
К спокойному они велеречивы.
И потому Избранник молчаливый
За грань своей души подьмлет взгляд.
Он счастлив, пониманием богат!
Кастальский ключ течёт, не преставая,
В пресветлой тишине струя живая
Поэта полнит силою стократ!
А люди с осуждением говорят,
Им Вечное понявший – непонятен:
Ведь если даже Солнце не без пятен,
То уж поэт и вовсе виноват...–
Глумлением изводят день за днём,
Но Вечное уже не гаснет в нём!

2000, п. Дальний

Воспоминание

О, это страшное рожденье!
Едва лишь воздуха глотнул, –
Меня сдавило тяготенье,
Ударили и свет, и гул!..

Воспоминая время студит,
Но ясно помню ужас дня!
И где-то рядом были люди,
Пока чужие для меня.

Их речи падали громово,
Мне непонятные ничуть,
А я в себе услышал Слово,
Мой Бог сказал сурово: «Будь!»

Иди и бедствуй вместе с веком,
Учись спокойствию, свети,
Стань Просветлённым Человеком
До завершения Пути».

Летели годы, близя вечер,
Душа расправила крыла;
И были люди, были встречи,
И всюду Истина была!

Её я впитывал, как губка,
Светил затерянным во мгле
И помнил, как же было жутко
Стать человеком на Земле!

2000

Книга пророка

*Чтобы стать поэтом – настоящим поэтом –
нужно воплотить в себе весь род людской.
Надеть мантию поэта – значит нести на себе крест
Сына Человеческого и терпеть родовые муки
Матери – Души Человечества.
Дэн Симмонс. Гиперион*

Он любит являться туда,
Где светит другому едва ли
Его золотая звезда
В эмалево-белом астрале.

Он вновь ускоряет полёт,
Весь в предвосхищении мига:
В сиянии звёздном встаёт
Однажды начатая Книга.

Пред нею он падает ниц,
Потом торопливо листает.
Заполнены сотни страниц,
Но есть и пустые. Он знает,

Он видит, что жизни река
Ему, как Пророку, подвластна,
Что в душу приходит строка
И в ней говорит ежечасно.

Свободен от прежних оков,
Не раб ни страстям, ни обидам,
Он в самую гущу веков
Вторгается, чтобы увидеть

Себя изначального и
Пути возвращения к Богу.
Он бьёт для других колеи,
Надёжную ладит дорогу.

В кипящей толпе одинок,
Он сжёг себя тысячекратно,
Чтоб род человеческий мог
Однажды вернуться обратно, –
Пусть многие множества лет
Пройдут до желанного срока...
Пророк – он сначала Поэт,
Поэзия – голос Пророка.

В грядущем Эдеме земном
Писанье его воплотится.
Пока что в пределе ином
Заветная Книга хранится;
Чужой не проникнет туда, –
Избраннику ведомы дали.
Сияет, сияет звезда
В эмалево-белом астрале.

1999

Город

Ксении Отевой

Город белых сияющих башен,
Мостовых голубого стекла, –
Путь к нему был нелёгок и страшен,
Но мечта пилигримов влекла.
Мы спешили, страдали, горели,
Неприметные между людей.
Город встретил приветливо, пели
Адаманты его площадей.

Мы веками гостили у Бога,
Осенённые славою дня!
Всё ж обратно на Землю дорога
Уводила тебя и меня.

К людям Путь был направлен великий
Через капища слёз и нужды.
Людям наши пресветлые лики
Показались безумно чужды, –

Нас распяли... Конец был не страшен:
Наша чистая суть утекла
В город белых сияющих башен,
Мостовых голубого стекла.

2000

Восхождение

Ксении Отевой

*И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле;
и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней.*

Бытие. 28, 12

Белое солнце – в пол небосвода!
Всюду разлита тишь.
Вот, наконец-то, она, Свобода!
В мире благом стоишь.
В воздухе чьё-то струится пенье,
Радость звенит вокруг.
С выси хрустальной ввысь ступени
Перед тобою вдруг.

Чистой Любовью полна планета.
В сердце растаял лёд.
Ангел, дитя золотого Света,
Молча тебя ведёт.
Вот и свершилось! Даль прекрасна!
Лестнице нет конца.
Взор поднимаешь и видишь ясно
Дом твоего Отца.

1999

Несозвучие

Уже несозвучны становятся мне голоса,
Людей, околдованных этим земным притяженьем.
Всё чаще и чаще гляжу, замерев, в Небеса:
Там Истина, здесь – слепое её отраженье.

Уже не страдаю, уже я разумен вполне,
Но как для бездумной толпы проложить мне дорогу,
Туда, где вселенные мчатся во Тьме и Огне,
Где время с пространством опять возвращаются к Богу.

И воют машины за полуоткрытым окном,
И люди заходятся в злобе и вечной обиде.
Скорблю о страдающих, гибнущих в похоти, но
Как мне передать им, что я испытал и увидел?

А видел я многое: царства лежали в пыли,
Симфония Сфер из невысказанных далей звучала,
Мой дом был далёк от меня воспитавшей Земли,
На Землю я падал, и всё начиналось с Начала...

О, милые люди! Потомки нисшедших святых!
Как вас разбудить, чтоб на миг позабыли о плоти?
А люди смеются: – На что нам, всезнающим, ты? –
И топчемся вместе, и гибнем в житейском болоте.

1992

Парки

Нить моей жизни стремительно вьётся,
Парки печальную песню поют,
Пальцы Богинь неустанно снуют;
Нить истончается, скоро порвётся.

Ныне уже неотмирного взора
Не отвожу от людей и деревьев,
Чтобы вспомнить, теперь посмотрев,
Там, вдалеке от житейского вздора.

Парки! Ускорьте работу, молю –
Жду я её окончания смело:
Сделано мне отведённое дело!
Жду. Собираюсь. Спокоен. Люблю.

2000

Конец сансары

(автоэпитафия)

Здесь расточал я жар моей души,
Смеялся весело и плакал безысходно,
И каялся в ошибках принародно,
И вёл слепых, и к гнущим спешил.
Десятки раз рождался, умирал,
Монахом был, крестьянином, пророком, –
Но, неуклонно побеждаем роком,
Вновь уходил, отчаявшись, в Ментал.

Закончен Круг! Я Бога пробудил,
Он говорит во мне неторопливо,
Я вслушиваюсь в Слово молчаливо.
И вот – моя душа набралась сил.
Пора? Пора! Уже, пожалуй, ждут.
Прости, Земля, за то, что сделал мало.
Меня ты благосклонно принимала,
Теперь – прощай, спасибо за уют!

1991

Возвращение

Introibo ad altare Dei⁸

Вот я, Господи! Иду,
К Твоему порогу ближе.
Счастье, горе и нужду
Узнавал я не из книжек:
Работяга и поэт,
Я платил за опыт кровью.
...Несказанно чистый Свет
Подступает к изголовью.

Слышен Времени прибой.
Путь закончен без изъяна.
Повстречаемся с Тобой
У Святого Океана,
По душам поговорим,
Чем, мол, живы человеки.
Стану Именем Твоим
И с Тобой сольюсь навеки.

Ты призвал меня, Господь,
Пред свои поставил очи.
Дух, Земле оставив плоть,
Возвратился:
– Здравствуй, Отче!

1999

⁸ Я взойду к алтарю Господню (лат.), из католической молитвы.

Теопнействия

(Хокку)

1

Крепкий мост между
Природою и Небом –
Суть Человека.

2

Удивляются,
Что не кричу о Боге.
Не знают Бога.

3

Не любят, любят, –
Все помыслы о плоти!
А души плачут...

4

– Чихать на Бога! –
Всех заглушаешь криком.
Быть может, насморк?

5

– О чём ты плачешь?
– Возвыситься над миром
Хочу я тщетно!..

6

Молишь: – Господи!
Отныне пусть дважды два
Да было бы пять!..

7

Переполнили
Сознание твоё слова –
Нет места правде.

8

«Умри!» – подумал.
Кто-то внезапно умер,
И ты – убийца!

9

Вернись Иисус –
И вновь Голгофа будет,
Невеждам праздник.

10

Мы хватаемся
За Носителей Света –
Свет угасает.

11

Сдвинул занавес,
Заглянул себе в душу –
Покой утратил:

Там – всё зло мира,
Все беды человека!
Там мало Света.

Задёрнул снова.
Но покой не вернётся.
Ведь знаешь правду.

12

«Не бойся смерти.
Но бойся жить неправдой» –
Говорит мудрый.

13

(Коан)
Всё растворится
В Едином. Единое
В чём растворится?

14

Не верят люди:
Бог говорит, что хочет
Кому захочет.

15

Тримурти славен
В Его несовершенстве.
Творец Вселенной.

16

(из Упанишад)
Смотри: Бог есть То,
Что сверкает в молнии,
Мигает в глазу.

17

Читаю Книгу.
Истина во мне самом,
А в Книге – отзыв.

18

В тёмном жилище
Страстей – робко сияет
Мудрости солнце.

19

Не читай много:
Читай одну минуту –
Размышляй сутки.

20

Лгут Писания!
Жизнь, нигде не начавшись,
Вечно пребудет.

21

Граница Добра
Рядом с границей Зла.
Будь посредине.

22

Ищешь Реальность –
Не опирайся на ум,
Который – делит.

23

Я не одинок! –
Миллионы вселенных
Со мной едины.

24

Сознание моё
Много входов имеет,
А выход – один.

25

Коснулся ветки,
Вдохнул аромат цветка.
Един я с Миром.

26

Небо, Земля, я –
Имеем один корень,
Один Источник.

27

Быть равновесным
И любить беспристрастно –
Удел мудрейших.

28

Победил страсти,
Упорядочил мысли.
Пришла Тишина.

Свет во мне вспыхнул.
Говорит во мне тихий
Глас несказанный.

Единый с Миром,
Один за всё в ответе, –
Я снова счастлив!

29

Живу не в веках.
Нет времени для меня.
Лишь беспредельность.

30

Я помню всегда:
У Бога нет на Земле
Рук, кроме моих.

1992

ПОЭМЫ

Сон о колеснице

*Ни в этом мире, ни в том я не найду свободы.
Бесплодны мои искания в святилищах и книгах.
Именно в моей слабой руке спасительная нить,
влекущая меня к познанию и свободе.*

Вивекананда

1

В ночи убили человека.
Привычно. Было так от века.
И мир не рушится!.. Война
Волнами катит по планете,
Воюют взрослые и дети,
Пьют чашу горькую до дна.

2

«В чём суть ужасного стремленья
Убить?» – я мучаюсь в сомненьях.
Весь опыт долгого пути,
Отрезок времени, что прожит,
Напоминать лишь только может,
Что так ответа не найти.

3

Солгут религии и книги...
Сверкают молниями миги –
Уходит время сквозь меня,
И где-то старость уж маячит,
А я невежествен и, значит,
Лишён духовного Огня?..

4

Молился молча, одиноко,
И ночью – видимо, с Востока, –
Явился сон... Бесплотный дух,
Расставшись с жизненной рутиной,
Над каменистою равниной
Летел я, обратившись в слух.

5

И Голос медленно, печально,
Проникновен необычайно,
Сказал мне: «Вот же, впереди, –
Ответ! Понять виденье можно.
Воспринимай его, как должно,
И к людям – рассказать! – Иди».

6

Был вид, открывшийся мне, страшен:
Равнины каменная чаша
Лежала меж высоких круч;
Над ней, от кручи и до кручи,
Свинцовые клубились тучи,
Пародии обычных туч.

7

Где солнцу изливаться светом, –
Зияла мгла. Во мглу одетый,
Весь мир от ужаса стонал.
Пробивши облачную стаю
Упал я вниз и, обмирая,
Увидел горестный финал.

8

Здесь жизни яростная драма
Велась к концу. Творец упрямо
Толкал актёров вновь и вновь
Играть Спектакль о Человеке.
Здесь вспять текли земные реки,
Вода напоминала кровь.

9

Лучи уснувшего светила
Картину бледно озарили,
Людей и между ними связь.
Сквозь красный дождик морозящий
Я всю открывшуюся чашу
Увидел, болью омрачась.

10

По полю в битве бесконечной
Носились в схватках быстротечных
Скопления грязных колесниц;
До самой непроглядной дали
Мечи жестокие сверкали.
Убитые лежали ниц.

11

Трубили раковины грубо,
Звенела сталь, ревели трубы,
Миллиарды воплей шли туда,
Где, однокрыла, однонога
Парила Птица – не от Бога, –
Развоплощённая беда.

12

Людей, кто в пагубу здоровью
Ту птицу видел, рвало с кровью;
Она ж, вопя, чертила круг.
Коль тень её кого касалась, –
В беднях ярость умножалась,
Клинок усиливался стук.

13

Сшибались громко колесницы.
Сражались доблестно возницы.
Но в колесницах Седоки
Обозревали безучастно
Картину гибели ужасной
Людей от собственной руки.

14

Укутанные в покрывала,
Они молчали. И немало
Я был виденьем поражён:
«Скажи, кто эти изваянья,
Кому неведомы страданья,
Кто равнодушьем поражён?»

15

«Смотри!» – промолвил Голос сухо.
Смотрел я. Не хватало духу
Понять картину до конца.
Толпились лошади и люди,
И гул невиданных орудий
Был откровением Творца.

16

Возница дерзок и отважен,
Но стоит только экипажу
В бою распасться – в тот же миг
Клинок на землю упадет.
Возница горестно вздыхает
И вот уж помертвел, поник.

17

Пятёрка коней, тварей злобных,
В бою помощников проворных,
С ним рядом гибнет, а Седок
Взмывает к сумрачному небу
И исчезает, будто не был,
И в бегстве тоже одинок.

18

Обломки почва растворяла,
Лишь испарение витало
Над местом краха... Иногда
В плен попадал возница, – тут же
Лихие кони мчали дружно
Повозку прямо в никуда.

19

Седок её уже покинул...
Равнину взглядом я окинул,
Без седоков повозки счёл.
Их было много... «Голос, слушай, –
Сказал я, – не томи мне душу!
Искать ответ? Но где и в чём?

20

Что это странное виденье
Сказать мне может? Я с сомнением
Понять пытаюсь, но пока
Неясен символ колесницы,
Коней свирепых, роль возницы
И равнодушие Седока.

21

Притом, возницы всюду юны,
Есть даже дети! Надо думать,
На этом поле взрослых нет.
Что это значит? «Это значит,
Что возраст редким предназначен.
Смотри! На всё найдёшь ответ».

22

И снова, сам борясь с собою,
Обозревал я поле боя.
И вот, увидел: на восток
Мчат одиноко колесницы,
Ведут их взрослые возницы,
За каждым высится Седок.

23

...Пятёрка коней красногривых,
Уже не злобных, а игривых,
Бежит спокойно. Путь не прост.
На колеснице с поля брани,
Держа вожжу в могучей длани,
Возница едет в полный рост.

24

Он светел. Синие одежды
На нём опрятны. Он с надеждой
Глядит туда, куда ведёт
Необъяснимое влечение.
Отдавшись этому течению,
Он, верит, сам себя найдёт.

25

Пыл боевой пропал, и ныне,
Бежав из огненной пустыни,
Возница думает с тоской
О совершённых злодеяньях,
Минутных радостях, страданиях
И жаждет обрести покой.

26

Путь через горные ухабы –
Предназначение не для слабых.
Страдают кони, он в поту.
Но он один из тех немногих,
Кто смело бросился в дорогу,
Оставив прежнюю тщету.

27

Он горд! Он хочет зреньем новым
Увидеть вечные Основы
Строения мира. Он тайком
Глядит, как сзади тенью зыбкой
Седок приветливой улыбкой
Ему отвечает!.. Знаком

28

Вознице Путь – сквозь тьму и замять
Ему твердит об этом память, –
Туда, в ущелье, на восток.
Где стены сплошь из лазурита,
Где на другом конце сокрыто
То, что таит в себе Седок.

29

...Ущелье сузилось. И вскоре
Возница с трепетом во взоре
Увидел, как из ярких стен
От глаз сокрытое светило
Его сияньем охватило,
Нешадно выжигая тлен.

30

Взбесились кони и притихли,
Гордо стали. Год ли, миг ли
Прошёл, – вознице не понять.
Расцветен яркою зарницей,
Он так же правит колесницей,
Но глаз от мира не отнять:

31

Кругом светло, тепло, уютно!
Он весь живёт сиюминутно,
Усладу всюду находя.
Он, наконец, не должен биться
С похожим на него возницей,
Всю жизнь к борению сводя.

32

Возница правит, помня свято:
За ним – Седок! Давно когда-то
Его он молча презирал,
Но ныне говорит прозренью:
Возница только приложенье
К Нему... Вот трудный перевал

33

Взят постепенно. Дальше, строго
К востоку, – ровная дорога.
Ущелье сузилось, и вот,
Предстало тесным невозможно.
Встал экипаж. Глядит тревожно
Возница, есть ли поворот

34

Куда-нибудь. Ведь остановка
Столь непривычна! Он неловко
На Седока глядит в упор.
Седок, снимая покрывало,
Встаёт: – Ты мучился немало!
Идём! И кончен разговор.

35

Он колесницу покидает,
Через коней переступает,
Упавших только что, идёт.
А вслед за ним, дышать не смея,
Спешит возница наш. Светлея,
Пред ними Узкий Путь встаёт.

36

По каменистой тесной щели
Они шагают еле-еле.
Устал возница, нету сил!
– Пусть даже ты – Посланец Бога,
Передохнём хотя б немного!..–
Он, задыхаясь, попросил.

37

Без отдыха, без поворота
Бредут и Белые Ворота,
Из коих льётся чистый Свет,
Встают пред ними... Умирая,
Возница видит двери Рая
И смутно слышит: – Смерти нет!

38

Труп волны Света поглотили.
Седок вступил в ворота. Плыли
Аккорды Музыки Небес.
– Всевышний! – простирая руки,
Пропел Он. – Все я вынес муки,
Но из Иллюзии воскрес!

39

Прими! Твой Сын вернулся в славе;
Он шёл века, и ныне вправе
В Тебе Единство обрести!..
...Оборван сон на полуслове.
Что должен на его основе
Я о своём узнать Пути?

40

И вот, в экстазе просветленья,
Постиг я тайные знаменья:
Повозка – тело, пять коней –
Пять чувств, наш интеллект – возница,
А тот, кто сзади в колеснице, –
Монада Бога, но о ней

41

Пока не знаем, ведь умы
У нас незрелы, бьёмся мы
Друг с другом в схватке быстротечной...
Желанья...Нация...Семья...–
А наше *Истинное Я*
К себе *домой* стремится вечно.

42

Меня сотни колесниц,
Незрелых мучая возниц,
Дух из Иллюзии позорной,
Всё время помня о родном
Отце Божественном одном,
Возвратный Путь вершит упорно.

43

И здесь – ответ.

Ноябрь, 1995

Свет и боль тёмного века

Девике Рани, страннице в сансаре

*Когда брожу по улице, по маю и взглядываюсь в собственную душу,
я задаю себе вопрос извечный: а знаю ли я, для чего живу? Да, знаю ли?..*

П. Корюгин

*По вашему собственному выбору сейчас проживаете вы
в мире, вами же созданном. Что держите в сердце своём, исполнится;
чему поклоняетесь, тем вы и станете. Не бойтесь, не приходите в смятение,
увидев призраков тьмы, личину зла и пустые покровы смерти.
Они – камни, на которых оттачиваете вы остроту вашего духа.*

Р. Бах. Единственная

1

Декабрь метал на город тонны снега,
И высились дома среди сугробов
Руинами чужих цивилизаций.
Ни фонарей, ни звёзд, – в такую пору
Отрадно у родного очага
Сидеть и перелистывать неспешно
Былого пожелтевшие страницы.

...Ведь был же май! Я был влюблён! Казалось,
Весь мир обязан мне теплом и светом!
...Теперь – декабрь, всё минуло, и память
Ненужные хранит воспоминанья.
В душе – покой. За окнами – безумье.
Декабрь. Зима быстротекущей жизни.

2

Подумал я: «А было бы неплохо,
Когда б сюда из глубины ненастья
Явился гость с каким-нибудь вопросом
Иль без вопроса, просто помолчать...»
И стало так!
Сквозь снежную завесу –
Я внутренним своим увидел взором –

Плыла, земли почти что не касаясь,
Неясно различимая фигурка.

...Звонок затрелил. Тут же распахнул
Я настежь дверь.
И гостя чуть смущённо
Промолвила:
– Я к вам пришла с вопросом.
Вы знаете, уверена, ответ!
Сняла пальто и шапку, и в прихожей
Разлился свет её очарованья.
Улыбка на устах, в глазах – тревога...
Что эту юность так могло встревожить?..
Провёл её в гостиную и, молча
Рассказу торопливому внимая,
Воспринял накопившуюся боль.

3

– Я к вам пришла...Я долго собиралась...
Мне было трудно!.. Всё-таки решилась...
Как люди ходят в церковь в дни лишений,
Я к вам пришла на исповедь.
Я знаю,
Лишь вы поймёте все мои печали!

...С чего ж начать мне?.. Может быть, с того,
Что, распрощавшись с детством безмятежным,
Я оказалась в непривычном мире,
В жестоком мире мной любимых взрослых,
Которых я богами почитала...
Как странен оказался этот мир!
Я в детстве знала: доброта присуща
Всем взрослым людям; каждый мне прощал,
Когда я, неразумная, шалила,
Заботился, любил меня.

А ныне –
Что думать мне?
Упала пелена
С очей моих: увидела я правду.
Все люди лгут! И даже мама, мама!

Как мама от меня глаза отводит,
Когда, волнуясь, задаю вопросы
О людях и о помыслах людских!..
Она твердит: «Добро непобедимо!»—
Сама же плачет по ночам в подушку;
И не всегда бывает справедливой...

А рядом – люди в бедности великой
Страдают. Им с протянутой рукой
На улицу идти за подаяньем
Мешает гордость...

...Знаю человека,
Который предавал друзей, и ныне
Купается в комфорте беззаботно,
Богат и счастлив, весел и румян.
...Как убедить: «Добро непобедимо!»
Оборванного жалкого мальчишку,
Что вечерами роется в помойках
И ест украдкой грязные отбросы?
Кем станет он?..

Учителя твердили:
«Во всём необходима справедливость!
Будь честным – и тебя полюбят люди,
Всего чрез труд достигнешь непременно».
Но в жизни всё не так!
Я ежечасно
На опыте готова убедиться
В их правоте, но нету подтвержденья...
Достаточно, чтоб я упала духом:
Тысячекратно, миллионнократно
Познала я несовершенство мира...

...Вы знаете, я с очень ранних лет
Во снах своих летаю: отделяюсь
От спящего, беспомощного тела;
Над городом торжественно взмываю
И, обретённой радуясь свободе,
Лечу, куда ведут меня желанья. –
Везде беда, бездумье и печаль:
Одни жестоки, а другие молча,

Привычно терпят муки униженья;
И все твердят, по-своему, о чести,
А чести нет, царит повсюду ложь!..

«Весь мир – театр, а люди в нём – актёры,
И каждый в нём одну играет роль» –
Не помню я, который из поэтов
Сказал такое. Он в простых словах
Всю правду рассказал о человеке!
Права ли я?
– Правы. Весь мир – театр.
Шекспир был прав, мы все живём в театре.

– Вот видите!
Но как жить можно там,
Где честь с любовью царствуют на сцене,
А мерзостью несёт из-за кулис?
Не надо мне театра! Не желаю
Тем пустякам бездарно поклоняться,
Что люди поклоняются от века:
Богатству грязному и славе мимолётной,
Живя, как звери!..

...Я на днях ходила
С своим вопросом в храм, и там священник
Беседовал со мною. Он ответил,
Что в людях грех заложен от Адама,
Что лишь молитвой искренней даётся
От злого Искусителя защита.
– Молись и будь смиренна! Бог услышит
Горячий голос девичьего сердца;
А всё твоё недоуменье – просто
Непониманье совершенства мира.
Смирись же! Человека портит Дьявол,
Подводит к искушениям, к разврату.
А человек без Бога – как ребёнок,
Бездумно к ярким тянется игрушкам.
Твой ропот глуп! Без ведома Господня
Не упадёт и волос с человека,
Не говоря уж, что твоя гордыня
Такое ныне терпит испытанье

Опять же волей Бога всеблагого.
Смирись! – сказал он.
Как бы я хотела
Смириться с ложью, стать как все, и даже
Любить людей неправедных! Да только
Смириться не могу... Коль Бог на свете
И есть, то почему Он позволяет
Прекрасное уродовать Творенье
Нечистыми делами человеку?

...Жить – для чего? Для глупых наслаждений,
Для пустяков, которым поклоняться
Привыкли люди?.. Не хочу! Не надо
И юности самой, коль не на пользу,
Её должна растратить я. Не надо!
Жизнь не мила! Но и к самоубийству
Я не хочу в отчаяньи стремиться:
Что лгать, что убивать себя – равно...
Не думайте... Я не за утешеньем
Пришла сюда, – меня нельзя утешить.

Во снах своих я видела: вам ведом
Тот Узкий Путь, каким уходят люди
Туда, где прекратятся воплощенья,
Где навсегда кончается сансара.
О том Пути учил ещё Христос,
Но мне Его Ученье недоступно:
По-разному его толкуют люди.
Вы ж – знаете! Поможете ли мне?
Или уйти мне, мучиться и дальше?..

4

Исполнена отчаяньем и болью,
Звучала речь, в глазах жила надежда:
Вдруг за руку возьму её, и тут же
Пред нею Путь откроется желанный!
...На девушку смотрел я, и увидел
Что будет с нею. Три виденья чётких,
Друг с другом несогласные.

...И в первом –

Передо мною женщина сидела,
Известная писательница или,
Быть может, композитор; бремя славы
Её уже порядком утомило.
Познавшая вселенские законы,
Услышавшая шорох Сфер Небесных,
Она глазами излучала мудрость,
Спокойствие – лицом невозмутимым.
Долг на Земле до мелочей исполнив,
Теперь она без тени сожаленья
Готовилась к уходу из сансары,
Великого кольца реинкарнаций.
Она была лишь гостьей, и прощалась
Со всем, к чему привыкла за полвека
Своих скитаний. Вспомнила Россию,
Приехала из Индии далёкой,
Ей ставшей родиной: там радость Посвященья
Она тому лет тридцать испытала.
Жила одна. Никто не будет плакать
О ней, ушедшей из земного мира;
А множество её учеников,
Живущие на разных континентах,
Её делами славными помянут.
Итак, она прощалась с этим миром,
Готовая отправиться немедля
Вкушать блаженство сладостной Нирваны,
Чтоб там придти к Единому навечно
Уже освобождённой от пороков,
Обычному присущих человеку.

...Виденье утончилось, и сквозь контур
Увидел я *второе*. Предо мною
Сидела мать семейства. Даже годы
Её чела не тронули. Царицей
Среди детей и внуков восседала,
Богатая воспитанным потомством,
Счастливая от этого богатства.
Она и знать не знала о Нирване, –
Замужеством была её Нирвана!

Виденье *третье* первых два затмило,
Тревогою мою обжѣгши душу.
Передо мною замер неподвижно
Холодный труп: измученная Юность
Саму себя убила неразумно.
И рядом – мать, что за ночь поседела,
Вокруг – друзья с потухшими очами.
И даже солнце, заглянув в окно,
Казалось чѣрным...Всѣ затмило горе!..

...Я девушку разглядывал и видел,
Что будет с нею. Этот дар печальный,
Полученный в одном из откровений,
Был, к счастью моему, непостоянен
И проявлялся редко. Тот-Кто-Знает
Все помыслы людские, Кто с Любовью
Показывает ищущим дорогу
К освобожденью, – дал мне дар тяжѣлый,
Который самого меня пугает, –
На пользу людям, мне же в испытанье.

5

Она молчала. Боль переливалась
В моѣ распахнутое настѣжь сердце.
А я был весь – немое состраданье,
Не зная слов, какими начинать
Мне следует ответ.
Она поднялась:
– Простите, я расстроила вас...Просто
Никто, к кому бы я ни обращалась,
Не смог ответить на мои вопросы.
Никто – никто! Простите... Я напрасно
Пришла сюда...У вас свои заботы...
Я удержал:
– Пойдите! Я отвечу.
Присядьте!
Села.
– А теперь молчите,
Прислушайтесь к самой себе, услышьте
Саму себя, упрятанную в тесной,

Страдающей телесной оболочке.
Вы знаете желаемый ответ,
Слова ж мешают слушать...

Мы молчали.
Я отошёл к окну и думал, глядя
На погружённый в ярость вьюги город.
С чего начать? Как передать словами,
Что выстрадано сердцем?
Ведь она
Саму себя не слышит; ей опора –
В моих словах...
Гоня пустые мысли,
К Атману обратился я смиренно,
К всеведущей Божественной Монаде. –
Откликнулся Вневременный; и знал я,
Что говорить, а что пока не надо;
Мне Бог уста немые отворил.

6

Я говорил:
– Да, мир – театр; актёры
Плохие в нём, но есть очарованье
И в их игре. Ведь даже сами Боги
Создали этот мир земной, играя
Подобно детям; так что не напрасно
Иллюзией зовётся он у них.
...Да, мир – театр. И пусть не огорчают
Вас тусклый свет и лживость декораций.
Весь мир – игра, всё потому, что люди
Давно своё забыли назначенье
И о корнях своих происхожденья.
Утраченное Знание порой
Тревожит их, но люди суетливо
Воспоминанья прогоняют прочь
И вновь в игру бросаются бездумно.
...Виновны ли актёры, если пьеса
Им непонятна, если позабыты
Уже слова, и даже мудрый Автор
Им непонятен?..

– В чём же здесь причина?
Коль Знание есть, так почему сегодня
Не в нас оно, а где-то обитает?
Коль Автор есть и пьеса не безумна, –
К чему людей в актёров превращать,
Не могущих ценить своей природы?

7

– Когда-то, покидая мир Астрала,
В земного превращаясь человека,
Свободный Дух, в Материю упавший,
Избрал себе своё предназначенье:
Всё разделяя логикой холодной,
Мир познавать посредством ощущений,
Ум развивая, обеспечить плоть
Защитой и благами земными.
За восемнадцать миллионов лет
Был развит Ум, но был утрачен Разум,
Который отделял бы Человека
От прочих тварей.
...С очень давних пор
Жизнь человека делится на Циклы,
Которые Веками называют.
Четыре Века, слитых воедино,
Есть Маха-Юга, круг преображений,
В котором человечество проходит
Движение по медленной спирали
От святости до полного паденья
В желанья плоти.
Ныне Век – четвёртый,
Железный Век с названьем Кали-Юга:
В нём человек падёт до одичанья...

Четыре сотни тысяч лет продлится
Век Кали; беспристрастная Богиня
Нас подвергает злему испытанью,
Чтоб на огне сгорающих желаний
Очистились от скверны накопленной,
Поднялись ближе к Истинному Богу.
Тьма кончится, и Век очередной.

Век Золотой, придёт неторопливо:
В нём Систота и Мудрость будут выше
Людских страстей, и даже будут Боги
ходить средь человекoв по земле.
...Так пусть же люди строят на песке
Своё благополучие, пусть рушат
Потом его, захлёбываясь кровью, –
Таков их Путь сегодня. Пусть они,
Себя не зная, думают, что тело –
И есть они; в неведеньи играют
Не ими разработанные роли
Великой Драмы Духа.
Вы же знайте,
Что именно подобная среда
Для вашего духовного взросления
Благоприятна. Все мы здесь – актёры,
Но пьеса нам дана для возмужанья.
Об этом помня, будьте наготове
Помочь тому актёру, кто ослаб
И Тьме готов предаться безрассудно.
Ищите Свет, потом несите Свет
Отогревайте зябнущие души, –
Вот вам на все сомнения ответ.

8

Я говорил:
– Претит людская грязь
Всей вашей чистоте душевной, ибо,
Во взрослый мир людской едва ступивши,
Не ведаете всех его сторон.
Вполне возможно, первая любовь,
Которая всегда неразделённа,
Толкает вас к желанию ухода,
Разрыва с человечеством...
Когда бы
Мы все свои мирские неудачи
Как гибель мира мыслили, давно бы
Погибли все, мир пуст бы был без нас!..
Всё чёрным видится? Всё кажется пустячным? –
Лишь потому, что чистая душа

Болит у вас от первых впечатлений,
Которые верны бывают редко.
...Вы говорите, ваша мама плачет
Порой ночами, тщательно скрывая
От вас, от юной, веские причины
Её страданий тяжких, многолетних?
Пусть так. Она, быть может, одинока
И не с кем ей порою поделиться
Сомненьями, тревогами своими.
А вы ещё юны. Максимальны
И не поймёте...
Лучше посмотрите,
Как любит вас, как светится она,
Когда целует утром вас, как пылко
За вас, за дочь, она переживает!
Её любовь увидеть вы должны—
Не скрытность, не утаиванье горя.
Играя роль, мы – Ангелы и бесы.
Мы двойственны. И ложь, и доброта
Страдают в нас, две равных половины,
Не могущих друг друга одолеть.

9

– Я понимаю... Только не хочу
Играть в такие игры, столь бездарно
Растрачивать себя в переживаньях.
Что будут думать обо мне соседи,
Прохожие на улицах, что будет,
Когда скажу открыто дураку,
Что он – дурак, а подлецу – подлец?..
Промучиться десятков восемь лет,
Уйти, когда уйти уже не в силах –
Настолько свыкнушь с выдавшейся ролью;
Страдать от боли, жалобно прощаться
С живыми, дряхлой старческой рукой
Благословить их к жизни, и опять
Родиться где-то к боли и страданьям, –
Благодарю покорно! Не желаю!
Что мне до человечества, когда
Все люди лгут?..

– Не так! Они – живут!
И вы сегодня судите их строго
Лишь потому, что видите их всех
Односторонне, как бы надзирая
За ними сверху, зная не зная вовсе
О том, что происходит в глубине
Их страстных душ...
А ведомо ли вам,
Что если люди вдруг себя увидят
Без искажения, без ложных утверждений, –
Они умрут! Хоть ложь невыносима,
Но истина скорее убивает.
Пусть истина неведома и вам, –
Вы судите, и в том вина большая,
Которая прощается пока:
Коль осознание в вас не пробудилось, –
И спросу нет.

10

...Вы требуете Путь
Вам показать, которым вы ушли бы
Прочь от цепи земных перерождений
В Нирвану вечную, в духовную обитель,
Куда не приходил почти никто
Из жаждущих, настолько Путь опасен,
Узки туда ведущие врата...

...Мне ведом Путь. Возле него стою,
Преодолев лишь несколько ступеней
И здесь остановившись, ибо Боги,
Которые судьбою смертных правят,
Определили так мою судьбу,
Что я, идя по берегу крутому,
По самой кромке Океана Знаний,
Не заплываю вглубь и не ныряю
За сокровенным. Я беру руками
Цветные камни, что волна времён
На берега Физического Мира
Порой выносит, складываю их,
Неспешно сортирую, постепенно

Пытаюсь рассказать об их природе
Спешащим людям, гибнущим в грехе.
И даже б этих камешков хватило,
Чтоб всех землян избавить от несчастий,
Дать Разум им, вдохнуть в сердца любовь!
Они же, суетой увлечены,
Меня не слышат...
Стоя здесь, я видел
Не раз, как кто-то юный устремлялся
В глубь неизвестного, к высотам сокровенным,
Спешил, пылал – и падал, обессилив:
Пути профанам нет!..
И нету бога
Вовне, коль не нашёл его внутри
Сознания твоего.
Путь не закрыт, –
Он недоступен тем, кто хочет взять
Великую божественную силу,
Ничем не заплатив, живя в гордыне,
Служа гордыне неразумной плоти,
В которую на время заключён.

11

Чтоб в Путь отправиться, вам следует немедля
Принять санньясу: телом пренебречь,
Оставить страсти, даже мыслям воли
Уже не дать, – всё для того, чтоб смело
Идти вперёд по лезвию ножа,
Где справа – жизнь, а слева – смерть не дремлет.
Сумеете ли вы?
Ведь если где-то
На полпути вас страсти одолеют, –
Погибнете! С Пути возврата нет.
Вы молоды, к вам плотская любовь
Придёт не раз и весь ваш труд разрушит, –
Сансары не покинете, а только
Усугубите жизнь, что предстоит
Вам в новом человечьем воплощении:
Десятки лет придётся искупать,
Живя в грязи, под гнётом, ту ошибку,

Которую готовы совершить...
Уж лучше претерпеть сегодня ложь
Чужую и свою, что излучаем
Мы, пленники земные, на планете,
Живущие без истины, в потёмках,
Чем завтра годы тратить на расплату
За глупую горячность.
Даже я,
Лишь прикоснувшись к Знанию, заплатил
Безмерным одиночеством...

12

... Быть может,
Вам суждено почувствовать в себе
Звучанье приходящей свыше ноты,
Которая позволит вам однажды
Сердца людские Светом исходящим
Чуть отогреть и тем помочь раскрыться
Пред красотой открывшегося мира.
И через несколько десятков лет
По этой полной терниев дороге
Придёте вы к моменту Просветленья.

А если нота в вас не зазвучит, –
Смиритесь, ибо, сколь я знаю, карма
Для вас предусмотрела неплохую
Судьбу прекрасной матери семейства:
В потомках вы достигнете блаженства
Через пониманье совершенства жизни.

...Но если через Узкие Врата
Теперь пойдёте, всем предупрежденьям
Не вняв нимало, – знайте, этот Путь
Пока для вас смертелен!

Вот ответ
На ваши потаённые вопросы.
Идите в мир!
Несите людям Свет
Своей души, пока что непорочной.

Им так темно! – светите терпеливо.
Им трудно – так сумейте им помочь.
Вот путь для вас теперь,
Другого нет.

13

– Мечтала я: покажете мне Путь –
И обрету я цель... Что жизнь без цели?
– Цель жизни – Жизнь! Достоинно проживите
Отпущенные вам десятилетия, –
И вы поймёте, что такое Цель.
А Жизнь – прекрасна!
В людях красота
Заложена от самого начала;
В любом – в святом, в греховном – человеке
Страдает Бог под гнётом вождельня,
Под ржавчиной и накипью греха.

Идите же! Мечтайте и любите
Божественную сущность в человеке.
А то, что человек несовершенен,
То в этом он не сильно виноват...
Взрослейте, пусть тот огонёк священный,
Что тлеет в сердце, ярко вспыхнет
И обогреет мир противоречий,
И Истиною озарит театр,
В котором мы – невольные актёры.
Ко мне придёте через двадцать лет.
Коль буду на Земле, вам Путь открою.
А коль уйду, тогда уже другой
На берегу Святого Океана
Откроет Путь в глубины вам.
Идите!

14

Она ушла, и в снежной круговерти
Пропадала разом – жить, любить, страдать.

Декабрь 1996 г.

Сфинкс

*Храмы могут быть разрушены, книги могут исчезнуть,
но высокие познания, приобретённые древними, не могут быть забыты.*

Сфинкс остаётся, и его достаточно.

Папюс

Он стоял, на лоб надвинув шляпу,

И смотрел с усмешкою холодной

На обветренную глыбу камня,

На лицо чудовища немого.

– Кто ты есть? Какой из сумасшедших

Высек из скалы твою фигуру?

Кто из дикарей во время оно

Здесь тебе пугливо поклонялся?

Чучело пустынное!

...По небу

Плыли облака, а под над ними,

Весь Небесный Нил преображая,

Плыла барка Бога Ра благого –

Солнце Наблюдающего Ока.

Барка над пустынею скользила.

Отражалась в мутных водах Нила,

Грешного земного многоводья, –

И достигла Сфинкса с человеком.

– Хоремку! – приветствовал Владыка,

Барку останавливая в небе

И лучами Сфинкса озаряя. –

Как прошла в пустыне ночь глухая?

Помнишь ли своё предназначенье?

Истину хранишь ли нерушимо?

– Славен будь, о Хепри Ра могучий!

Ночь прошла, как прежде проходила,

Всё спокойно на земле Иллюзий,

Всё идёт порядком заведённым.

Свет и Тьма, которые Ты, Око,

К нам сюда струишь попеременно,

Управляют жизнями исправно,

Им даря спасительные ритмы:

Сверху вниз, от Света к Тьме, чтоб после

Снизу вверх, ко Свету устремляться.
Мне отсюда видно: на планете
Человек по-прежнему безумен,
Всё ещё ребёнок несмышлёный.
Вот, сейчас стоит передо мною
Европеец, признанный учёный;
Окунувшись в древние преданья,
Ничего не вынеся оттуда,
Надо Мной смеётся ядовито,
Чучелом пустынным называет.
Будь спокоен, Царственное Око,
Мир внизу живёт без изменений.
Помигав лучами на прощанье,
Дальше барка светлая поплыла,
И за нею следом устремлялся
Новый день, привычный жизнедатель.
Сфинкс запел. А человек услышал:
Ветер бьётся в каменные складки
И гудит протяжно над песками.
– Человек! Уж коли на рассвете
Ты передо Мною очутился, –
Слушай Слово каменного Бога,
Древнее, как время, Откровенье.
Может быть, услышишь... Так когда-то
Слушали меня жрецы из храмов,
К Истине стремящиеся сердцем, –
Поборов постами искушенья,
Предо Мною стоя на коленях.
Тот, который мог меня услышать,
Получал дорогу к Просветленью,
Истине служил потом во славе.

В мире всё меняется... И люди
С каждым днём утрачивают Знанье,
Данное от древности Богами,
Взгляды на безвзглядие меняют.
Знание когда-то процветало
На Земле. И где оно сегодня?
Всюду лишь отдельные страницы.
А жрецы сегодняшних религий
Уж не Богу служат – человеку...

Что Я есмь? – я спрашиваю многих.
Могущим услышать – отвечаю.
Посмотри на каменное тело,
Посмотри внимательно – увидишь
Истину начальную, сокрытую
От вниманья праздного профанов.
Подойди, вскарабкайся по лапе,
На которой выбиты ступени
Для таких, как ты. Иди смелее,
Голову потрогай человечесью
В головном уборе фараонов.
По спине пройди туда, где крылья
Сложены орлиные до срока.
Вниз спустись, бока потрогай бычьи,
Крепкие под каменной бронёю.
Лапы льва, четыре исполина,
На песке раскинуты свободно.
Вот он – Я!
Так что же Я такое?
На вопрос ответ найти не в силах
Пошлые, пустые человеки.
Посмотри. Подумай.

Европеец
Каменную песнь не слышал вовсе.
Ветер надоел ему.
– Ну, ладно. –
Он промолвил. – Ждёт меня сегодня
Весь учёный мир на совещанье,
На котором выступлю с обзором
Дикости былых Цивилизаций.
Будь здоров, не рухни!
И уехал.

Сфинкс ухода словно не заметил.
Песнь Его, не слышимая уху,
В гулкое пространство возносилась,
Над песками древними звучала
Первозданной музыкою Слова:
Человек, живущий на планете,
Слушай Слово Каменного Бога,
Извлекай посильные уроки –

И постигнешь место во Вселенной.
Что Я есмь? Главою человеческой
Я вмещаю *Истинное Знание*
Божества, Вселенной, Человека.
Только Знание – слабая поддержка
В бурях жизни, потому на лапах
Когти льва, для действий и защиты:
Я иду направо и налево,
И ничто препятствовать не может
Смелости, помноженной на Знание!
Отчего мои могучи лапы?
Оттого, что прикрепил Создатель
Их к бокам быка. Берясь за дело,
Я тружусь выносливо, усердно,
Словно бык на пахоте тяжёлой;
Труд даёт упорство в достиженьи
Цели, через Труд умею волить.
Знание, Смелость, Труд, – вот три основы,
На которых стоит добиваться
В жизни несомненного успеха.
Счастлив Я! И всё-таки порою
Подступают трудные минуты:
На Пути Мой дух ослабевает,
И тогда Моей уставшей мысли
Не по силам будет управляться
С существом Моим. Взмахну крылами –
И вздымаюсь в область *Созерцанья*,
Где опять читаю в Сердце Мира
Тайну Жизни. Получив поддержку
Разума Единого, охотно
К прежнему занятию возвращаюсь
И тружусь в незыблемом *Молчании*,
Ибо труд во благо – бескорыстен
И совсем не терпит суесловья.
Знать и Сметь, трудиться Молчаливо –
Только так и стоит жить, чтоб ясно
Ощутить, что жизнь бывает в радость,
Если нет в ней суеты и злобы
(Злоба от невежества исходит,
Суета невежды – от бессилья).
Женские мои увидя груди,

Знак *Любви*, всегда животворящей, –
Понимай: Я только создаю,
Ничего не рушу без причины,
Берегу Творение от тлена;
Без *Любви* труды мои бесплодны.
Если нет *Любви* в тебе, – бессилён
Будешь в созидании, и только
Жизни драгоценные загубишь,
Будут Злом без Пятого Четыре.

...Я сюда явился добровольно,
Из скалы своё оформил тело,
Чтобы через зрение учились
Жажущие Знания человеки.
Сотни тысяч лет стою, и мимо
Люди с безразличием проходят,
Некогда им слушать истукана,
Их гнетут насущные заботы.
Редкий из людей, Меня увидев,
Предо мной замрёт и песнь услышит;
Редкие из редких претворяют
В жизнь Мои священные заветы.
Всё же они есть, – и мне отрада!
Терпелив Я: сказанное Слово
Требует работы поколений.
Рано или поздно на планете
Все Меня услышат и обрящут
Истину, сокрытую во мраке
Ложных человеческих представлений.
Не спешу Я. Поспешите, люди!
Вам уже нельзя с познанием медлить.
Час пробил. Внемлите и учитесь!

...Из песков несла безумство буря,
И в её нечистых завываньях
Голос еле слышался.
От века
Сфинкс зовёт к высотам Просветленья,
Только мы в суетности не слышим.

Джон Кили

*Лишь после многих лет неустанного труда и почти бесчисленных
опытов... смог я обойтись без сложного механизма и достичь,
как я утверждаю, овладения тончайшей и
страшной Силой, с которой я оперирую.
Джон Уорел Кили⁹*

*То, что он бессознательно открыл, есть страшная пространственная Сила,
известная ещё Атлантам и названная ими Маши-Мак. ...Неужели
эта сатанинская Сила может быть разрешена нашему поколению?
Е. Блаватская. Тайная Доктрина*

1

Никак не могу поверить,
Что в этом ночном краю,
Где ни друзей, ни мучителей,
Только кружится снег, –
Могу позабыть на время
Сложную жизнь мою
И уйти во Вселенную
Вдоль неприметных вех.
Здесь до меня «ходили».
Тропа почти не видна, –
Там же, где вверх карабкается,
Нет на ней ни следа.
В бездны с неё заглядываю,
В которых не видно дна,
И Боги ко мне нисходят,
И будут со мной всегда.
Откуда такая уверенность? –
Знаю, и весь секрет.
Сознание моё охватывает
Невиданные Миры.
Забыты земные сумерки.
Чистый астральный Свет
Делает меня *видящим*
С этой самой поры.

⁹ Американский инженер (1837–1898), утверждавший, что им открыт новый источник энергии. Демонстрировал свою установку на Всемирной выставке в г. Филадельфии (США) в 1870-х годах. Расследование после его смерти показало, что его опыты были мошенничеством.

2

Лечу со скоростью мысли,
Пронзаю за Миром Мир:
Я ищу человека,
Носившего имя Джон;
Он не герой преданий,
Он ничей не кумир,
Сладкой славой земною
Не был он окружён.

Родился...Работал...Умер...
А между этих слов
Было вторжение в область
Непостижимых Сил.
Людам своё открытье
Хотел отдать и не смог,
Ибо в себе, не зная,
Главный секрет носил.

3

...Вижу тебя, тогдашнего,
Больше века назад,
Как ты стоишь перед публикой,
Смычок скрипичный держа,
Водишь по камертону им, –
И в пространстве скользят
Токи твоей Энергии,
Режущие без ножа.
Корпус твоей Машины
Мал и от взоров скрыт
Чёрной какой-то тряпкой,
Лишь проводки в боках.
Раз! – и распался камень,
Из прочных кристаллов слит.
Два! – и исчезла туша
Откормленного быка.
Всё непонятно людям!..
– Хватит!.. Мошенник!.. Нет!..–
Кричат очевидцы опыта,
Публика рвётся прочь.

Ты проводочки складываешь,
И ясный надземный Свет
В глазах твоих затопляет
Невежества злого ночь.

Ты говоришь им: – Что же вы!
Я объясню подробности,
Построю машину новую,
Понятную для детей.
Я ж вам дарю Энергию!..
Но, убегая сложности,
Люди уже испуганы
(Не стоит будить людей!).
Строил машины новые.
Годы ушли на опыты.
Кричали тебе учёные:
«Безграмотный шарлатан!»:
Никто управлять не может
Твоим изделием, только ты;
А стоит уйти тебе в сторону –
У помощников суета:
Ходит смычок по плоскости,
Привычно звучит камертон,
И в положения нужные
Поставлены рычаги,
Но *Keelis Motor* бездействует,
Его не включит никто. –
И не смолкают в публике
Скептические смешки.
Учёных, зевак–профанов
Работа твоя бесила,
Сама твоя жизнь казалась
Вызовом Небесам.
Уничтожала материю
«Интер – Эфирная Сила», –
Живое и неживое,
Всё, что хотел ты сам!
Счастлив ты был? Наверное...
Несчастлив? В великой мере!
Бился ты над задачей,
Пока хватало огня.

Но вот – устал. И уходишь,
И близок последний берег.
Ушёл. И забылся всеми.
И ныне позвал меня.

4

– ...Зачем я тебе, Джон Кили? –
Вокруг озираюсь пристально. –
Где ты, Джон Кили? Где ты? –
Зову, тревогой, искрясь.
И ты предо мной являешься
Давно ожидаемой пристанью,
И мы, не теряя времени,
Ментальную ладим связь.

– Ты звал меня?
– Звал, конечно!
Ведь ты обо мне читал,
Помнил меня, забытого,
Один изо всех людей!
– Ради тебя сегодня я
Избороздил астрал.
В какой ты сегодня радости?
Или в какой беде?
– Здесь ни горя, ни радости,
Кармы закон суров.
Было мне здесь дозволено
Осмыслить заново путь.
Вспомнил своё открытье
В любимейшем из Миров,
И неудачу, бывшую,
Когда я не ведал суть.
Ты вот интересуешься,
Книги читаешь важные,
Думаешь над вопросами,
Каких я сам не решал...
Это теперь я знаю:
Вселенная так отлажена,
Что не должна нарушить
Закон ни одна душа.

А я преступил запреты!..
Считая себя свободным,
Думал, что наконец-то,
Над нами забрезжит Свет:
Не будет под солнцем бедных,
Униженных и голодных,
Коли я дам Энергию, –
В Мире проблемы нет!
А люди – они поверят,
Стоит поставить опыт:
Подвергну при них распаду
Хотя бы тушу быка,
Потом Генератор сделаю,
Для всей Америки чтобы
Давал моря электричества
Бесчисленные века.
Не вышло!..
– Я знаю, Кили...
Существовало мнение,
Что Силу ещё Атланты
Использовали в войне...
– Я был учёным – Атлантом,
И разработка Силы
Принадлежала мне.
– Тебе?
– Да. В столичном Храме
Работали мы с друзьями:
Нужно было оружие,
Чтоб контролировать мир.
И мы его получили!
Атланты гордились нами,
И наша жизнь превратилась
В чудесный, волшебный апир.
На языке Сензаре
Писал я свои трактаты, –
Часть из них уцелела
И ныне в руках людей.
Я стал Хранителем Силы,
Всех более виноватым
В том, что моя Атлантида
Вскоре была в беде.

Имея мою Машину,
Правители в тот же год
Объединить сумели
Волшебников Древней Тьмы;
Себя объявив Богами,
Затронули Небосвод, –
И взгляд отвратили Боги
От нас, и погибли мы:
Расплавилась от пожаров
Великие города,
Опущен в пучину моря
Расколотый материк.
И мы из родного мира
Отправлены навсегда
Сюда, где быть одиноким
Каждый потом привык.

6

...Сотни тысячелетий,
Длинная цепь эпох
Минули на планете,
Их не веротишь вспять.
Я о свершённом думал,
И снизошедший Бог,
Простив меня, дал возможность
Вновь человеком стать.
Память о прошлых жизнях
Он у меня отнял,
Но наделил способностью
Тонко чувствовать Свет,
Чтоб я сумел заполнить
Тот временной провал. –
Так появился Кили,
В этом секрета нет.
Дальше ты знаешь...
– Знаю.
Верю тебе вполне.
Скажи мне, а как ты вспомнил
Дело былых времён?

– Книга моя на Сензаре
Стала доступна мне,
И я разгадал значенье
Станных её письмён...
Дважды открывший Силу –
В руках неразумных – смерть! –
Вновь я здесь, одинокий,
Пытаюсь грех развязать:
Вызвал тебя сюда я,
Чтобы ты мог успеть
О новой большой опасности
Людям Земли сказать!

Я приходил к учёным –
Они ничего не слышат,
Крохотными догадками
Вечно упоены.
Через тебя даю им
Предупрежденье свыше,
Чтобы они избегли
Великой моей вины.
– Разве меня услышат,
Коли отвергнут ты?
– Есть пока ещё время...
Ты говори, кричи:
Люди! Не приближайте
Сами своей беды!
К Силе почти подобраны
Физиками ключи!
Построят мою Машину –
Подыщут ей примененье:
Сделают Сверхоружие,
Доступное дуракам,
Применят его однажды –
И снова замрёт Творенье,
И будет вставать из пепла
Бесчисленные века...

Я ведь, нашедши Книгу,
Понял не до конца,
Только теперь понятна

Её основная мысль:
Люди, пренебрегая
Благим запретом Творца,
В хаос впадут и вовсе
Путь потеряют в высь.
Созданная Машина –
Гибель для дураков.
Сила в сознании скрыта,
Я же понять не смог!..
Книги мои доходят
Из глубины веков, –
То современным людям
Шлёт испытанье Бог.

7

...Мне разрешили ныне
Ясно сказать тебе,
Чтоб по пути к *познанию*
Шёл ты тропой *мирской*
И твердил неразумным,
Что для земных людей
Нету врага страшнее,
Чем эгоизм людской.
Истина – в альтруизме!..
...Свет предо мной померк,
Я потерял сознание,
Долго лежал во мгле.
Очнулся в своей постели.
Осень. Двадцатый век
Новое зло готовит
Тяжко больной Земле.
...Страсти забыв и злобу,
Станем Богами или
Станем безмолвным прахом:
Кармы власть велика!..
Бьётся в горящем сердце
Послание Джона Кили!
Как передать его мне
Людам на все века?..

1992

Новое зрение

А. Вихореву, воину Света

*...но до сего дня не дал вам Господь сердца,
чтобы разуметь, очей, чтобы видеть, и ушей, чтобы слышать.
Второзаконие. 29, 4*

*У человека не вырастут крылья, пока он не дойдёт до края бездны...
Господь – это бездна, и лучше не подходить к её краю.
Н. Казандзакис «Последнее искушение Христа»*

Глава 1. Глас из бездны

1

Читаю Книгу книг и всё дивлюсь,
Как близко проходил от истин вечных,
Как жил нетерпеливо и беспечно.
И вот, теперь с отчаяньем борюсь.
Себя судить начал я очень строго
И понял: в том беда, что жил без Бога.

2

И вот, молился жарко ввечеру:
– О, коль Ты есть, сними моё смятенье!
Я чувствую, я знаю, воскресенье
Меня изменит в суетном миру.
Раскаявшись, пришёл к Тебе, гляди,
Не по грехам, по милости суди!

3

И был мне *Голос* посреди ночи.
Волнуясь, я вначале плохо слушал;
Беззвучный, он потряс немую душу.
Он говорил мне: «Слушай и молчи.
Раскаянье пред Богом ты принёс, –
Сколько сил твоих достанет? Вот вопрос!»

4

«Но кто Ты? – я испуганно спросил. –
Ты Бог?» ... Молчанье. Ветер за стеною.
Воображенье ль этому виною?
Отчаянье ль моё? Упадок сил?..
Но чувствовал я где-то в глубине:
Из Горних Сфер вопрос был задан мне.
Сколь сил достанет?.. Шли за днями дни,
Я Голос вспоминал и думал неустанно:
Где мой заветный берег, столь желанный?
Молился: «Бог мой! Разум мне верни, –
Тот, что имел в свой самый первый век
Тобою сотворённый человек!

6

Дай мне познать, что есмь Добро и Зло,
Что главное в основе Мироздания.
Мы, Духом обделённые создания, –
К чему мы? Чтобы Время нас несло
От пакости до пакости другой?
Как жить мне дальше, мой Господь благой?»

7

И состраданье чувствовал Его.
И дни опять текли, неторопливы.
И я себя почувствовал счастливым
В сознании призванья своего:
Коль я пойму – другие вслед поймут
Свет Истины и мой грядущий труд.

8

... Молитва. Вечер. Голос. Он звучал
В душе моей всё так же непривычно,
И я Его просил явиться лично,
Но он на просьбы только отвечал:
«Ты о Моей бесплотности забудь,
Не в этом дело, не в личине суть».

9

«Мой Друг небесный! Ты, узрев меня,
Дал отдохнуть глазам моим усталым, —
И всех моих невзгод почти не стало
Под действием духовного огня.
Отныне каждый шаг мой, каждый вздох
Направлены к тому, что хочет Бог.

10

Ты спас меня!». «Так прочим помоги! —
Не только тем, что здесь, в твоей квартире.
Столь много горя в человеческом мире:
Всё реже в нём друзья, всё чаще в нём враги.
Ты ж маешься, не спишь порою ночь,
Не в силах ни себе, ни им помочь».

11

«Я мало знаю...». Будешь больше знать,
С условием, которое поставлю:
Тебя на Путь Познания направлю,
А ты однажды должен написать
Такую Книгу, чтоб любой, прочтя,
Задумался о Боге, не шутя.»

12

«Смогу ли я?...». «Смоги! Таков наказ.
Готовься в путь. Ты многого коснёшься.
А сможешь ли, об этом не тревожься:
Коль Бог тебя от разложения спас,
Он охранит твоё воображенье
От ярости и ужасов Движенья».

13

«Что делать мне?». «Впадая как бы в сон,
Расслабься, отстрани и образы, и мысли,
Так, чтоб они вокруг тебя повисли,
А сам ты был в Пространство вознесён.
Готовься, не волнуясь, не спеша,
Чтоб видела саму себя душа.

14

Я помогу. Решайся, отпусти
Её из тела!» ...Словно из темницы
Душа выходит и всему дивится.
А перед нею узкий, тёмный путь,
Как бы труба из серого металла.
«Крепись, чтоб ничего тебя не испугало!

15

Смелее, не робей!». И вправду – я лечу!
Страшит и веселит желанная свобода.
«Запомни, – Он сказал, – во время *Перехода*
Мы движемся по Древнему Лучу,
Что связывает Дух с безвольным телом».
Прошли «Трубу» – и всё во мне запело!

Глава 2. Страж света

1

Передо мной Вселенная цвела,
А прямо впереди огнём пылала,
Слепила взгляд, хотя не ослепляла.
...И видел я Фигуру, что плыла
В Огне едва понятными чертами.
«Пред нами – Тот, кто изначально с нами!

2

Он разделяет Тьму и чистый Свет,
Он – мудрости порог для Посвящённых;
Он к Истине ведёт, а Истина бездонна,
Он на любой вопрос даёт ответ.
Ты ж, человек, пока не посвящён,
Чтоб лицезреть Хранителя Времени.

3

Он предваряет Огненный Туман,
Его Сыны несут на Землю Знание;
Он видит ваши нужды, упования,
Он знает вашу глупость и обман;
К нему идут Адепты, возродясь,
С Иллюзией утрачивая связь.

4

Страж Света Он. Ему замены нет.
Пожертвовав Собой, стоит бесценно
На полпути к Божественной Вселенной,
Не позволяя Злу пробиться в Свет.
Он из Фонтана Мудрости не пьёт,
Дела и мысли зная наперёд.

5

Здесь принял Он идущего Христа,
Болевшего от человеческой злобы.
...Итак, терять не будем время, чтобы
Тебе скорей пройти сии места:
Здесь для тебя опасность велика,
Ты не готов для Мудрости пока.

6

Но коль тебя Он спросит – ты ответь».
И вот, чужая мысль во мне забилась:
«Пришлец, скажи, чем заслужил ты милость
Придти сюда. Как обманул ты смерть?»
«О, Страж, – сказал я, – смерти всё ж боясь,
Хочу найти оборванную связь

7

Меж Небом и Землёй, между людьми и Богом;
Хочу узнать, как на Земле нам жить».
«Найдёшь. И будешь Истине служить.
Теперь иди. Длинна твоя дорога».
И Свет померк, и подступила Тьма,
Холодная, сводящая с ума.

8

Я в ней увяз, погиб!.. Но чуял за спиной
Великую Любовь светящегося Стража
И не был побеждён отчаяньем, и даже
Теперь уж знал, что Он всегда со мной.
И к Голосу воззвал я: «Где Ты, Друг?
Куда идти мне?» ...» Ты лишь начал круг.

9

Знать хочешь всё?.. Узнай же наперёд:
Путь будет пролегать сквозь ужасы и муки,
В отчаянье впадёшь, не раз опустишь руки».
«И пусть... Воспряну! Бог меня спасёт!»
«Вернёшься?..». «Нет. Сомнения позади.
Возьми меня и за Собой веди!».

10

«Страж разрешил. Отныне здесь твой Путь
Проляжет каждый раз, когда решишься снова.
И каждый раз сердечным, добрым словом
Приветствовать Владыку не забудь.
...Теперь на Землю возвращаться надо –
В ином обличье, с обновлённым взглядом».

Глава 3. Тайная явь

1

И мы с моим Наставником вдвоём
Упали в бездну; Свет в глазах померкнул,
И тут же – справа, слева, снизу, сверху –
Явились те, кого не встретишь днём
И даже ночью в самых жутких снах:
Чудовища, которым имя – Страх.

2

Имеющие лишь полутона,
Клыкастые вытягивали пасти...
Не подготовлен к такой напасти
Смутился я: плохи мои дела!
Но, силы все собрав, ужесточил я взгляд –
И чудища отпрянули назад.

3

«Смелее!» – это Глас. «Я не владею телом!
То, что меня несёт, не подчинится мне!..»
А сам лечу в искрящейся волне,
Себя понять пытаюсь между делом:
Где дух мой пламенный, которым, так гордясь,
С астралом возмечтал мечтал наладить связь?..

4

Волна с невероятной быстротой
Несётся, разбиваясь на потоки.
А Глас зовёт, зовёт, уже далёкий,
И трудно мне бороться с немотой.
Злясь на себя, своим сомненьям враг,
Хочу вернуться – падаю во мрак.

5

Та видится сияющий проём, –
Направился в него, оцепенев от страха,
Летел почти без памяти, с размаха
На почву пал я в городе моём
И в сумерках увидел наяву
Мой дом, в котором много лет живу.

6

Ночь. Фонари разбиты, не горят.
Притихла дома чёрная громада.
Вот мой подъезд... Вдоль садика ограда...
Полуоткрыта дверь... Ступеней ряд...
Нет в окнах ни единого огня...
...Вдруг понял я: есть тело у меня!

7

Оно светилось мягко в темноте,
Ни тяжести, ни плоти не имело.
А там, в квартире, распростёрто тело,
Которое уснуло в маете,
Болело, уставало каждый день;
А это – не отбрасывало тень.

8

«И вот, ты снова на Земле возник.
Знай, ничего не значит отдаленье:
Представь – куда, и ты в одно мгновенье
Очудишься в том месте в тот же миг.»
...А я подумал про свою жену,
Пред нею в чём-то чувствуя вину.

9

Постель...Жена...И рядом я, как встарь.
Любимая тревожно застонала:
Она во сне от твари убегала.
Была крылатым страхом эта тварь
И настигала жертву на бегу.
«Держись! – я крикнул милой. – Помогу!»

10

Жена была ребёнком. А кошмар
Взросся до ужасного размера.
Я вспомнил всё, чему учила вера,
Но лишь не знал, как нанести удар.
«Мне б меч!» – и меч явился в тот же миг,
И я нанёс удар, и враг поник.

11

«Уйди, дух злобный!». «Пощади!». «Уйди!
Ты побеждён». Исчезла тварь бесследно.
Я подбежал поспешно к жертве бледной
И, на руки подняв, прижал к груди.
...Постель...Жена...Моё напротив тело...
«Пора идти. Своё ты сделал дело».

12

«Что был за сон? И что за тварь? И кем
Направлена она?». «Есть враг. Завистник, то есть».
«Но что ему до нас?». «Расстроенная совесть,
Родив кошмары, гонит к вам затем.
Когда коснёшься прежних берегов,
Я научу защите от врагов.

13

Теперь, своё внимание углубя,
Смотри на мир незамутнённым взглядом:
Повсюду – люди, всюду с ними рядом
Кошмары их страстей. Так было у тебя,
Пока ты жил, страдая от невзгод,
И порождал кошмары круглый год.

14

Иди, смотри на всё со стороны,
Теперь ты – гость Физического мира.
Твоя обезопасена квартира,
И ты не будешь чувствовать вины». «Но кто ж Ты сам?». «Твой неизменный друг,
Защитник твой, без глаз, лица и рук».

15

...И видел я соседа за стеной:
Он злобно дрался с призраком зелёным...
Я видел всех на всём пространстве дома,
Привычный мир сегодня был *иной*.
...И в город вышел я, и с четырёх сторон
Услышал спящих выкрики и стон.

16

«Они друг другу возжелали зла.
Смотри: почти никто не спит спокойно. –
Здесь скрыты ваши мятежи и войны,
Таятся недостойные дела!
Богами были ваши предки, но
Их Божество в страстях погребено».

17

«Суровый приговор!». «Но справедлив, заметь».
«А может, просто городу не спится?»
«Проверь». И я отправился в столицу –
Правителя поближе рассмотреть.
Правитель спал, но плакала душа,
Из ада тщетно вырваться спеша.

18

«Он обманул народ – заметил гид. –
Страна нищает от дурных законов,
И оттого среди надсадных стонов
Душа его в смятении не спит.
А утром он продолжит прежний путь,
Стремясь народ ловчее обмануть».

19

«Он, кажется мне, вовсе не злодей...»
«Но мир вокруг давно погряз в злодействе.
Кто б ни был он, но он – участник в действе,
В падении безнравственных людей.
Что надо людям: хлеба и утех;
Коль Знания нет, они впадают в грех».

20

«А вдруг он мудр?..». «Но кто определил?
Он *избран* теми, кем сегодня правит,
Он сам – из них. Вот он себя и славит;
Но кто в него, когда и где вселил
Ту Истину, ту беспристрастность взгляда,
Чтоб управлять народом так, как надо?..»

21

«Но есть ещё и Церковь! Пусть она
Ослаблена гонениями власти, –
Она сегодня с искреннею страстью
Христов Огонь несёт. И вся страна,
Которая сегодня столь убога,
Воспрянет и опять восславит Бога!»

22

«Церквей – десятки, и у каждой – Бог
Отличен, чем в другой. Но вот, взгляни,
Чем по ночам встревожены они,
Их, Пастыри...». Я, подавляя вздох,
Их всех я посетил всего за час,
Но ныне не об этом мой рассказ...

Глава 4. Старая кормилица

1

«Теперь, – сказал Наставник, – в новый путь:
Оставим твердь, покрытую грехами,
Дабы твоими новыми глазами
На Старую Кормилицу взглянуть».
...Висел передо мною шар земной.
И боль возобладала надо мной.

2

Он красками под солнцем не блистал:
На всех материках и океанах
Лежала мгла, и что-то непрестанно
Змеилось в ней, как вспененный металл.
«Желания людские, их кошмар
Объяли сей многострадальный шар.

3

«Здесь не проходят Божии Лучи.
Земля *больна* людьми неизлечимо,
Поток Любви её обходит мимо. –
Смотри на это горе. И молчи.
Один ответ на твой немой вопрос:
Здесь *паразитом* человек возрос.

4

Знай правду, человек...». И я молчал.
Планета под коростою страдала.
И я был тем, чьи мысленные жала
Мир отравили от его начал!..
Возможно ли погибшее спасти?
Как разговор об этом повести?..

5

Земля качалась в солнечных лучах.
И я летел над горестным простором:
Там люди, опалённые раздором,
Друг друга убивали в горячах...
Как убедить их прекратить вражду? –
Не знаю я!.. Я Откровенья жду...

6

«Но что же Бог?..». «Ты не готов пока
О Боге рассуждать. Суетен, безрассуден,
Воспитанный во лжи бездумных буден, –
Виновных ищешь... Многие века
Я наблюдаю гнойную коросту,
Как главный результат людского «роста».

7

Желания разрозненных людей –
Уже желанья целого народа,
И нет виновных. Такова природа
У мира твоего: *творцы идей*
Не думают от замыслов хмеля,
Во что на деле выльется идея.

8

«И всё же есть умы!..». «Конечно, есть.
Но чем идея у него точнее,
Чем больше пользы в ней, тем вопиют сильнее
Привычки в нём: схитрить, вкусней поесть,
Немного полежать, поспать немного...
А отдохнул – и что ему до Бога!..

9

И выпивка столь часто под рукой,
И женщины, доступные, как воздух...
Творенье – труд, но столь желанен отдых!
И кто труду не предпочтёт покой?..
Желанья миллиардов есть закон, –
И гения в два дня сломает он.

10

Примеров – масса. Яркие умы,
Прорвавшие привычную преграду,
Встречают смерть, как высшую награду».
«Так неужели столь безумны мы?»
«Вам вовсе не присущ идиотизм,
Но вы в грехах – единый организм».

11

Каков же механизм? Довольно прост:
У всех сознаний есть Единый Корень;
Отдельный человек разумен и достоин,
Но Общий Корень убивает рост.
Есть шанс, коли, мудрее становясь,
Вы не во вред используете связь.

12

Итак, ты видел многое. Теперь
Над виденным подумай: в чём Основа
Я вновь приду. И позову. И снова
В Неведомое приоткрою дверь.
Мой выбор остановлен на тебе –
Воспользуйся удачею в судьбе».

13

Так Голос говорил... Короста мира...
Рассудок мой устал, и я, спеша,
Домой вернулся. Дрогнула душа,
Когда семью увидел я. Квартира
Была желанна мне перед началом дня.
И в тело я вошёл. И сон объял меня.

Глава 5. Враг рода человеческого

1

...Итак, я видел то, что видеть рад
Лишь мёртвым мог бы, ибо не по силам
Такое знание! Тленье и могила –
Вот наша жизнь, вот христианский ад:
Ни счастья, ни надежды, ничего...
Что Данте с книжным ужасом его!

2

Он видел «ад», я – страшный шар земной,
Покрытый злом, в ударах молний гнева, –
Как результат бессмысленного сева,
Нависла гибель прямо надо мной,
Не пропуская ни мечты, ни света...
О, человек, что сделал ты с планетой!..

3

Как бремя невозможное нести?..
Привычные рассеялись идеи,
И где бы я ни был, уже нигде я
Никак не мог быть прежним, не расти.
Душило горе, сон не шёл ночами:
Что будет завтра в этом мире с нами?

4

Недели шли. Я жил, как прочий люд,
Но даже солнце мне едва светило;
Молился – на устах молитва стыла:
Коль все деянья к гибели ведут, –
Пусть губит нас от века и до века
Бог несовместный, гибель человекам!

5

Вся жизнь теперь казалась ни к чему,
А я себя-то знал наполовину.
И потому, сомненья отодвинув,
Решил вполне довериться уму,
Бесстрастия желая...В должный миг
Я, наконец, желанного достиг.

6

«Есть Корень-Всех-Сознаний» – так сказал
Наставник мой. Ему бесспорно верю,
Но должен сам увидеть, что за дверью
Сознания моего. И не в Астрал
Отправлюсь я, а в самого себя,
Пусть этим даже сам себя губя.

7

И вот, пришла назначенная ночь.
Семья уснула. Я уединился
И к памяти с приказом обратился,
Веля в моих исканиях помочь.
И вспоминал. И наступал рассвет,
А глубже детства впечатлений нет.

8

И снова – ночь. И вновь, и вновь, и вновь...
Тщета усилий, горечь поражения...
Старался я, но так же без движенья
Осталось дело. Закипала кровь,
И всё моё живое естество
Стенало, чтоб не мучили его...

9

Путь верен, знал я. Не хватало сил
Сломать неодолимую преграду;
Как самую желанную награду,
В молитвах я прозрения просил.
И миг настал! И я, узнавши суть,
Отправился за Истиною в Путь.

10

Расслабил тело так, как никогда:
Все мышцы отпустил, в покое лёжа,
Почувствовал, как влажно дышит кожа.
Вот только мысли – в них была беда –
Ничтожными фрагментами роясь,
Мешали строить нужную мне связь.

11

Избавиться от шума слов пустых –
Великий труд, когда идёшь наощупь.
Но понемногу становилось проще;
Очистил ум призыванием Святых, –
И вот, во мне ни мысли, ничего.
Открылся вход, и я шагнул в него.

12

(Читатель мой любезный, не сочти
Мои к тебе слова за непочтенье,
Но так вот одному, без Посвященья,
Тебе я не советую идти,
Куда ходил я, жажда видеть Свет,
Чем сократил свой век на десять лет!)

13

Передо мной струился «фильм» цветной,
Калейдоскоп событий позабытых.
Мне восемь лет. Четыре. Три...Открыты
Пока пути. И Бог ещё со мной,
Ведёт рукою твёрдою меня,
Давным-давно утраченным маня.

14

Мой первый год. Я счастлив. Я лежу
У матери счастливой на коленях
И солнца луч в младенческих виденьях
Руками непослушными держу.
Мать говорит, и в красно-бело-синем
Я радуюсь звучанию Богини.

15

И вдруг блаженства разорвалась нить,
Как лопнула струна. Мир стал уныло-серым.
Не помогли направленность и вера.
Боль в голове...Всё начинало плыть...
И, страхом неожиданным распят,
Я встретил злобой напоённый Взгляд.

16

Сто тысяч красных разъярённых глаз
Уставились, высасывая силу,
Суля расстройство мозга и могилу...
Я отступил – и этим душу спас.
Четыре дня болела голова.
Как выжил я – не подыскать слова...

17

...Теперь я знал опасность. В зеркалах
Белело сединой отображенье.
Испытанное было приключенье
Вселяло в душу безоглядный Страх.
Я жил, как все, но спать уже не мог,
Опять несчастлив, слаб и одинок.

18

Какой во мне же мною встречен Враг,
Чей взгляд нельзя и вынести-то даже?..
«Сошёл с ума!» – любой, читая, скажет.
Что ж, поделом: был не продуман шаг.
(И, всё-таки, провериться не грех.
Проверился: сознание, как у всех).

Глава 6. Первая битва

1

...Мелькает «фильм» немисливо цветной.
Четыре года. Три. Мой первый год. День первый!
Ещё немного!.. Зазвенели нервы:
Тысячеглазый Враг передо мной.
Но я уже не тот, что в первый раз,
Уж взор не отвожу от злобных глаз.

2

Теперь пускай посторонится Враг!
Я так хочу. А взгляд его угрюмый
Какою-то неразвитою думой
На разум давит, давит, но никак
Не устоит, как это б ни бесило:
Во мне бурлит немислимая Сила.

3

Я переполнен Светом Божества
И верю сумею двигать горы.
...И сдался Враг, и, отвернулся скоро,
И, жалобно скуля, уполз едва
К зияющей бездонной глубине,
В пространство новое, куда спускаться мне.

4

И, мысленно дальнейший путь крестя,
Помедлил я, на миг поддался страху:
Что ждёт меня? На радость иль на плаху
Стремлюсь безумно, взрослое дитя?..
И был мне Голос: «Коль угоден Богу,
Пройдёшь и эту трудную дорогу».

5

«Испытанный Хранитель мой, веди!» –
Прошу Его, исполнившись восторгом,
Лечу по длинным, пёстрым «коридорам»:
«Догнать! Иль сердце погасить в груди!»
Короткий, всесметающий полёт –
И в Сферу странную беглец меня ведёт.

6

Здесь красные пульсируют цвета
Переплетений нитей тонких в стенах,
Как тот поток, пульсирующий в венах,
В котором – жизнь, кипуча и свята.
И Сфера набухает и растёт;
Едва заметен сквозь неё полёт:

7

Туда – где центр в мерцающей дали
Мне видится пятном багряно-белым;
И я лечу, пугаясь то и дело
Сокрытого. И разум мой велит
Исследовать столь новое явление,
Узнать, кто – Враг, и чьё он порожденье.

8

Цель близится. Напрягся я, и так
Смог разглядеть: здесь завершалась Сфера
Отверстием, а в нём – о, моя вера! –
Во всю громаду распростёрся Враг;
Его колючий взгляд горел во тьме,
Сосредоточась медленно на мне.

9

Уставился, насквозь меня пронзя, –
И я тотчас же скорчился от боли.
И слышал я, как будто кто промолвил:
«Уйди! Тебе нельзя сюда, нельзя!» ...
И вот уж я живым костром пылал,
Но отступить не мог и не желал.

10

И разум, что доселе лишь молчал,
Я оживил и к Богу обратился, –
И вновь в меня Неизъяснимый влился,
Тот Свет, что был ещё до всех Начал.
И, Силою исполнен до предела,
Я, не замедлив, принялся за дело.

11

На Красный вражеский – священный Голубой! –
Два Света встретились, начав жестоко схватку.
Казалось, что всему миропорядку
Пришёл конец!.. И был сильнее – мой;
И сам я был – Божественная Власть.
И Красный тут же принуждён был пасть.

12

Повержен Враг! А Свет всё шёл и шёл
Через меня, из тех времён и высей,
Каких не ведаю... Я двинулся и вышел
Сквозь Красное Кольцо. И мир расцвёл,
Мозаикой сияний заиграл:
Вокруг меня раскинулся Астрал.

13

Я долго плыл, игрушка тёплых волн,
После борьбы в себя ещё не придя;
Потом очнулся, понял всё, увидя
Знакомый Шар, сияньем чистым полн.
Я улыбнулся, и, в ответ на это,
Распался Шар, являя Стража Света.

14

Он – Тот, Чья Мысль единственно верна,
Чьё действие всегда бесповоротно.
И Он меня Лучом коснулся плотно:
«Троп много, человек; сюда ведёт одна,
Через сознание – в Вышние Миры.
На ней ты оказался – до поры.

15

Так суждено. А твой недавний враг
Всё на Земле. Мерзка его личина,
Он человечье мерзости причина.
Узри его, один лишь сделав шаг».
Смотрел я в даль. И вот, передо мной
Коростами покрытый шар земной;

16

Увиденный так ясно в прошлый раз,
Покачиваясь, плыл вокруг светила.
И сквозь коросты рожа проступила
С кровавыми белками злобных глаз.
Издавека, пугая и маня,
Враг пристально рассматривал меня.

17

«Ты бился с ним, – промолвил рядом Страж, –
В сознании твоём, в ничтожном уголке,
И победил. Но рано ставить точку:
Он – в душах, он, внизу, впадает в раж
И разлагает, губит без конца
Незрелые создания Творца».

«Великий Страж! – взмолился я. – Скажи,
Что сделать мне? Как до Него добраться?»
«Бессилен ты, не стоит и стараться.
Учись. В терпенье Истине служи».
«Как терпит Бог?». «Об этом промолчи:
Ты не обрёл к Познанию ключи».

Глава 7. На пути познания

1

Врага я видел. Знал теперь, что Он –
Вся низость плотская, вся подлость человечья;
Не «Сатана» наносит нам увечья,
Не он терзает нас со всех сторон:
Наш эгоизм, убогое мышление
Наносят нам от века повреждение.

2

«Скажи мне, Страж... Поведай мне, зачем
Стоишь ты, одинок, на грани Света?»
«Что пользы узнавать тебе об этом? –
Для любопытства много лёгких тем.
Вернись в свою привычную обитель,
Учись и жди! Придёт к тебе Учитель».

3

«Могу ли я к границе Света с Тьмой
Свободно восходить и возвращаться в тело?»
«Не против Я, коль, занимаясь делом,
На время ты расстанешься с тюрьмой
Больного тела, суеты людской,
Чтоб здесь желанный обрести покой».

4

«Мне одиноко...». «Ты с людьми не врозь.
Прислушайся». И вот, через молчанье,
Ко мне многоголосое звучанье
Оттуда, от планеты, донеслось:
Эмоции, отдельных фраз куски...
«Ты слышишь звуки счастья и тоски? –

5

Вот на твои сомнения ответ!
Живи и воспитай единоверцев;
Пусть для людей твоё сияет сердце.
У одиночек будущего нет.
Пока же знай: опасна не всегда
Мирского одиночества беда.

6

Опасны пустомыслие и лень,
Поддашься им – врагу уступишь снова,
Страдания твои – ему основа:
Вбирая их, он крепнет каждый день;
Любовь и гнев, сомнения и страх –
То, чем твой враг питается, гаввах.

7

Будь праведен, поступок каждый взвесь,
Очисти ум от низменных желаний.
Иди!» И я упал во тьму скитаний.
Очнулся на Земле, и был уверен здесь,
И мне теперь хотелось одного:
Отдаться воле Бога моего.

8

Уверовал – и стал светлее свет,
Прозрачной стала тьма. Духовная работа
Во мне пошла. Одна была забота,
И ею был я пламенно согрет:
Живя, как все, в греховном мире старом,
Достойным быть полученного дара!

9

А что же Враг? Уж он-то не дремал!
Он мыслями вредил, он слал мне искушенья,
Он исподволь внушал, что результат Творенья
Лишь в том и состоит от самых от Начал,
Что человек свободен и велик,
Нет Бога для него, лишь человеческий лик...

10

И стало так, что старые друзья,
Меня отвергли вдруг. И так случилось,
Что те, кого не знал я, ополчались
И так вредили, что сказать нельзя!..
А я за всех молился по утрам,
Чтоб Бог их вразумил, чтоб устоял я сам.

11

И сны замучили... Закрался в душу страх
И там прижился; чёрные кошмары
Пылали в ней, как чёрные пожары...
Но с именем Господним на устах
Держался я, живя за годом год,
Не зная, что меня назавтра ждёт.

12

Когда ж невыносимо стало мне
И дольше жить не мог я виноватым,
Ушёл в Астрал за Недругом проклятым,
Чтоб вновь сразиться с ним наедине.
И, молчаливо Стража миновав,
На Землю кинулся, запреты все поправ.

13

Враг ждал меня и, видно, не скучал:
Безумие сквозь облако глядело,
Земля была лицом, а Ужас – телом.
... Но я не выпускал уже Луча!..
Так гибли многие... Была бы гибель та ж,
Когда бы в дело не вступился Страж.

14

Кровавый Луч обжёт меня, и я
Успел увидеть: Страж простёртой дланью
Прикрыл меня. Не уследив за бранью,
Я рухнул вниз, где грезилась Земля:
Миллиарды вдруг соединённых воль
Разрушили меня и погрузили в боль.

15

...Я заболел. Никто не мог понять
Причин болезни. Я лежал, уставясь
В окно, где всё таким чужим казалось,
И молча собирался умирать;
Простился с близкими, потом закрыл глаза...
Но вспыхнул Свет, и Голос мне сказал:

16

«Злосчастный самолюб, пытавшийся во гневе
Сразить того, чья сущность – грех людской,
Кто у землян давно отнял покой,
Кто на Земле непобедим и древен!
Болтал об Истине, о праведных, о Боге, –
И вот теперь уходишь в прах, убогий.

17

В себе ты, было, победил врага,
И, вот, теперь утрачена победа.
Стыдись!.. Плод самомнения изведав,
Теперь изведай, чем же дорога
Любая жизнь, и чем противна Богу.
Теперь ты будешь сам искать дорогу.

18

Прощён ты, но не избран. И пока
Учись, и снова заслужи Общенье, –
Так выполнишь своё предназначенье,
Тебя поддержит Божия рука».
И Он меня, больного, освежил, –
И выздоровел я, и снова жил.

1990–1993

Чаша Мельхиседека

1

В ненастный день, лишь падать стала тьма
На город мой, уставший от работы,
Я в Храм пришёл, оставя все заботы
И удалив всю горечь из ума.
Священник с невысокого амвона
Повествовал из Божьего Закона.

2

Молились люди, истово крестясь,
Молился я, хотя и неумело.
И как-то вдруг душа моя запела,
Предвечную высвечивая связь:
Почувствовал, что Он и я – одно,
Одной Цепи неведомой звено!

3

И я взмолился: «Милосердный Бог!
Не по грехам суди меня сегодня, –
По милости Твоей. Я ясно понял,
Что пред Тобою безнадёжно плох;
Я ж – человек, среди людей живу,
Грешу, как все, во сне и наяву.

4

Из праха встав, я лягу в тот же прах,
Я гость Земли, случайный плод Творенья,
Придя вчера, уйду через мгновенье,
Едва познав любовь, покой и страх, –
Таков я, весь, стою перед Тобой,
Успей меня услышать, Боже мой!

5

Не в первый раз прошу Тебя... Прошу
Дать Разум нам, исправить наши нравы.
Неправы мы, лишь Ты, Создатель, правый!
К Тебе я с новой просьбою спешу,
Не в силах побороть в себе искус:
Скажи мне, кем был в людях Иисус.

6

Мне говорят: – Он чудо, волшебство,
Но я беру Писание святое
И вижу Человека пред собою,
И чувствую волнение Его.
Он Богом стал, лишь смертью смерть поправ?
Прости меня, коль я и тут неправ...»

7

Лампадами мигал иконостас.
Я встал с колен. Я шёл сквозь зимний город,
Не замечая ни пургу, ни холод.
Господь меня опять от муки спас:
Рассеял горечь прожитого дня.
Господь со мной, Он помнит про меня!

8

И вечер плыл, и наступила ночь.
И я не спал, один во всей квартире,
И было так просторно в целом мире,
Что все тревоги уносились прочь,
И лишь мечты приобретали вес:
Я чувствовал дыхание Небес.

9

И вновь молился: «Господи, прости
За все мои невольные ошибки!
Мои дела без Бога вовсе зыбки...
Как из трясины до Тебя дойти?
И для начала разреши вопрос:
Кто был и есть и станет быть Христос?»

10

И снова ждал. И близок был ответ.
Но был ли я ему внимать достоин?..
И всё же ум был к тайне приготовлен,
И где-то там, внутри, зажегся Свет.
И Голос молвил, тишину верша:
«Так вот о чём болит твоя душа...».

11

«Ты – Бог?». «О, нет, но ведаю о Нём.
Я – Друг, не раз ты в этом убеждался;
Я на Земле среди людей остался,
Могу ж быть только светом иль огнём;
Меня касаться может только слух,
Нет тела у Меня, Я – чистый Дух».

12

...В который раз ты не о том спросил!
Коль хочешь знать подробности о Сыне, –
Часть этой ночи будь при Господине.
«Решишься ль ты?». «Хватило б только сил!..»
«Путь труден для неопытной души».
«Готов я!». «Что ж, за Мною поспеши».

13

И я закрыл глаза...И через тьму
Влетел в туннель...Вот свет в конце туннеля,
Всё так, как уже было на неделе,
Уже привычным ставши самому:
Рывок и вспышка...И, крепяся в вере,
Я очутился в сумрачной пещере.

14

При свете факелов возле неровных стен
Я брёл туда, где коридор был шире,
Где никого, казалось, в целом мире,
Где царствовали тяжкий мрак и тлен.
Я знал, что здесь секрет великий есть,
И был готов принять любую весть.

15

Вот впереди обширный виден зал,
Где потолки теряются в зените.
Огонь пылает в чаше из гранита.
«Итак, смотри!» – мне Проводник сказал.
И я увидел под громадой свода
Толпу разнообразного народа:

16

В льняных одеждах белых, вставши в круг,
Возле огня толпилися безмолвно.
Я их прошёл насквозь, – туда, где, безусловно,
Узрел секрет невидимый мой Друг.
В том круге возле яркого огня
Стоял старик, мой взор к себе маня.

17

Он был высок, суров лицом и сед,
Волнами борода на грудь спускалась,
В очах бездонных пламя отражалось,
Они, казалось, излучали свет.
Поднявши руки, он открыл уста:
– Цель нашего собрания проста,

18

И, вместе с тем, за тысячу годов
Не знали мы подобного примера:
Тьму всех времён рассеет Словом Вера!
...Иешуа! Готов ли ты? – Готов!
Толпа раздалась в стороны, и вмиг
Среди неё широкий путь возник.

19

А по нему, почти чеканя шаг,
Шёл человек, родившийся не к войнам,
Был узкоплеч и худ. Он шёл достойно
К вождю, и молча стал, и замер так.
Когда он проходил за рядом ряд,
Я уловил его случайный взгляд.

20

Я был его печалью потрясён;
Взгляд сожалел, но в нём сквозила твёрдость.
И я стоял, испытывая гордость,
Что вижу здесь Учителя времён
(Не знаю как, я понял в этот час:
Отныне есть могучий вождь у нас!).

21

– Мы видим, братья, – голос старика
Гремел, колебля каменные своды, –
Один из нас достиг такой свободы,
И мощь его настолько велика,
Что на Земле отныне гнёту зла,
Чтоб длань Его разрушить не могла.

22

Внимайте, братья! Перед вами – тот,
Кого Господь избрал орудьем блага,
В ком верность Божия и чистая отвага.
Стань здесь, Иешуа! Здесь, в этот час и год
Бог обратил к тебе благоволение взгляда;
Ты долго шёл к Нему – и вот награда.

23

Помолимся же, братья, чтоб Господь
Помог Ему нести такое бремя:
Будить людей в несправедное время
И Духом побеждать людскую плоть.
Сегодня наступает новый век:
Соединился с Богом человек!

24

И видел я, среди толпы незрим,
Как люди опустились на колени
И головы подняли, и молений
Вознёсся гул; и белый Серафим
Явился из пещерной тьмы убогой
И воспарил над славящими Бога.

25

Господень знак! – воскликнул старец вновь. –
Хвала Тебе, Предвечный на престоле!
– Хвала! – гудело братство. – Божьей волей
Нам явлена великая любовь!
Пора нам брата в Путь благословлять, –
Пути кривые людям выправлять.

26

– Иешуа! – Учитель! – Ты нам – брат,
Ты рос меж нас, учился, не ленись;
Твоим исходом Бог восставит связь
С тем миром, что невежеством объят.
Через Пророков Бог сказал, любя,
Слова, что были явно про Тебя:

27

«Вот отрок Мой, кого держу за руку,
Избранник Мой, которого люблю;
Мой Дух в него сегодня изолью,
Чтоб он народам дал свою поруку.
Он судит вас, не возвышая глас
По Истине, которой мало в вас.

28

Не ослабеет он, не изнеможет,
Доколь Земле не утвердит суда,
Зло из людей изгонит навсегда,
А доброе и чистое умножит;
И дальние узнают острова,
Что Божия Любовь всегда права».

29

Так рёк Господь. С тех пор прошли века,
Ушёл пророк, почти забыта книга, –
Одни лишь мы такого ждали мига!
И ныне милость Божья велика:
Воспитан нами, без сомненья, тот,
Кто грешный мир к Закону приведёт.

30

Хвала, Господь, Твоим святым делам! –
Толпа молилась. – Ты, как прежде, с нами!
Иешуа с закрытыми глазами
Шептал: – Хвала! Будь милосерден к нам!
И голос старца всех перекрывал:
Какое благо нам Ты даровал!

31

И старец сделал знак. И изо тьмы
Три женщины пришли неторопливо
И стали в круг. – Сегодня, в день счастливый, –
Промолвил он, – впервые можем мы,
Во всём блюдя святую веру нашу,
Дать Избранному в руки нашу Чашу.

32

На эту Чашу царь Мельхиседек
Затратил многолетний тяжкий труд,
Основой взяв священный изумруд,
Которым обладал не человек:
Его из перстня наземь уронил
Господень Ангел Мрака – Шамаил.

33

Небесное, в земной попавши плен,
Небесное оказывает действие:
Пред Чашей меркнет всякое злодейство,
Неправедное всё уходит в тлен.
И кто в руках удержит сей сосуд,
Того возвысят Боги и спасут.

34

Мельхиседек... Друг Бога Авраам...
Иаков... Моисей... И Самуил мудрейший...
И Илия, и Елисей старейший... –
Её хранили. И, попавши к нам,
Она ждала, сиянием светясь,
Когда тебе вручим её, гордясь.

35

Её мы сохраняли шесть веков
Как людям недоступную святыню.
И снова Отче воплотился в Сыне –
Оригинал среди черновиков.
Преодолев сокрытия искус,
Тебе её даём мы, Иисус.

36

Отпей! В ней – не обычное вино,
А данное всемилостивым Богом.
Отпив его, ты на Земле убогой
Не будешь боле слаб; тебе дано
И наставлять на правый путь народы,
И управлять стихиями Природы.

37

...Я, Менахем, тебе открою Путь:
Как говорил Пророк, так всё и будет строго;
Росток в сухой земле, взойдешь ты перед Богом
И людям объяснишь их спрятанную суть.
Ты внешне не красив и не велик,
Но голосом твоим Господь велит.

38

Ты, муж скорбей, изведешь болезнь,
Ты будешь умалён и ни во что поставлен,
И будет вор перед тобой прославлен...
Ты принесёшь Божественную весть, –
Смеяться будут над тобой, и всё ж
Ты на себе грехи их понесёшь.

39

Весь мир тебя накажет мукой мук
И ранами твоими исцелится;
Ты будешь, истязуемый, томиться,
Но откроешь уст, не двинешь рук:
Как на закланье взятая овца,
Ты будешь нем велением Отца.

40

От уст и от суда ты будешь взят,
И кто узрит происхождение рода?
За преступления Божьего народа
Ты будешь, словно беглый раб, распят.
С гнуснейшими злодеями казнён,
Ты будешь жить в преданиях времён.

41

Пройдут века, и именем твоим
Прольются реки крови на планете, –
Так извратят Ученье люди-дети,
Сожгя вначале Иерусалим;
А верующих будет отличать
Тупого разделения печать.

42

И будет злобой век людской обвит;
Сошлются на тебя, в народах сея смуту;
И будешь ненавистен ты кому-то
За то, что непонятен и забыт;
Лишь редкие твои ученики
Не отпадут от Божеской руки.

43

Столь страшный дар готов ли ты принять?
Назад уже не сможешь воротиться!
...Я видел, пот с Избранника струится,
И как-то вдруг сумел его понять.
...Он сделал шаг вперёд: – Приму его,
Великий дар от Бога моего!

44

– Не поспеши! – и тронул за плечо
Ученика Учитель осторожно. –
Сегодня отступить пока что можно!..
И тот ему ответил горячо:
– Я с детских лет готовил дух и плоть,
Чтоб их теперь использовал Господь!

45

– Возьми, отпей! – из нежных женских рук
Взял Чашу старец, наклонив главу седую,
Подав ученику. – В последний раз веду я
Тебя в твоём Пути, мой ученик и друг.
Восходишь ты на высшую ступень,
Рассеешь в душах тьму, ускоришь день.

46

Ещё Пророк и царь Мельхиседек,
Первосвященник будущего Храма,
Благословил сей Чашей Авраама
И тем открыл идущим новый век.
И из неё почтён был Моисей.
Сегодня сыном Божиим стал Ессей!

47

Отпив из Чаши той, не выпускал из рук
Её Иешуа, и все вокруг внимали.
...Подробнее рассказать смогу едва ли:
Не видя остальных, глядел, волнуясь, в круг. –
Там Чашу поднимал Избранник над главой:
– Не оставляй до срока, Отче Мой!

48

Толпа безмолвствовала. Плакал я навзрыд,
Хоть слёзы не текли из глаз моих незримых;
И рвали душу мне неудержимо
И радость светлая, и безграничный стыд...
...– Учение от глаз чужих храня,
Вы с юности готовили Меня;

49

Я с ним пойду туда, где правит плоть,
Я буду говорить с безбожными о Боге.
Меня вы подготовили к дороге,
А дальше пусть ведёт уже Господь.
Помолимся, о братья! В добрый час
Собрались мы. Владыка видит нас!

50

Пав на колени и закрыв глаза,
Молились, молча шевеля губами.
И тихо серафим кружил над нами
И сел в кругу и радостно сказал:
– Сын Божий от Отца воспринял власть,
Чтоб не позволить человекам пасть.

51

Иди, Твой час настал!.. В пещерной мгле
Шёл Божий Сын, светятся хрупким телом,
Шёл исполнять порученное дело:
Зло изгонять из злобных на Земле.
Не оглянулся. Дело звало в Путь.
...И мне промолвил Голос: «Понял суть?»

52

Теперь ты знаешь истину о Нём:
Он – Заместитель Вышних в человеках,
И до конца Безнравственного Века
Он будет жечь сердца людей огнём;
Он Слово, Он – начало и конец,
Он – Ученик Творца и Сам Творец.

53

– Но он не Бог!.. – Он стал Им в этот час
– Но что же – Бог?– Тебе понять не просто...
– Выходит, он лишь в результате роста
Приблизился к Богам? – Он Богом стал для вас
Под этот разговор мгновенья пролетели,
И я очнулся во своей постели.

54

Я видел всё!.. Я спать почти не мог!
Молиться стал в экстазе озаренья:
«Благой Господь! Я видел акт творенья,
Теперь мне надо в самый краткий срок
Осмыслить и правдиво передать,
Кем был Он, кто за нас пошёл страдать.

55

Не оставляй! Дай поиск завершить,
Дай крепости уму, здоровья телу.
Теперь я знаю истинное дело,
И для него я должен буду жить.
Отныне будет жизнь моя чиста,
Достоин буду описать Христа!»

56

И Голос был: «Не Бог. То Я с тобой,
Нарманакайа – так известен в мире.
Смотри в себя, и знания станут шире.
Но помни: к ним допущен не любой.
Совет мой нужен – позови Меня,
Приду к тебе в момент любого дня.

57

Читай и думай, думай без конца!
Есть знания, которые открыты,
Есть тайные, они для всех забыты
По воле всемогущего Творца;
Их мудрости святой достоин будь –
И ты осилишь непосильный Путь.

1992

Восхождение Давида
(по мотивам Псалтири)

1

И обрели Израиля сыны
Себе царя, ведомого пророком.
И часть ему отпущенного срока
Он царствовал. И вот, со стороны
Взглянул Давид однажды на себя:
Кем был он, ненавидя и любя?

Немало было сделано добра,
Но сколько зла! ... Правителю не можно
Быть праведным, его правление ложно:
Сегодня чист, а кем ты был вчера?..
И тот, кто в битву тысячи водил,
Увидел сам себя – и осудил.

И для сравнения посмотрел вокруг:
Все люди – все! – отмечены пороком!
Как в этом мире, грязном и жестоком,
Жить далее, не опуская рук?..
И он, в себе собрав остатки сил,
Пав на колени, к Богу возопил:

«Мой Господи! Я понял все тщету
Деяний, преисполненных виною:
Все, все мы, человечество земное,
Не в силах сами переступить черту,
Стать чистыми, счастливыми людьми,
Оставить преступления, жить в любви...

Сказал безумец сердцу своему:
«Нет Бога! Я свободен от опеки!» –
И ни в одном с тех пор прошедшем веке
Покоя нет ни сердцу, ни уму.
Безумцы мы! Ты видишь нас с Небес:
Нет Бога в нас, один лукавый бес.

Все уклонились, сделались равно
Для жизни непотребными навеки;
В любовь к себе упали человеки,
Не спето песен, испорчено вино,
Ни радости, ни счастья – ничего!
Нет делавших добро ни одного.

2

Господи! не в ярости Твоей
Меня лечи, наказывай не гневом.
Как сеятель заботиться о севе,
Ты о душе заботишься моей:
Вонзились стрелы совести меня –
И вот я здесь, зову тебя, стена.

Нет места целого в моей душе
От гнева Твоего, нет от грехов покоя.
За что мне наказание такое?
Нет сил моих! Превысило уже
Моё безбожье голову мою! —
Об этом мыслю, плачу и пою.

Гноятся раны и уже смердят,
Я сокрушён безумием чрезмерно,
Трепещет болью сердце, соразмерно
Ушла вся сила и не светит взгляд.
У пропасти стою я на краю,
Беспомощность свою осознаю.

3

Уже сегодня до души моей
Меня объяли гибельные воды;
В болоте гнилостном лишился я свободы
И не на нем стоять мне много дней;
Течение прочь от праведных несёт,
И все мои усилия не в счёт.

Я изнемог от вопля, уж гортань
Иссохла вся, глаза почти не видят.
С молитвой иду к Тебе в обиде:
Услышь меня, передо мной стань,
Возьми меня из тины, где я погряз,
Да буду я избавленным тотчас!

Пускай пучины без меня кипят
И воды грязные несутся по планете, –
Услышь меня! Лишь Ты один на свете
Меня услышишь, люди не хотят.
Встань, господь, и рассуди сей век,
В котором стал неправым человек.

Мой Боже! Мой Всевышний! От зари
Зову напрасно, плоть моя томится
В земле пустой, иссохшей, все стремится
К Тебе! И ты ей силу подари,
Откройся, чтоб увидел я, любя
Как видел во святилище, Тебя.

Доколе, Отче, будешь забывать
Меня вконец? Доколе будешь скрытным?
Невыносимо жить Тобой забытым,
И день, и ночь на сердце скорбь слагать!
Немым вопросом пред Тобой стою,
На милость уповаю я Твою.

Услышь непреходящий вопль души,
Внемли мне! От конца земли взываю:
На высоту вскарабкаться желаю –
И не могу! Помочь мне поспеши!
Хочу я, лишь бы грех во мне затих,
Жить вечно под покровом крыл Твоих ...

5

Скажи мне, кто сумеет пребывать
В Твоём жилище? На Святую гору
Кому взойти сегодня будет впору,
Кого смогу я Божьим назвать?
Как победить в себе свои грехи?
Просителю ответил Элохим.

6

В сон погрузив молящего царя,
Ему сказал: «Тебе, служитель плоти,
Знать надобно: как травка на болоте,
Как цвет травы, плоть возомнила зря
Себя живой. Вы смертные, не правы:
Подую Я – и засыхают травы.

Засохли травы – увядает цвет.
Народ – трава, и ты – травинка тоже»
Но как же стать Тебя достойным, Боже?
«Без Вышней воли продвиженья нет.
Погибнет плоть, но возродится снова
В неё однажды вложенное Слово.

Кто ходит непорочен, как дитя,
Кто правду делает, в ком Истина хранится,
Кто не клеветает, злобным стать боится
Кто ближнего прикроет, не шутя,
Кто клятве не изменит никогда,
Кого не сломят счастье и беда, –

Такой не поколеблется вовек.
Живи по чести, не ревнуй злодеям:
Увянут, как трава, они, и где Я –
Не ведать им. Будь чистым, человек,
Добро твори, не забывай Завета, –
И ты постигнешь Тайну Тьмы и Света».

7

Весть кончилась. Очнулся царь, и вот,
Увидел обновлёнными глазами
Себя другого. И воскликнул: «С нами,
Господь отныне с нами на Земле!
Я знаю Слово! вложено в меня,
Со мной оно, Луч Божьего Огня!

Твою исполню волю до конца,
Твою я правду возвещу народам!».
И царь пошёл навстречу своим невгодам
И победил их волею Творца!
Всесилен Бог и счастлив царь Давид,
Рассказ об этом Библия хранит.

ПРОЗА

Эдем без нас неполон

«И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная Добро и Зло; и теперь как бы не простёр он руки своей, и не взял также от Дерева Жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно.

И выслал его Господь Бог из Сада Эдемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. И изгнал Адама, и поставил на Востоке у Сада Эдемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять Путь к Дереву Жизни».

1. Деградация понятия Добра и Зла

Часто слышу, как вокруг меня люди рассуждают о добре и зле. И каждый раз поражаюсь тому, сколько разное значение они в это понятие вкладывают. А между тем, мне думается, именно неопределённость в формулировке и толковании этих категорий и является причиной большинства наших страданий и разочарований.

Конечно, желающий найти верное толкование может обратиться к обширной философской литературе, посвящённой данному вопросу. Но и в философии нет общепринятого мнения, там такой же разброд, как и в среде обывателей.

Так что же такое истинное Добро и Зло? За ответом обратимся к проверенному в тысячелетиях источнику – открывающей христианскую Библию книге Бытие. Взятая в качестве эпиграфа к статье цитата из третьей главы книги рассказывает нам об очень важном этапе истории земного человечества.

Если понимать текст буквально, как делают многие, то в этом случае третья глава гласит: однажды первый человек Адам по недомыслию ослушался Божьего запрета и съел плод с Дерева Познания Добра и Зла. Проступок был настолько велик, что Бог не захотел его простить и изгнал Адама прочь, чтобы, удалённый от Бога в поте лица добывал хлеб свой. В этом заключается «первородный грех» человечества, причина его всех позднейших страданий.

Позволю себе предложить читателю другую трактовку. Данный ветхозаветный рассказ есть символическая передача действительных событий. Когда-то очень давно, миллионы лет назад, люди очень сильно отличались от нас, нынешних. Во-первых, они обладали постоянной духовной связью с Высшими Силами и, благодаря этому, не знали распрей и междоусобиц, были братьями и сёстрами на Земле. Во-вторых, у них практически отсутствовало то, что именно отличает нас: интеллект, в нашем понимании этого слова. Для нас интеллект, логический аппарат мозга плюс память, является главным показателем нашего развития. У первых же людей была прекрасно развита память, но не работал логический аппарат, т. к. духовная связь, интуиция, полностью его заменял. Они были счастливы и имели очень долгую, гармоничную жизнь.

И однажды Высшие Силы предоставили человечеству выбор: либо жить так, как оно живёт, в полной зависимости от Неба, либо самостоятельно изучать мир и, путём проб и ошибок, найти себе в нём место. И человек откатнулся в сторону самостоятельности, независимости от Бога, совершил «первородный грех». Дух Божий упал в Материю и начал в ней борьбу

за выживание. Оказавшись без привычной и надёжной защиты, человек был вынужден развивать свой крошечный интеллект и, как мы сегодня знаем, достиг немалых результатов.

Сделав свой необратимый выбор те, древние, люди ещё знали, что такое Добро и Зло. Они применяли эти понятия к Эволюции Жизни в Солнечной системе, так как обладали ещё близкими к Божеству сознаниями. Добро – всё, что полезно для Эволюции, Зло – всё, что его замедляет. В осознании Добра и Зла, в понимании тайн мироздания люди были равны Элохима, Творцам Солнечной системы («... вот, Адам стал как один из Нас, зная Добро и Зло...»). Может быть, суть «первородного греха» заключается в том, что выбор был сделан преждевременно? Этого уже не узнать...

Миллионы лет прошли с тех пор. Интеллект, это новое средство человеческого отношения, всё более развивался и совершенствовался и, соответственно этому, духовная связь с Источником Жизни всё более ослабевала и сегодня лишь временами бывает доступна единицам. Мы достигли огромных успехов в овладении некоторыми средствами Природы. Мы поднялись в воздух, опустились в глубочайшие океанские впадины, достигли Луны и намереваемся выйти в дальний космос. Мы изобрели комфортный, хотя и не для всех, образ жизни, мы всё менее трудимся физически, заставляя работать вместо себя придуманные и построенные нами машины. Когда-нибудь мы совсем перестанем работать физически: выполняющая наши мысленные пожелания, машины всё сделают за нас... Как много мы достигли за миллионы лет!

Но почему же осознание наших интеллектуальных достижений не делает нас счастливыми? Почему мы непрестанно страдаем? Любим – страдаем. Не любим – страдаем. Почему мы так мало доверяем друг другу? Почему любимое наше занятие – войны, смуты, революции, контрреволюции? Почему наши самые любимые герои – те, кто, будучи военачальниками или правителями, погубили самое большое число людей? Почему?!

Ответ напрашивается сам собой. Наше мировоззрение по-прежнему, как в дни Адам, опирается на понятия Добра и Зла. Только эти слова мы пишем с маленькой буквой, ибо они уже не связаны с Эволюцией Жизни, – что нам теперь до неё! – а относятся к нам самим, точнее – к нашим физическим телам. Приятно нечто для моего тела – это добро, неприятно, опять же, для моего тела, – значит, зло! Но ведь мы-то все – разные. Даже тела наши обладают разными параметрами. И все хотим для себя благ, хотим их тем более, чем более их имеем. Желания одного из нас зачастую противоречат желаниями другого. Отсюда – все наши беды. И не видно им конца...

2. Положение вовсе не безвыходно

Мы многого достигли в своём интеллектуальном развитии. Теперь нам остаётся, вернуться, не утрачивая достигнутого, обратно в Эдем, если говорить символически. Мы прошли больше путь, чем многие познали, хотя и потеряли многое. Нужно сохранить обретенное и вернуть потерянное. Как это сделать?

Прежде всего, начнём пересматривать наше сложившееся сегодня мировоззрение, ибо у большинства оно не отвечает требованиям, предъявляемым Эволюцией к человеку. Вернёмся к древнему вопросу. Что есть Добро? Что – Зло?

Кто мы есть? Много ли надо каждому из нас, чтобы не чувствовать себя бедствующим? Немного пищи, немного одежды, тёплое жилище. И много – доверия!

А потом останется сделать второй шаг. Поднимемся над Добром и Злом, ибо во Вселенной нет таких понятий вовсе, они – признак несовершенства. Перельём всю нашу интеллектуальную, всеразделяющую энергию в энергию духовную, в единение со Вселенной. И тогда вновь придём к Восточным вратам Эдема, и поставленный там Херувим уберёт с нашего Пути «пламенный меч обращающийся». И Эволюция пойдёт дальше, ускоренная нашими свободными усилиями.

Почти две тысячи лет назад Иисус говорил нам, что все мы – дети одного Отца Небесного, что мы – необходимый мост между Природою и Небесами, между Материей и Духом. Дело за нами. Эдем без нас не полон, дорогие мои сопланетники!

3. Для чего же я всё это писал?

«Легче сказать правильные слова! – скажите вы мне. – А как же всего перечисленного достигнуть?» Духовное совершенствование всегда было уделом одиночек и никогда – больших масс. Так было и так будет, несомненно.

Подобных одиночек среди нас – единицы. Если их станет больше, дело сдвинется с мёртвой точки, человечество начнёт изменяться в лучшую сторону.

Даниил Андреев в «Розе Мира» предлагал решить этот вопрос политическим путём, созданием специальной Лиги, способной влиять на правительства. Вероятно, он прав. Но как добиться объединения мыслящих людей? «Розу Мира» в обществе сочли фантастическим произведением и быстро забыли; мало кто пытался понять, о чём там было сказано.

Я отдаю себе отчёт во всех своих словах и действиях. Понимаю, насколько утопично выглядит для большинства людей всё, сказанное выше. Но это достижимо. По себе знаю: если в какой-то данный момент я внутренне свободен от страстей своих, если в сердце моём царит полное единение с миром, – вокруг меня создаётся определённая атмосфера благожелательности, люди становятся спокойнее, разумнее, справедливее. Моя проблема в этом вопросе заключается в том, что такое состояние пока не могу иметь в себе постоянно, оно возникает у меня на более или менее краткий отрывок времени – и это есть след моего несовершенства. Что ж, буду над собой работать, стану лучше – и «светить» людей буду больше. И каждый здоровый человек легко научится сдерживать, изживать свои страсти, нечистые помыслы. Многим в этом может помочь посещение православного или иного храма, надо только держать сердце открытым перед Богом и собственной совестью.

Мои взгляды, изложенные здесь, вовсе не оригинальны, им уже насчитываются многие тысячи лет. Массам они всегда были недоступны из-за сложности изложения в теологической литературе, в символизме текстов. Этим знанием владели лишь Посвящённые. Но вот уже более века людям разрешён доступ к нему.

Что могу сделать я? Что можешь сделать ты, уважаемый читатель? Обращаюсь ко всем, разделяющим мои взгляды, предлагать начать собраться вместе, обсудить свои возможности. Всегда имелась и имеется возможность создавать культурно-просветительские общества, пропагандировать древнее Знание, открывать людям истинный смысл Священных Писаний всех религий человечества. Такая деятельность непременно даст свои плоды, хотя на неё и уйдёт жизнь многих поколений подвижников. Постепенно тьма невежества духовного будет рассеиваться, Свет Знания разгонит её. И всё будет так, как предопределено. Лишь нужно помочь Провидению, Эволюции. У Бога нет на Земле других рук, кроме человеческих и другого мозга, кроме человеческого. Дело за нами.

Преодоление одиночества

Исповедь

1

Всю свою жизнь я когда-то спешил, всё боялся опоздать, пропустить что-то интересное и важное – спешил жить. Молодость была комсомольская, имела коммунистические убеждения и я искренне старался быть полезным для будущего. К сорока годам стал ощущать душевный дискомфорт. Что-то меня крайне не устраивало, а вот что именно – понять не мог.

И я перестал спешить, остановился на миг и огляделся вокруг, впервые в жизни огляделся. И вдруг с удивлением понял, что, в сущности, живу один. Рядом – жена, дети, друзья, коллеги по интересной и нужной работе, а одинок всё равно! Открытие так меня поразило, что враз утратил последние крохи и без того иллюзорного душевного равновесия. Задумался, мучительно искал причину моего одиночества. В то время политические страсти в обществе нимало меня не трогали, я чувствовал, что они приходят и не ведут к улучшению каких-либо сторон человеческой жизни. Так чего ж мне не доставало? Почему мир вокруг меня, который я так любил и который был всегда для меня радостным и солнечным, вдруг померк и стал казаться бездушным и враждебным?..

Как впервые я мыслил о судьбе, о Боге, о религиозности вообще?

Мысли о Боге... Долгое время, лет 15, я был убеждённым, даже воинствующим атеистом – каким меня и хотело видеть воспитавшее меня общество, каким меня воспитывали многочисленные педагоги и старшие коллеги по работе. Среди них было много хороших, честных, порядочных людей, и я верил им безоговорочно. Как и для большинства моих современников, молодых людей 60–70-х годов, для меня понятие «атеизм», «марксизм-ленинизм», «здорово-мыслие» были синонимами, встречаясь на жизненном пути с людьми верующими, я незамедлительно нападал на них с разоблачениями их «заблуждений», язвительно высмеивал их смущение и признание ошибок мышления. Верующие, в основном, улыбкой встречали мою бестолковую горячность и умели уходить от прямого спора со мною. Какая-то незримая броня защищала их души от моих нападок. В одном из томов полного собрания сочинений В. И. Ленина, не помню, в каком именно, я обнаружил однажды его удивительно странное высказывание: «Я являюсь смертельным врагом Бога!». Я также считал христианство смертельным врагом, своим и Революции. Ведь я считал, что для дела необходима всемирная революция. Таким вот я и был, беспартийным большевиком, лет до тридцати, когда впервые усомнился не в Идее, а в людях, её, Идею, несущих. Какие-то действия этих людей не совпадали с моими идеалами революционера; я считал, что несовпадение случайно, временно, что всё обязательно наладится, одним словом, закрывал на подобные вещи глаза, а потом и вовсе перестал их замечать. Великая идея была выше моих современников, что тут можно было поделаться? – так я оправдывал свою намеренную социальную слепоту.

Рано или поздно, но всему приходит конец. И вот я, уже сорокалетний, не закрыл однажды глаза на очередную нелепость, я всерьёз задумался и увидел, что люди вокруг, а особенно правители всех рангов, лгут! Что честный, самоотверженный труд – мой и моих товарищей – используется не на пользу людям, что честный труд вообще никому в этой стране не нужен...

Почему говорят люди правильные слова, а живут не по ним, не по своим высказываниям, а из корысти? Почему говоря моё имя (мною тоже!) ложь не тревожит совесть, душу?

Что с ними всеми происходит?.. Однажды мне открылось: мы больны, смертельно больны ложью! Газеты, телевидение, преподаватели общественных дисциплин, пропагандисты – все лгут! Я буквально заболел, сделал для себя это фундаментальное открытие. Великая Идея всеобщего счастья и благоденствия на деле оказалось набором слов без дела, мёртвыми звуками, которые надо время от времени произносить, но следовать им не надо. Причём начавшаяся в стране перестройка не сделала людей чище, правдивее. А где искать причины – я не знал. И не мог больше жить в незнании своём!

Руководимый инстинктом самосохранения, как я теперь понимаю, я на время ушёл от попыток разрешить неразрешимые пока для меня вопросы и стал по вечерам усиленно штудировать научно-популярную литературу по физике, астрономии, космологии. Дальние миры стали мне ближе того мира, в котором я жил.

2

Мне казалось, что науки, опирающиеся на математический аппарат, не содержат в себе лжи: как можно лгать, лишь излагая накопленный фактический материал, накопленный опыт познания мира?

И я здесь потерпел второе страшное поражение. Оказалась, что самые передовые на сегодня науки не являются материалистическими в том понимании, какое прививали о них мне. Во-первых, они не содержат строго установленные картины строения мира. Есть множество рабочих гипотез, но нет ни одной доказанной. Между крупными учёными идёт непримиримая борьба за отстаивание истинности своей гипотезы. Взять хотя бы ведущуюся в родной для меня науке биологии борьбу между сторонниками неорганического и органического происхождения нефти!.. Квантовая механика говорит о том, что закон сохранения энергии, признанный всеобщим и неизменным, не всегда выполняется в определённых условиях. Астрономия описывает Звёздное небо, многие звёзды, видимые нами, но это вовсе не истинное положение вещей. Наука до сих пор почти ничего не может сказать об истинном содержании таких фундаментальных понятий, как «материя», «гравитация», «электричество», «магнетизм». Всё только рабочие гипотезы, часто противоречащие друг другу... Космология: многие крупные учёные допускают Теорию Большого Взрыва, давшего начало образованию нашей Вселенной, гипотезу об участии Бога или каких-то Высших Сил. Выходит, что тот мой вульгарный материализм, который мне внушили с детства, простое сочетание причин и следствий, которым самонадеянно пытались объяснить всё и вся, – всего лишь неполное знание, и передовая наука давно уже вышла за его мёртвые рамки.

Это было моё второе открытие, второй удар по моим сложившимся убеждениям. Ибо я – усомнился! У меня появилось много неразрешимых мной вопросов. Кто мог на них ответить? В Библии Елифа Феманитянин говорит Иову: «Называй, если есть отвечающий тебе». Я спрашивал многих знающих людей, но они не могли ответить или не хотели. И незнание угнетало меня пуще прежнего...

И я вспомнил, что не обращался до сих пор к философии, Матери всех знаний человеческих. В это время в Ухте, в университете марксизма-ленинизма при обкоме КПСС была как раз введена специальность «пропагандист научного атеизма». Пошёл со своими вопросами, ведь философия – основа всех преподаваемых в университете дисциплин. Лекции читали хорошие, интеллигентные, но, как и я, заблуждающиеся люди. Они не могли ответить на мои вопросы, а если сказать точнее, то они отвечали не на мои вопросы. Вечером каждого

понедельника я приходил на занятия, всю неделю по вечерам усердно штудировал рекомендованную мне литературу: Маркс, Энгельс, Ленин, современные мне авторы... Два года занятий в университете помогли мне выработать внутреннюю дисциплину, научили критически подходить к любым философским утверждениям и учениям. Я и сегодня благодарен своим преподавателем из университета за оказанную мне помощь, но должен признаться: всё, что я вынес оттуда, я нашёл сам, а не взял от них. Они помогли мне, низкий им поклон за это! Благодаря им я начал читать не только работы Маркса и его эпигонов, но и серьёзную, не политизированную, философскую литературу. Философские сочинения дали мне мудрых, до конца честных собеседников, мне стало с кем поговорить, не поспорить, а – поговорить! Какое это наслаждение! Вечером, после работы, я закрывался на тесной кухоньке стандартной двухкомнатной квартиры и беседовал... Маркс и Энгельс привели меня к Гегелю, и я обнаружил, что под «абсолютной идеей» Гегель понимал вовсе не «общественное сознание», как трактуют марксисты Бога! Гегель, Кант, Лейбниц, Платон, Чаадаев, Ницше, Владимир Соловьёв, Розанов, Бердяев, Лосев, снова Гегель, Кант, потом Шопенгауэр, снова Платон... Великие мыслители сменяли друг друга на моей кухне и развивали мысль других, дали нужные мне книги, как бы сами собой появившиеся предо мною на прилавках магазинов и в руках уличных торговцев. Именно тогда на мои вопросы я стал получать ответы. Чуть позднее пришли ко мне книги Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова-Щедрина), писателя XIX века – он тоже задавал себе мои вопросы и отвечал на них!..

Мыслители рассказывали мне о несовершенстве, ущербности человеческого рода, о неспособности по отдельности разумных людей принимать в сообществе разумное решение. Человечество психически неполноценных, безумных неизлечимо. Потому что оно ещё совсем молодо: современному человечеству не более одного миллиона лет. Никакие политические идеи, как бы прекрасны они ни казались своим создателям, не способны изменить положение. Причина всего зла в мире людей сокрыта в душе каждого из нас. Если реформатор начинает ломать общество по своему усмотрению, будучи одержимым святым стремлением улучшить жизнь людей, – его труды не будут иметь другого результата, кроме пролитой крови его противников.

Это было моё третье печальное открытие! И опять я почти заболел от этого. Ибо мыслители так же, как и я, не знали выхода из тупика. Я же отвернуться от людей не мог, не то было воспитание. Как же мне было жить дальше? Ведь три категории людей, пытающихся разрешать общественные проблемы, показали себя передо мною несостоятельными: политики, учёные и философы. К кому же ещё мне обращаться, если уж они не знают, что ответить мне?..

Как я уже упоминал, Гегель первым привёл мой интеллект к понятию «Бог». Потом были Соловьёв, Бердяев, Розанов, Лосский, Франк. Я естественным образом вернулся на пятом десятке лет. Среди моих знакомых было мало верующих, и мне пришлось изучать основы христианского учения по книгам: вечер-два читаю, делаю выписки, потом месяц размышляю, примеряю к себе.

Пришло время, и в моих руках оказалась Библия, книга, по которой английский проповедник Джон Бэньон в XVII веке сказал: «Эта книга уберёжёт тебя от греха, или грех уберёжёт тебя от этой книги». В университете марксизма-ленинизма нам давали некоторые сведения о Библии, но давали однобоко, лишь с точки зрения полного её отрицания. Но как можно критиковать книгу, не зная её? Как можно отрицать даваемые в ней истины, не понимая их предыстории и содержания?

Я отодвинул от себя все другие книги и принялся за изучение Библии. И постепенно многие неразрешимые для меня вопросы стали разрешаться. На глазах, на сердце, на уме всё ещё было невежество, но с меня хотя бы снялся груз позорного одиночества и страшных сомнений. Я ещё не был твёрд в убеждениях, но легче стало дышать. Ясно было – в цельном, яростном, прекрасном, хотя во многом и незнакомом мире я дальше стал видеть и справедливо судить себя и других людей.

3

С самого раннего детства мне часто доводилось задумываться о соотношении в мире человеческого добра и зла. Но лишь теперь я что-то в этом вопросе начал понимать.

Всё зло в мире людей порождено двумя причинами: природными стихиями и человеческим организмом, т. е. гордыней отдельных людей и целых наций и народов. В начале человек был создан почти совершенным, но вскоре творец убедился в полной его, как человека, непригодности: всё дозволено ничему не желающему существу, способному лишь рабски подчиняться приказам свыше. Но богу-то нужны были не бездушные автоматы, а новые Ангелы, предназначенные для замены взбунтовавшихся приверженцев Люцифера.

И тогда Бог возвысил человека: дал ему присущую самому способность делать выбор, свободную волю. Человек теперь мог выбирать: быть ли ему и дальше бездушным автоматом или же... И человек выбор свой сделал: совершил «грехопадение», сделал выбор в пользу своей плоти, а не духом, и стал нарушать запреты, частично подобен Богу. «И сказал Господь Бог: Вот Адам стал как один из нас, зная Добро и Зло; и теперь как бы не простёр он руки своей и не взял также от Дерева Жизни, и не вкусил и не стал жить вечно. Выслал его Господь Бог из сада эдемского, чтобы возделывать землю, из которой взят» (Быт. 3,22–23).

Лишённый постоянной опеки, человек вынужден был развиваться и развивать свой интеллект. Появились ремесла, искусства, человек начал творчески мыслить. Замечательные качества для всех эпох и народов! Но не существует в любом человеке всё вместе и даже зачастую эгоизмом подпитываются, этою матерью грехов человеческих. Ведь когда сталкиваются между собою эгоизмом разные люди, неосуществлённые желания приводят к Злу, к греху в отношениях. Сделать так, чтобы эгоизмы не сталкивались, невозможно: слишком мы все равные! Для упорядочения наших взаимных отношений, для предотвращения совершения нами взаимного истребления созданы специальные аппараты насилия, говоря словами Ленина, государство, с системами правовой защиты и карательными службами. Но увидев государство на тысячах примеров, я понял, что оно не в силах защитить человека от самого человека, ибо зло находится в сердце каждого из нас. Всемирная история подробно рассказала о бесконечном ряде гнусных преступлений людей и народов друг против друга. Борьба за власть, за обладание, за хлеб и кров, за славу – нескончаемая война человека с самим собою!

Такою увидел я тогда и нашу повседневную жизнь. Лишь изредка бывают в ней краткие Омеги счастья, как искорки в ночной тьме. Никакой надежды!..

К чести и счастью человечества, время от времени в нём являлись из безвестности мудрые люди, учителя, берущие на себя всё горе, весь грех человечества, все его болезни и невзгоды. Они учили об истинных причинах несовершенства человечества, о его истинном месте в

Мироздании. И всегда им внимала лишь малая кучка учеников, остальные не слушали и потому не могли услышать.

Древний – Ветхий – Завет, заключённый Богом с людьми через Моисея, не дал нужных результатов. Незаметно для себя самих, люди стали исполнять лишь его обрядовую сторону, не желая соотносить свои мысли и поступки с Его волею.

Бог предпринял ещё одну попытку образумить людей. И вот среди них появился на Земле Его Посланец – Иегошуа (греч. Иисус), прозванный поздними последователями «мессией». Иисус подтвердил желание видеть людей другими. Господь Бог мог бы и заставить людей жить праведно, но требуется именно добровольность. Он открыл великое учение о божественной любви, как основе порядка во Вселенной. Он рассказывал им о причинах Добра и Зла, предостерег их от недостойных поступков. Иисус принял публичную позорную казнь на кресте, добровольно принял такую смерть в знак того, что он искупает своими человеческими страданиями (а в момент казни он был именно человеком, не Богом) Великий грех человеческого самодовольства, граничащий с безумием. Только так мог он заставить людей услышать его, критично взглянуть на их несправедную жизнь, заронив в них искорку сомнения. «Огонь пришёл я низвесть на Землю, и как жалел бы, что он уже разгорелся!» (Ли. 12, 49) – так говорил он, ими непонятый.

Будущее, цель существования человечества, говорил Он, заключается в приближении им наступления на Земле Царства Божия – такого устройства жизни, при котором люди будут объединены Святой Верой, когда не будет ни государств, ни нации, ни партий; когда, наконец, обновлённое, очищенное человечество полноправно вольётся в семью других человечеств Вселенной и займёт там достойное место. Позднее В. Соловьёв назвал такое состояние Богочеловечеством, т. к. люди в нём по своим нравственным и психическим качествам приблизятся к Богу! Человек – храм Божий! И ещё он – наследник мира сего! Об этом нужно помнить, к этому нужно стремиться.

«Придёт час!» – говорил ученикам Иисус. «Придёт внезапно, не дайте же ему застать вас врасплох! Богу безразлично, сколько из вас обретут спасение, ибо Бог – не человек, и нельзя мерить его человеческими мерками. Бога интересует лишь одно: способен ли человек жить в соответствии с проповедью, являющейся высшею моральной ценностью на Земле.

Сегодня приходится с горечью признать, что стремительный технический прогресс отнюдь не сопровождается нашим нравственным ростом. Откройте Евангелие: намного ли мы, сегодняшние, нравственно чище тех неграмотных иудеев, иступлённо требовавших от Пилата смерти Иисуса? То-то и оно... Всё тот же эгоизм, та же нетерпимость к чужому мнению, та же лень, безразличие, то же наивное ожидание сверхприродного чуда, абсолютное неверие в реальное и абсолютное доверие ко всяким мошенничествам.

Человеку вовсе не свойственно совершенствоваться самостоятельно – таков урок, извлекаемый из всемирной истории!

Мы не умеем сострадать друг другу, мы не научились за кровавые тысячелетия. Мы не научимся этому сами, без Бога, никогда, разве что окончательно покорим себя и природу каким-нибудь чудодейственным суперпроектом или войною. Мы – не цари природы, как любим утверждать, нет, мы – её беспочвенные и злобные нахлебники. Появившись в этом мире не по своей воле, какое мы имеем права своевольничать? Наш сегодняшний путь – это путь к смерти! – сказал я себе тогда, оплакивая всех нас в сердце своём.

Много времени потратил я в поиске ответов на ещё один вопрос: что же такое Бог? Кто он? И нашёл ответ. Бог – это вовсе не то существо в человеческом образе, находящееся где-то над нами, как это представляют себе дети и некоторые невежественные верующие. Меня и самого раньше забавляло, как забавляло всякого воинствующего атеиста, странное зрелище: седобородый старик выглядывает, оглядывается сверху на поведение каждого из нас... Бог для меня – это мировая душа, разум Вселенной. Всё порождено и поддерживается его мыслью: человек, травинка, далёкие Галактики и скопления галактик. Галактики рождаются и умирают, а Он был, есть и будет всегда. Часть Его Разума, или Духа Святого, дана нам, людям, но в гордыне своей помнить об этом не желаем.

Совсем мёртвой матери не существует, в любой её частице присутствует дыхание Божие. Сама планета реагирует на наше беззаконие, возьмём хотя бы, для примера, землетрясение на Кавказе в конце 1980-х – начале 90-х годов нашего века. Как только сила человеческой ненависти достигала в этом регионе некоторого предела, начиналось землетрясение или другое стихийное бедствие. Бог предупреждает человека о недопустимости современного образа жизни.

Поиск смысла жизни временно завершился. Я был всё такой же невежественный, о многом мог лишь догадываться. Да, я твёрдо знал теперь, что жизнь и эволюция во всей Вселенной пусть немного, но зависит и от моей жизненной позиции, от моей способности и желания любить и прощать, от моей доброты и моего терпения. На мой взгляд, физик Эрнст Мах был абсолютно прав, когда утверждал, что не только наша жизнь зависит от движения светил, но и судьба светил зависит от наших действий. Какая же в этом случае ответственность лежит на каждом из людей! Как умно и правильно надо жить на Земле!

Я, думалось мне, нашёл свой путь. Наконец-то я нашёл его. Отныне я знал, для чего и кому нужна моя жизнь. Я больше не был одинок! Какое счастье испытал я в момент осознания!

Я – живой в живом мире. Мир в целом мудрее и сильнее меня, но без меня станет слабее. И сейчас он слабее, чем мог бы быть, будь я в нём не только живым, но ещё и нравственно чистым!

Бог есть любовь! В этих словах из Священного Писания («Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть Любовь», Иоан. 4,8) – вся мудрость, Альфа и Омега мироздания. Как же мало Любви в нас, страдающих и теснящих друг друга!

Теперь мне было грустно взирать на великое множество бегущих мимо меня за сиюминутными благами людей, не умеющих и не желающих замедлить свой безумный бег и задуматься и попробовать понять то, что в сорок лет понял я.

Чисто интуитивно я безоговорочно принял Бога. Жизнь моя стала понятнее мне, не радостнее, но наполнилась глубоким смыслом, я нашёл долгожданное утешение во многих своих скорбях. Теперь мне надо было принять Бога и умом, интеллектом, но пока я не знал, как этого достичь. На том этапе развития важнее было другое: использовать приобретённые знания на пользу людям и себе, научиться любить и прощать. Я стал пробовать изменить самого себя и вскоре убедился, сколь невыносимо трудно стать чистым человеком, храмом Божьим и наследником мира сего.

Сердцем я знал Бога, но интеллект мой никак не реагировал на состояние моей души, он был холоден и равнодушен. Я стал разыскивать верующих людей и спрашивал их, не боясь показаться профаном, как они понимают свою веру, что она для них, что для них Бог. Они отвечали мне по-разному, но одна мысль была у них общей: человек сам по себе, без участия Бога,

не в силах перестроить, очистить свою жизнь, не дано ему этого. Нужно по-детски, как учил Иисус, довериться Богу, и он найдёт тебе путь, по которому приведёт тебя к себе. Я стал читать серьёзную богословскую литературу, какую только сумел достать. И опять книги в нужной мне последовательности являлись на прилавках магазинов, авторы давали тот же совет: по-детски верить в себя и Бога, то есть, только сердцем, интуицией, а не интеллектом. Мне же этого было мало, мне необходимо было подняться к истинной Вере через интуицию и через знание одновременно! Путь мой к самосознанию, к Богу, казался мне бесконечно долгим и трудным. Я пробовал молиться, но ум мой, не участвующий в духовном движении, вносил фальшь в молитвы. Я очень огорчился. И один верующий сказал в ответ на мои сетования: «Не надо грустить. Это Господь ведёт тебя именно таким долгим и трудным путём, а не иным. А кто ты есть, чтобы судить Бога?». Этим соображением мне и пришлось довольствоваться, а что ещё я мог сделать тогда?

5

Итак, сердцем моим я был глубоко верующим, а ум мой оставался умом если уж и не атеиста, то вульгарного материалиста: он оставался холоден и недоверчив. Такое состояние не могло долго продолжаться, следовало ожидать кризиса. И кризис наступил. На сорок третьем году жизни передо мною встали неодолимые препятствия. Тут были и переживания, связанные с раздвоенностью сознания, и неприятности на работе, и проблемы в личной жизни. И наконец пришёл день, когда я проснулся, очнулся после кошмарного сна и понял: всё! Больше жить не могу, просто не имею нравственного права! Иду утром на работу, стою в очереди в магазине, смотрю кинофильм, а внутри: всё это – ненужное, и сам я никому не нужен! Стихи попробую писать – и там даже мысль высвечивается. Я, конечно, знал, что в сорок два года предательски опасный возраст для творческого человека, какого я в себе и предполагал. Сколько литераторов, художников, музыкантов, учёных покинуло эту юдоль слёз именно в сорок два! Искал утешение в Библии, не нашёл, просто и не должен был найти: слеп и глуп был в своём горе. Ходил по улицам города и вынашивал себе собственно погибель...

Не знаю, чем бы всё это закончилось. Но, видно, не судьба мне было умирать, не время. Один мой хороший знакомый пригласил меня с собою на собрание евангельских христиан-баптистов. Мне было всё равно, куда идти, что делать. Сердце моё немело от горя, а ум язвительно посмеивался, наблюдая: что дальше?..

А дальше произошло чудо! Пришёл я в небольшой деревянный домик на берегу реки, где собралось человек тридцать. Были там и историки, в основном, моего возраста, и подростки. Когда все затихли, к небольшой кафедре, обтянутой красным материалом, подошёл невысокий худощавый человек моих лет. Поправив рукою свисавшую на лоб седую прядь, он произнёс небольшую, энергичную проповедь, что-то на тему из послания апостола Павла к римлянам, хорошо мне знакомую. Я потом предложил провести «тихую молитву». Все поднялись со своих мест и, молясь без слов, замерли без движения. Я стоял среди них, чувствую себя опять же лишним, инородным в их среде. Пробовал молиться, но ум насмешливо подсовывал мне пустые слова. И вот я вдруг почувствовал всем существом своим нечто необыкновенное: от людей вокруг меня исходило некое тёплое излучение, оно было всеобщим, я ощущал его отовсюду, чувствуя в висках и кончиках пальцев! Излучение вобрало меня в себя, накрыло меня с головой, я стал вдруг не сам по себе, не нужный никому отщепенец, а влился в эту среду, стал её частью. Ум

мой вдруг примирился со мной, и молитва полилась из сердца моего легко и свободно. Господи! – просил я, – укрепи меня в слабодушии моём, дай мне веру в неверии моём!»

Такая молитва закончилась, за нею следовала ещё одна проповедь, затем желающие молились вслух, во мне чувство моей общности с этими людьми не проходило. Горячая волна счастья подняла Мой дух на небывалую для него высоту, я не был более одинок! Со мною – Бог и эти люди! После окончания богослужения я попросил пресвитера общины уделить мне несколько времени для беседы и изложил ему мою боль, хотя теперь она и не казалась уже столь безвыходною. Он ничего не стал мне советовать, он выслушал меня! Ему хорошо знакомы были такие переживания. Когда я закончил свою горячую и порой безусловную исповедь, он помолчал, посмотрел мне в глаза и сказал: «Господь ведёт тебя именно таким, извилистым путём. Он привёл тебя к нам. Мы помолимся за тебя. Он – с тобою, Он любит тебя. Что бы с тобой не случилось – помни: он с тобою!».

Домой я пришёл совсем другим, изменившимся человеком. Впервые за несколько лет в душе моей был покой. Я понимал, что покой этот дан мне ненадолго, что меня ещё ждут тяжкие испытания. Но теперь я был сильнее, чувствовал в себе Бога моего.

На протяжении двух лет я почти каждое воскресенье приходил утром к баптистам, участвовал в богослужении, разговаривал с ними. Вера моя укреплялась во мне: злоба, обиды, боль – уходили от меня. Я был нужен Богу! В этот период мною были написаны первые стихи на благословлённые темы. Смутное ощущение моего призвания сменялось уверенностью: я должен писать такие стихи, чтобы люди, читая их, начинали задумываться о своей жизни, о причинах добра и зла, таящихся в их душах, чтобы они, люди тоже пришли к Богу с открытой душой, как пришёл я. Сколько зла могу я предотвратить своими поэтическими выступлениями в печати и устно! В одной из своих проповедей пресвитер сказал замечательные слова: «Если на земле останется всего один верующий человек, и это будешь не ты – ты напрасно прожил жизнь!».

Не сразу я понял всю мудрость этого изречения. Только так и следует мне жить!

Я любил и сейчас люблю приходить на собрание общины, молиться вместе со своими, я вливаю свой дух в дух общины. Я заряжаюсь радостью и уверенностью в правильности данного мне пути. По сути, община спасла мне жизнь. «Господь спас тебя – возражали они мне. – Без его воли ничто хорошее невозможно!».

Благотворные результаты моего Возрождения не замедлили сказаться. Я много публиковался. Иногда читатели в письмах обращались ко мне за советом, и я, ещё столь недавно ведущийся, мог и умел дать его, и они оставались благодарны мне и Богу моему. После общения со мною несколько хороших людей обрели Веру. Выходит, Бог не просто дал мне путь, он ещё и работает через меня! В какой-то мере, я проводник Его любви, и я счастлив быть таким проводником!

Моё Возрождение произошло, я почувствовал твёрдую почву под ногами. Я обрёл Бога в сердце своём, и умом также принял Его. Теперь оставалось стать достойным его благословления. Я по-прежнему грешный, мирской человек, но внутри меня теперь горит неугасимый Огонь, данный мне через Христианство, Огонь, принесённый и переданный людям Иисусом почти две тысячи лет назад. И этот Огонь согревает меня в самых лютых жизненных испытаниях. И сам я временами излучаю на окружающих меня людей его свет. Это бывает лишь тогда, когда

я примирён с миром, когда ни чрезмерная любовь, ни ненависть не тревожат меня, когда я верую! Бывало так, что ко мне подходили незнакомые люди и откровенно говорили о своих проблемах. А кто я такой, чтобы учить их? И я даю всегда один-единственный совет: для начала очистите своё сердце от житейской грязи, простите обидчикам их обиды и идите в церковь. Неважно, в какую: православную или в одну из протестантских. Там вы получите ощущение близости и вам Бога.

Прежде чем давать такой совет, я сам посещал многие церкви, старался вникнуть в их особенности, искал и находил во всех их общее: Бог есть любовь!

Я живу в стране с тысячелетними православными традициями, в стране, все духовные достижения вызваны непосредственно Русской Православной церковью, сам дух населения церковью воспитывался и всемирно поддерживался. Счастливы те города русские, в которых есть большие православные храмы! Сколько народов получает в них необходимую поддержку, сколько Света излучают они в пространство. В моём городе нет православного храма, нет места для отправления службы, кроме освящённого митрополитом закрытого на капитальный ремонт и заброшенного дворца культуры. И тесно там, и душно, и акустика плохая. Но вот прихожу туда, вижу иконостас, слушаю священника – и нет для меня никаких неудобств, ибо я – в храме Божьем и Сам Господь общается со мною во время богослужения. Если на собрание баптистов я во время богослужения вливаюсь в коллективный дух молящихся верующих и тем самым приближаюсь к Господу, то здесь, в православии, я не чувствую окружающих меня людей. Здесь происходит другое чудо. Вот, например, идёт божественная литургия Иоанна Златоуста. Священник читает тексты, хор поёт – каждое слово, каждый звук подобраны таким образом, что мне лишь остаётся держать душу мою открытой, сердце моё стремящееся ввысь, всё остальное делается помимо меня. Бог начинает говорить со мной через тексты литургии. Здесь уже не требуется слияние душ верующих, здесь бог говорит со мною лично, делает меня чище и лучше. И какое мне дело до того, что зачастую вокруг меня стоят сами не знающие, зачем сюда пришли, люди? Будь их вокруг меня тысяча или не будь ни одного – всё равно Господь говорит лично со мною, если, конечно, я достоин в данный миг общения с ним. Великое магическое чудо воздействия звуков человеческого голоса на астральный план, обеспечивающее непосредственный контакт с высшими силами. Здесь я тоже кончиками пальцев чувствую излучения, но здесь оно идёт ко мне не со всех сторон, а сверху.

7

Я не собираюсь извлекать здесь свои личные согласия и несогласия с догматами той или иной церкви, не собираюсь судить, кто прав более, а кто менее, или кто вовсе неправ. Вера и всё, что с нею связано, – настолько личное, индивидуальное понятие, что нет смысла добавлять в кипящие между церквями разногласия свою лепту. Хватает разногласий, разночтений и вызванной ими нелюбви одних верующих к другим и без меня. Когда я познакомился с основными догматами многих церквей, чувство горечи захлестнуло меня. Человек, что же ты сделал с учением Иисуса? Разве великий учитель человечества для того приходил к нам, чтобы мы изображали его учение? На сотни независимых, борющихся друг с другом церквей разделилось христианство, в каждой из них понимание добра и зла, греха и святости. Часто нет в них лишь духа своего учителя, распятого в древности и забытого ныне почти совсем. Сегодня в принципе можно по религиозным причинам убить человека и

получить в церкви отпущении содеянного греха! Куда уж дальше катиться в падении нашем? Иисус не боролся за души человеческие, он говорил: вы – храмы Божьи, станьте же в храме воистину! Он не звал за собой никого, ибо путь узок и врата его тесны, так что можно пройти через них лишь поодиночке, но не гуртом. Тесны врата и грехи человеческие сами не пропускают через врата человека нечистого сердца не нравственно высокого.

Обретя в себе Бога, я стал изучать людей, искать среди них тех, кто достоин называться верующим. И обнаружил, что таковых сравнительно немного в любой из христианских церквей! И ещё обнаружил (наконец-то!), что истинные верующие имеются не только в Христианстве, но и в исламе, иудаизме, буддизме, индуизме... ибо Господь – один для всех землян, как одно для нас всё Солнце, как воздух один для всех. Сегодня я не могу причислять себя к какой-то одной церкви или даже религии. Я Верую Господу Вселенной, следую его воле, питаюсь Его любовью, несу людям Его свет. Принять догматы и перестать искать истину значило бы для меня оскорбить Бога моего, а как же я могу оскорбить любовь?

«Нет религии выше истины!» – провозгласила в прошлом веке Блаватская, и мне, как и всякому здравомыслящему человеку, остаётся лишь согласиться с нею. Только вот, как постичь истину в её чистом, в первозданном виде, без красивых сказочек для невежественных верующих, без романтики, присущей всем церковным установлениям? Я ищу истину, я сделал на этом пути всего несколько шагов, но, Господи, я сделал-таки эти шаги! Появляются знания, позволяющие познавать Бога и через интеллект, моё сознание перерастёт быть двойственным. Я уже не делю людей на хороших и плохих, я на собственном опыте и опыте других людей убедился, что каждый из нас и Бог, и Дьявол одновременно, что Дьявол это вовсе не Падший или Архангел, а наше служение плотским страстям. Дьявол появляется в нас, когда мы думаем о собственной выгоде, когда мы слепо верим в свою правоту и ради этой «правоты» готовы стереть в порошок несогласных с нами. А мой личный Бог есть в религиях мира и такое понятие – это моя собственная истинная, покрытая грязной шелухой страстей и нечистых помыслов моих. Очистить себя от шелухи храмом Божьим и Наследником мира сего – чего ещё больше желать мне, путнику?

Я иду. Насколько хватит моих сил, зависит не только от меня. Но и от меня тоже!

Звёздный шорох

Я. Н., рыцарю Духа, с любовью и уважением

*Я один не ставлю над тобою не господина, не Бога:
надо Тобою лишь тот, кто таится в небе самом.
Уолт Уитмен*

1

Ты убедительно рассуждаешь о Боге и дьяволе. Рассказываешь мне о своей вере, о том, как трудно жить среди атеистов, о небольшой христианской общине, которую ты основал в далёком приуральском посёлке. Говоришь о людях, живущих в посёлке: добрых и злых, умных и дремуче-невежественных. Вера даёт тебе чувство правоты. Ты разделяешь людей по их поведению, и твои суждения звучат как приговоры. Я не собираюсь извлекать здесь своей личной выгоды согласиём. Ты молод, чист и категоричен. Слушаю тебя молча, ибо Тебе трудно принимать возражения. Некогда и я был таким... Твои слова – жаркая, выстрадавшая проповедь. Сколько бессонных ночей твоих были заполнены твоими же внутренними возражениями, как трудно было искать ответы на вопросы пытливого ума!

– С Христом ли ты сейчас? – спрашиваешь меня и требовательно смотришь мне в глаза.

Понимаю тебя. Ты чувствуешь во мне единоверца, но и видишь нечто, разделяющее нас, и это тебя мучает. Дорогой мой человек! Да, я – с Иисусом. Но сколько разделения внесено в людские сердца различными толкованиями Учения Спасителя! Сколько пролито крови, сколько разрушено душ человеческих! Вот и мы с тобою видим Учение с разных его сторон. И Иисус в твоём сознании отличается от моего. Как несправедливо по отношению к светлой памяти Учителя! Оба мы с ним, но по-разному. Не хочу начинать дискуссию, она не приведёт к нашему единению. Много разделяет нас, и многое объединяет...

– Тише! – говорю я потом! – Давай теперь немного помолчим.

– Что? – недоумеваешь ты. – Но ведь ты не ответил!

– Разве так уж важно то, что я тебе в эту минуту отвечу? Совсем не важно! Тише! – Я запрокидываю вверх лицо и вглядываюсь в синеющее между плотными белыми облаками небо. – Послушай вместе со мною Звёздный Шорох. Тише!..

– Какой ещё шорох? – в голосе твоём сквозит досада. – Что за странная фантазия? Ах, да!.. Забыл, что ты – поэт... Новый образ для стихотворения?..

– Вовсе нет... Иногда я слышу его... И вот сейчас... Звёздный шорох – это... Нет, не так. Лучше расскажу тебе фрагмент очень древней восточной легенды, и ты все поймёшь.

И я начинаю говорить. Мы стоим на автобусной остановке. Мимо нас, ревя, нескончаемым потом движутся автомобили. Рядом с нами, иногда задевая нас плечами и локтями, проходят озабоченные делами люди. На деревце за твоею спиной чирикает взъерошенный воробушек. Привычная жизнь. И мы с тобою праздно стоим в гуще.

– Так слушай же, смело рассуждающий о Добре и Зле! – Начинаю я своё повествование. — Вот стоим мы с тобой на этом месте, и жизнь человеческого сообщества протекает вокруг и внутри нас. Так же неостановимо течёт через нас необъятный поток Великой Иллюзии, которую мы, земляне, называем Временем.

В этом потоке так же неостановимо вращается другая Иллюзия, изумительное Творение Вышних Сил – Колесо нашей проявленной Вселенной, на сияющем ободе которого праздно стоим мы с тобою сейчас, один подле другого, и рассуждаем о том, о сём. Вращается Колесо. Десятки земных тысячелетий – лишь краткие секунды на часах приводящего его в движение Господа, Брахмы, Небесного Человека, Единого-в-Трёх-Ипостасях. Жив Господь – и вращается созданное Им Колесо, мыслит Он – и рождаются в Колесе новые миры, и растворяются в Пространстве старые...

– Слишком красиво и нереально!.. Да и причём тут Брахма? Бога-Отца зовут иначе. Вспомни Библию!

– Проводив очередной день, в течение которого минует более четырёх миллиардов лет, наступает поздний Вечер и Творец всего сущего засыпает, утомлённый трудами Своими. Засыпает и всякая жизнь во Вселенной, хотя Колесо и продолжает своё таинственное вращение. Временно гаснут солнца, молчаливо кружат вокруг них мертвенно спящие планеты... И кончается Ночь. Господь открывает глаза, и Творение просыпается тоже. Творение приветствует новый День. Творение не ведает смерти, ибо смерти нет вовсе, а есть сон, обязательно сменяющийся пробуждением. Более того, Сон для Творения и есть истинная Реальность, а Пробуждение – это всегда погружение в Иллюзию...

– Продолжай. Ведь это всего лишь легенда...

– Так ты не слышишь Звёздный Шорох? Может быть и так, что ты его не слышишь, но не умеешь выделить в шуме земной жизни? К нему нужно привыкнуть. В древности люди называли его Музыкаю Сфер, но мне больше нравится придуманное мною название. Звёздный Шорох – всего лишь звучание в Пространстве вращающегося Колеса, на сияющем ободе которого стоим мы с тобою и рассуждаем о том и о сём. Вращается Колесо, и нет силы, которая могла бы прервать его движение. Из Тьмы, которая есть Свет, образуются звезды и галактики, на мириадах крошечных каменных капелек планет рождаются и умирают человечества. Новое рождается, устаревшее, уставшее – возвращается в свою Первооснову. Мириады миров бурлят Жизнью, славя Господа своего, величественного, неустанного Демиурга, Охранителя и Разрушителя, своего Тримурти. Всё эволюционирует, ничто не остаётся неизменным. Даже мы с тобою чуточку изменились за несколько секунд нашего разговора на автобусной остановке. И так – всюду во Вселенной.

– В Священном писании говорится: Господь творил единожды! И всё сотворённое живёт, пока Господь желает этого.

– Я всего лишь рассказываю легенду... Много у Господа дел по содержанию Колеса в рабочем состоянии. Всё Творение – это сам Господь. Но не Он лично ухаживает за Колесом. Он лишь направляет действия великих Дхиан – Коганов, Богов – строителей, Элохимов. Они

творяют и разрушают. И у нашей Земли есть свои Элохимы, Их насчитывается семь Групп по Семь. Но и Элохимы – тоже не самые близкие к нам, людям, Иерархии. Конечно, бывали редкие случаи, когда один из Элохимов общался с избранными людьми. Моисей на горе Синай в течение сорока суток беседовал с Элохимом, которому люди со временем дали имена Иальдабаоф и Иегона. Всего же ближе к нам Иерархии Дев, или Ангелов. Именно Ангелы занимаются конкретными элементами Творения, ухаживают за ними. Вращается Колесо Вселенной, и редки в нём неполадки. Хотя они тоже бывают.

– Это просто кошунство! Моисей беседовал с Богом! Библия об этом ясно говорит. Иегова – Сам Творец!

– Разве я всё это отрицаю? Конечно же, Творец... но послушай, что говорит восточная легенда дальше... Во все стороны от Господа Миров концентрическими кругами расходится Свет – эманация. Его дух святого. Дух свободно летает над Колесом и видит эволюционирующую, изменяющуюся материю. Иногда Он Своими белоснежными крыльями зацепляется за её грязную поверхность и падает вниз, хотя во вселенной и нет понятий верха и низа. Дух погружается всё глубже в Материю, порождает в ней движение, которое мы, люди, называем разумом, жизнью разумною. Материя обступает Его со всех сторон, засасывает Его. Дух всё более увязает в ней, почти – Бессмертный в смертной субстанции, Реальность – в Иллюзии! Сначала Ему нравится Его новое состояние. Но низменная ограниченность материи, ограниченность умов живых существ стесняет Его, заставляет Его страдать. Велико Его страдание, но и благостно для Него: ведь там, в Центре Колеса, Он никогда не испытывает страданий. Постепенно Дух привыкает к плену. Появляется соблазн надолго остаться увязшим, велико становится блаженство от неподвижности. Далёким-далёким, почти нереальным кажется отсюда Центр... Останься Дух здесь – и заглохнет, умрёт эта часть творения. Но Божественная Природа Духа Святого заставляет Его рваться из пут, прочь из этого недостойного места. И он начинает Путь Восхождения, теперь уже нелёгкий для Него, павшего. И живые существа помимо ума начинают приобретать разум, который есть ни что иное, как сияние Духа Святого. Эволюция Жизни вступает в высшую фазу: материя тянется ввысь – вслед за рвущимся из неё Духом! Элохимы и Ангелы получают мощный импульс духовного созидания. В человечестве появляются руководимые Ими ясновидцы, пророки, святые, Учителя, дающие остальным людям новый импульс религиозности. У человечества появляется шанс не погубить самого себя в войнах и социальных экспериментах, а объединиться и на новой основе развиваться далее.

Здесь, на Земле, Дух Святой – это Личный Бог каждого из нас, наши истинные «Я», это – мы, настоящие, лишь скованные сегодня страстями и нечистыми помыслами. Дух – здесь, в каждом из нас. Он завершил Своё падение в грубую Материю, он тоскует по Реальности и рвётся к ней. А мы привычно удерживаем, не пускаем Его!.. Рано или поздно, но наступит долгожданный момент, когда мы победим себя теперешних, поднимемся над грязью теперешнего мира. Тогда Дух радостно воскликнет: «Ещё одна победа!». Мы очистимся, мы станем единым человечеством, мы выполним своё предназначение: приблизить Материю к Духу. Дух Святой возвратится к Господу Своему, чтобы потом опять и опять падать в Иллюзию и пробиваться сквозь неё к Истине. Без падений и подъёмов Духа Вселенная была бы мертва. Господь же царит над живым, но не над мёртвым. И потому – смерти во вселенной нет! Падение – взлёт, падение – взлёт... И так – День за Днём, оборот за оборотом, Год за

Годом... И приходит к Господу старость, и тогда Он без сожаления разрушает износившееся Колесо, растворяет его в Беспредельности. И потом Сам Он «умирает» – растворяется в Мирах Вышних, ибо Служение Его закончилось.

Творец умер, да здравствует Творец! Откуда – то «сверху» приходит новый импульс Энергии. И следующая Божественная Монада, прошедшая некогда и человеческую стадию развития, становится Господом и приступает к новому Творению. И вот уже вращается в Пространстве новое Колесо Вселенной, чем-то отличающееся от прежнего, ибо его построил другой Господь. И так – без конца!..

Мерно движется Колесо, живут в нём бесчисленные миры. Слышишь ли ты Звёздный Шорох? Его слушают сердцем. Слуша-ай.

– Какая красивая и опасная выдумка! Какая гордыня: человек становится Господом!.. Грешный, глупый, жалкий – и куда себя возносит!.. Да это же опасная ересь, дьявольский соблазн! И всё это ты говоришь мне? Мне! ... Сам Дьявол говорит твоими устами, соблазняет тебя, а ты, несчастный книжник, ему поверил!.. О-о!.. Несчастный!..

– Я рассказываю легенду. Не обязательно верить ей.

– И всё равно, это сам дьявол её придумал, чтобы легче было оправдать свои козни! Это – ересь!.. Ересь!

4

Отвернулся от меня. Помолчали, глядя на людей и грязный поток автомобилей. Ты подошёл ко мне вплотную, взял меня за рукав, посмотрел в глаза. Твой взгляд был тревожно напряжён.

– Скажи мне... ты веришь во всё, тобою здесь рассказанное?

– Я уже говорил, что наши с тобой слова ничего не значат. Главное не то, что мы говорим, а как мы живём.

– Для чего же ты мне всё это рассказал? Значит, сам ты веришь в истинность рассказанного?.. С ума можно сойти!.. Ты мне друг, я знаю тебя несколько лет как человека серьёзного. Ты ведь Писание знаешь. И вдруг – такое! Какой соблазн для человека! А как же христианство: первородный грех, искупление? Нет, нет, всё – ложь. Я буду молиться Господу, чтобы Он вернул тебя на путь истинный. Ты заблуждаешься! И мне жаль тебя...

Опять молчали, и довольно долго.

– Мы так редко видимся! Не хочу заканчивать встречу ссорой. И согласиться с тобой не могу...

– Тогда не соглашайся. Давай ещё погуляем, поговорим о чём-то другом. Расскажи о нашей общине. Какие люди приходят к тебе? – предложил я. – Расскажи о твоих делах.

Спустились по оживлённой улице к парку, медленно шли по тенистой аллее и говорили, говорили обо всём, что накопилось со времени последней встречи.

– Хочу тебя спросить... – остановился ты и опять повернулся ко мне, глаза в глаза. – Это ведь теософия?

– Не совсем. Это, скорее, сказки для непосвящённых.

– Всё равно, ведь ты посвящённый? Ты рассказал мне всю легенду о Колесе, или у неё есть продолжение? Понимаешь... Я считаю подобные взгляды неверными и даже опасными. Я буду с ними бороться. И хочу знать их получше.

– Есть и продолжение. – ответил я. – Выслушай, подумай и борись, если знаешь Истину... Во всё время бодрствования Господь Тримурти непрерывно творит и разрушает. Иные элементы Его Творения прекрасны, но некоторые бывают несовершенными до безобразия. В том числе и человеческая психика. Господь творит из несовершенной Материи. Кроме того, Он и Сам не вечен. Он тоже – иллюзия, Он не совершенен и способен ошибиться. Он даже не всегда вовремя замечает Свои ошибки. Он мечтает стать Совершенным, но знает, что мечта Его неосуществима. Творцам не дано полное совершенство, Абсолют для них недостижим. И Тримурти мирится со своею участью.

Где-то высоко-высоко, за пределами Пространства и Времени, таится, недоступен даже для всемогущего Господа, Совершенный, Непроявленный, Тот, Кто никогда не пятнает себя процессами творения и разрушения. Тот, к Кому постоянно обращены молитвы Господа нашего. Господь имеет о Нём некоторые сведения, мы же можем лишь называть Непроявленного разными человеческими именами: Непроявленный Логос (Господь же наш – Логос Проявленный), Высочайший Будда, Фохат, Христос... Господь знает Логоса, но лишь изредка удостоивается счастья общения с Ним. Ведь Логос – один во всём Мироздании, а Вселенных миллионы и в каждой – миллионы миров, и в каждой из них трудится свой Господь, славящий Логос.

Непроявленный удовлетворённо наблюдает движения в скоплениях Колёс: всюду Дух Господень после очередного падения в Материю выходит победителем. Всё идёт своим чередом и в своём Времени. Ослабнет кто из Творцов, устанет, – придёт к Нему от Непроявленного сияющий Луч Энергии, поддержки Творца.

Миллионы вселенных, подчиняясь вечным Законам Эволюции, движутся в Пространстве. И счастливый Логос возносит благодарственные молитвы ввысь, к ещё более Совершенным Божественным Родителям Своим, эманацией Которых Он является. И они одобряют или осуждают Его труды, посылают Ему всё новые и новые Импульсы Психической Энергии. Порядок в Мироздании не нарушается никогда. И всё благодаря Тем, о которых мы ничего знать не можем. В Индии Их называют Парабрахманом и Мулапракрити. Люди придумали для Них даже одно общее имя: Карана. Что стоит за Ними, не дано знать даже всезнающему Господу нашему, а уж нам – тем более.

5

– Но где же здесь человек, венец Творения? Где же спасение человеку в этом языческом построении?

– Человек, каким мы его знаем – далеко не венец Творения. Зачем нам самих себя обманывать? Разве венцы Творения жили бы так на земле, как все мы живём? Разве убивали бы друг друга?

Построив Вселенную, Господь бросает в Материю маленькие зёрна Духа Своего, эти зёрна, или Божественные Монады, проходят долгий путь Эволюции: от минерала до полубога. И человек – одна из промежуточных стадий Эволюции. И когда в земной мир падает Дух и начинается борьба с Материей, у человека появляется шанс духовного возрастания и дальнейшего перехода в следующую стадию.

Ты спрашиваешь, где же здесь место человека... Но вот – ты, человек, могущий стать венцом Творения. Хочешь ли ты стать им? Примешь ли ответственность за это желание? Или так и будешь продолжать спрашивать о своём месте в мире?

Гаутама Будда говорил: ты станешь венцом творения, когда перестанешь страдать посреди прекрасного, хотя и несовершенного мира. Когда моря и океаны потекут через твоё сердце! Когда наденешь небесную тогу и корону из звёзд и почувствуешь себя Единственным Наследником мира сего, и даже больше, ибо он, мир, заселён миллиардами людей, каждый из которых тоже – Наследник! Люди обычно не знают о том, что они Наследники... Просыпайся каждое утро на Небе и смотри, и убеждайся в том, что ты находишься в Доме отца своего; с благоговением взирай оттуда на Землю – кормилицу, на её небо, почву и воздух. Современные люди, и ты среди них, забыли о своём Божественном происхождении и не хотят об этом вспоминать. Они хотят быть богатыми и счастливыми за счёт остальных и жестоко страдают: земного богатства и счастья явно не хватает на всех, да и всё, здесь достигнутое, зыбко и ненадёжно.

– ...В твоей истории Боги холодны и бесчеловечны. Кроме того, Истинный Бог – один. Нет Любви. А ведь ещё апостол Павел писал в своём послании верующим: «Бог есть Любовь».

– А Бог и есть Любовь! То, что мы называем этим прекрасным словом, – и есть Любовь. Она есть Свет, стремящийся к нам от Отца нашего и наполняющий собою всё Творение. А Свет есть Бог. Тот же апостол Павел говорит нам: «Бог есть Свет, и нет в Нём никакой Тьмы». Многие тысячелетия Учителя Востока учили этому знанию, сегодня человечеством почти утраченному. Во всех Священных Писаниях говорится о Свете как о беспредельной Любви Творца к Творению, Отца к непроявленному и проявленному. Человек забыл, что он – плод Любви Божией. Истинный Бог, Отец, – поистине один. Даже в Библии, в восьмьдесят первом псалме, сказано: «Бог стал в сонме Богов, среди Богов произнёс суд». Отец один, но детей у Него много.

– Пусть так. Но что говорит твоя легенда о первородном грехе и покаянии?

– «Первородным грехом» было, вероятно, начало движения человечества по пути интеллектуального, логического познания мира, отказ от чисто духовного состояния, свойственного первым человеческим Расам. Дух пал в Материю, чтобы, победив себя самого, потом вырваться из неё. Я не знаю, можно ли это назвать грехом человечества... А о покаянии... Я рассказал тебе не всю легенду, слишком мало у нас с тобою для этого времени. Покаяние, как совершенно справедливо толкует Христианство, – первый шаг человека по пути духовного развития. Люди приходят в храм, молятся Господу и каются в своих грехах. Зачастую этим всё и ограничивается... Мало покаяться в дурных делах своих! Мало покаяться в совершенном грехе, надо избавляться от греховности! Надо очистить сознание настолько, чтобы сама мысль о грехе была невозможна, чтобы даже мысли не носили дурного оттенка. Вот – причина того, что все мировые религии не преуспели в воспитании высоконравственного человечества...

– Потому что человеческая сущность изначально греховна!

– ...Легенда говорит о том, что у человека Божественная сущность. Но человек живёт так, как ему представляется легче и спокойнее. Легче служить своему телу, чем духу. Между

тем Бог и есть наша истинная, скрытая за коростю дурных помыслов, сущность, наше истинное Я. Он – всегда внутри нас и никогда – вовне.

Когда-нибудь ты услышишь сердцем своим Звёздный Шорох. Господь, Дух Его, уже достучался до тебя и вырвал тебя из липких тенёт материализма, научил тебя находить его в любых проявлениях земной жизни. Ты стал хорошим христианином, и вот уже люди тянутся к тебе, приходят в дом твой за духовной поддержкой. Ты начал давать свой Свет другим, у которых сердце ещё темны, но желают стать чище. Ты объединяешь вокруг имени Бога людей и тем самым уже вносишь свой вклад в духовную эволюцию человечества. И всё же сердце твоё ещё заполнено мусором повседневности. Ты ещё гневно осуждаешь людей, имеющих взгляд на мир, отличающийся от твоего взгляда. Ты желаешь, страстно и неукротимо, чтобы все люди обладали убеждениями, принятыми в твоей церкви, в твоей конфессии, одной из конфессий Христианства. Всех остальных ты считаешь потенциальными противниками Бога и готов с ними бороться.

Ты ещё очень молод. Когда-нибудь ты убедишься сам, что единственно достойная человеческого звания борьба – это борьба с самим собою; что самая великая победа, какую может земной человек одержать при жизни, ради которой только и стоит жить и страдать – уничтожение собственной греховности, полное покаяние и последующее очищение. Всё это, я уверен, придёт к тебе со временем. И ты полностью победишь в себе Тьму и понесёшь людям чистый Свет, не замутнённый страстями. Это не я тебе говорю, а древняя, как мир, восточная легенда, пришедшая к нам, как утверждают, ещё из погибшей сотни тысяч лет назад Атлантиды. А я... Что значат мои слова после того, что я тебе передал! Можешь, конечно, не соглашаться, оспаривать, если хочешь...

Ещё час или два бродили мы по щедро залитым солнечным светом улицам, вслушиваясь в сумасшедший ритм жизни моего города. Ты яростно спорил со мною, безоговорочно осуждал меня, выстраивал десятки неопровержимых аргументов твоей правоты. Ты вдохновенно защищал свои взгляды и был, я видел, доволен силою своих слов. А я уже всё тебе рассказал и теперь больше отмалчивался, зная, что Истина одинаково далека от нас обоих. Да и может ли человек знать Истину в полном объёме, если, по легенде, Сам Творец Великий не знает её всю?..

Ты опять уехал из моего города в свой приуральский посёлок. Уехал надолго, там – твоя жизнь и борьба. Уехал, по-прежнему убеждённый в своей правоте – ясный, чистый, сильный. Уехал жить: любить, ненавидеть, отвергать, звать, настаивать, радоваться и огорчаться... И Звёздный Шорох величаво звучал над тобою, но ты его не слышал из-за громкого стука вагонных колёс увозившего тебя поезда на стыках рельсов. Уехал и увёз в своём сердце и памяти добытую мною с трудом и переданную тебе часть Истины. Как знать, а вдруг однажды она откроет тебе глаза, мой чистый и сильный друг! Счастья тебе! Счастливого пути!

Неостановимо вращается и звучит для слышащих Колесо Вселенной. Там, в Центре его, всё в порядке. Не всё благополучно лишь здесь, среди людей планеты Земля.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПАВЛЕ ФЁДОРОВИЧЕ КОРЮГИНЕ

Людмила Дудина

*Говорят: провинция, отсталость,
Скука, оупение, тоска...
Я ж горжусь, что столько мне досталось:
Голубая тихая река,
Древняя деревня на пригорке,
Мост через поющий ручеёк,
Дым из труб, проснувшись на зорьке,
Стук подков, скрипение сапог,
Говорок улыбочивых соседок,
Чей-то бас, ядрёное слово,
Бойкие мальчишки-непоседы –
Вот моей Провинции лицо.*

Павел Корюгин

С Павлом Фёдоровичем Корюгиным я познакомилась где-то в начале 90-х годов ушедшего века, когда готовила встречу с поэтами города. Он в те годы возглавлял Литературное объединение Ухты.

Моё предложение выступить с парой-тройкой стихов на сцене Павел Фёдорович воспринял как-то настороженно-вопросительно. На первой же репетиции он охотно рассказал о себе скупыми фразами: деревенский, родился в Кировской области – мягкий вятский говорок я тогда сразу в нём распознала. Лучше рассказать о своём деревенском происхождении, чем стихами о «Провинции» (в эпиграфе), мне кажется нельзя.

К тому времени уже вышел его первый персональный сборник «Час прозрения» (1990), также стихи его печатались в коллективном сборнике «Отражение». На сцене Павел Фёдорович, помимо своих стихов, поведал с потаённой гордостью о своей детской литературной студии «Огонёк». Замечу, двух его учениц – юных поэтов Таню Тарантину и Дашу Снегирёву – я тогда сразу не преминула вставить в свою программу. Помню, за кулисами Павел Фёдорович улыбался радостно своим подопечным, глядя на сцену. Таню Тарантину я представила с поэтом Николаем Васильевичем Жуковым – убелённым сединой богатого жизненного опыта ветераном Великой Отечественной войны. Это был прекрасный творческий дуэт! Даша Снегирёва читала стихи о юности, о своей первой любви. Запомнились улыбки в зале и аплодисменты за искренность, за откровенность чувств перед зрителями этой милой девочки.

Павел Фёдорович не обманулся в своих творческих надеждах. Танечку Тарантину я с тех пор больше не видела, она после окончания школы поступила в столичный ВУЗ. Кстати, Корюгин в 2003-м году издал сборник юных поэтов и прозаиков «Любимое время», в который вошли первые опыты 35 молодых авторов, воспитанников студии «Огонёк».

«Любимое время» до сих пор является единственным сборником творчества юных поэтов и прозаиков. Почему-то ни один последующий руководитель Литературного объединения города не удосужился заниматься с юными талантами. Я понимаю, нужен другой склад характера, другой подход: «Ну что там школьники?! Когда этим заниматься?»

А Павел Фёдорович находил время для школьников и работал с юными талантами в студии «Огонёк». Он просто любил детей и радовался их малюсеньким успехам. И дети его любили. В студии всегда стояла суета, суматоха: все принимали участие в рождении нового стихотворения Пети, Маши, Даши... Я верю, что в сердцах этих давно повзрослевших мальчишек и девчонок Павел Фёдорович навсегда оставил добрую память о себе!

Как-то приходит ко мне весной 2018-го года моя дочь Наташа и сообщает новость: «Мама, Даша Снегирёва (Артамонова) вошла в список победителей конкурса «Северная звезда» в журнале «Север» (Петрозаводск) и сразу в 2-х номинациях: проза и стихи!».

Даша Снегирёва дважды появлялась в моих поэтических программах со своими эмоциональными стихами уже будучи взрослой. В 2008-м году Дашенька подарила мне свой первый сборник «Взрослые мальчишки», а в 2011 году – «Мосты и стены».

Господи, как радовался бы Павел Фёдорович – её наставник и первый учитель! Увы, давно нет на свете дорогого Учителя поэтического слова, а дело продолжается...

Невнимательный читатель посетует: «Вот, к чему нам эта Даша, когда пишутся воспоминания о поэте Корюгине?». А Вы, милый мой читатель, разве до сих пор не поняли – это же одна из самых главных черт характера Павла Фёдоровича – отдавать себя молодому поколению, не жалея ни сил, ни здоровья!

Молодёжь Павла Фёдоровича тоже любила – он не кичился своим преподавательским перстом, предмет свой знал превосходно и старался объяснять вновь и вновь до полного понимания студентами.

Жена его – Валентина Ивановна – тоже преподавала в институте, была доцентом кафедры геофизики, всегда спокойная, приветливая, доброжелательная. Мы жили в домах напротив друг друга, встречались изредка по-соседски. Моя дочь Наташа в конце 80-х – начале 90-х годов училась на факультете геофизики и вспоминает супружескую пару Корюгиных с благодарностью.

Наталья Павловна Демченко – дочь Корюгиных – пошла по стопам родителей, преподавала в Ухтинском государственном техническом университете, стала деканом факультета. В 2017–2018 гг. она обратилась ко мне с просьбой написать коротенький отзыв о её папе.

Мне было приятно освежить в памяти стихи давно ушедшего поэта, вспомнить его хрипловатый голос и высокую, несколько неуклюжую фигуру с застенчивой улыбкой на лице.

К своим стихам Павел Фёдорович относился как-то скептически: «Да, это просто баблство, заполнение свободного времени писаниной!»

Позвольте мне завершить своё СЛОВО Памяти о прекрасном человеке Павле Фёдоровиче Корюгине четверостишиями из его философского опуса «Пещерные люди»:

Счастлив я, что на планете моей голубой
Я неразлучен, Единый, с тобой!
Солнца не знать от кручин
Нету причин.

Что мне Твои отраженья в пещерах ловить?
Я – Человек, Путеводная Нить.
Ты, вековавший во сне,
Ожил во мне!

Виктор Антонович Карелин

Когда же это было? А были первые альтернативные выборы. Социализм стал «с человеческим лицом». Коммунисты вылезли из здания ГК и пошли в народ. В избирательной комиссии, что базировалась в нашей школе, царила приподнятая атмосфера, собирались часто. Все были воодушевлены, возбуждены. Говорили громко, перебивая друг друга. А он был – пообочь. Пиджачок, галстук (который совсем ему не шёл) и – книга. Он стоял в стороне, как бы присутствовал. А сам – читал. И находился там, в своём мире, в диалоге с автором сочинения. Иногда он доставал из кармана блокнотик и что-то записывал. И один раз, и другой.

Мне всегда интересно, когда вижу читающего человека. Иногда не разобрав имени автора и названия, беспардонно спрашиваю: «А что Вы читаете?». Здесь получилось так же. Знакомство началось именно с этого вопроса. Это был томик Владимира Соловьёва. Было уже то время, когда можно было не «достать», а купить Соловьёва и читать не прячась.

Павел Фёдорович в то время был слушателем УМЛ¹⁰. Семинар должен был подготовить пропагандистов атеизма.

– Знаешь, Виктор Антонович, из двадцати человек группы ни один не стал «воинствующим безбожником», – говорил мне впоследствии Павел Фёдорович, – и многие, наоборот, стали воцерковлёнными людьми. Хотя, – добавил он, помолчав, – атеизм предполагает грамотное, вдумчивое понимание религиозных истин. Для того, чтобы отвергать Бога, надо понять Его. А поскольку этого не дано, то многие просто стали верить...

Не берусь утверждать, что это дословно. Хотя жалею, что не записывал по горячим следам. Мысли Павла Фёдоровича, его высказывания, вполне этого заслуживали.

Павел Фёдорович был книжником. Не библиофилом, не собирателем (коллекционером книг), а именно книжником. Бессеребряник по жизни, он искал, покупал, «доставал» книги по одному ему известному принципу. И не каждая новая книга занимала место в его библиотеке. Все его книги были в аккуратных подчёркиваниях, заметках на полях. Кроме этого, он вёл «Записные книжки», собственноручно переплетённые. Сюда он выписывал пространственные цитаты из тех книг, которые брал в библиотеке или у знакомых. Переплетал он и свои стихи. (Видимо, не очень-то надеялся, что когда-то его труды увидят свет в профессиональном издательстве).

Библиотека его, на первый взгляд хаотичная и бессистемная, была хорошо продуманным инструментом. Иногда, в разговоре, ему необходимо было кого-то процитировать, Павел Фёдорович быстро находил нужную книгу (с закладками, подчёркиваниями) и зачитывал нужную фразу.

... Когда он ушёл, дочери пригласили меня в опустевшую квартиру.

– Возьмите что-нибудь из библиотеки. На память.

Я посмотрел на кресло, потерявшее хозяина, рабочий стол, стеллажи...

– Знаете, девочки, эта библиотека – не сборище книг. Это – лаборатория специалиста. Она собрана Вашим отцом под себя. Я ничего отсюда не возьму...

¹⁰ УМЛ – университет марксизма-ленинизма при Горкоме КПСС.

Они, все-таки что-то мне вручили. Я шёл домой и вспоминал: как-то, будучи по случаю в Сыктывкаре, я купил «Тайную доктрину» Блаватской. Все четыре тома. Приехал, стал читать, понял, что ничего не понял, понял, что «это не моё» ... В очередной раз, придя к Павлу Фёдоровичу, я вручил ему эти книги в подарок.

Когда разговаривал с дочерьми, увидел эти тома. Взял один; вся книга была в закладках, наугад открыл томик; аккуратные подчёркивания, поля в заметках... Он не просто читал Блаватскую, он работал с книгой.

Иногда слышишь: он устал и завалился на диван с книгой. В отношении Павла Фёдоровича можно твёрдо сказать: чтение для него было работой. Тяжёлой работой.

Вспомнился к месту анекдотичный случай. На одно из заседаний «Гнозиса» пришла некая дама. Чуть ли не с порога заявила: «Я тут купила по случаю «Розу мира». Прочитала. Мне всё понятно. Но есть вопросы». Павел Фёдорович очень серьёзно, покашливая, делая паузы, ответил: «К Даниилу Андрееву мы обратимся через три встречи. Вы подготовьте свои вопросы и приходите». К назначенному времени она не появилась. «Мне кажется, – раздумчиво сказал Павел Фёдорович, — самому Андрееву не все понятно было в этом труде...». Это же Откровение свыше... А ей – «всё понятно». Уместно вспомнить про (как модно стало сейчас говорить) проект «Гнозис». Когда Паша дал мне посмотреть план этого «Гнозиса», я оторопел. К примеру, «православие, история православия, отцы-идеологи» были в одном пункте. То же и по другим мировым религиям.

– А кто это будет... осуществлять? Реализовывать?

– Ну, может Вы, Виктор Антонович, что-то возьмёте. Попробую поговорить с институтскими...

В результате, почти все темы, подробно, с отсылками к первоисточникам, доводил до слушателей сам П. Ф. Корюгин.

Выборы прошли, эйфория пошла на спад. Комиссия закончила работу. По роду деятельности мы с Павлом Фёдоровичем пересечься не могли. Но Ухта – город маленький. И мы оказались вместе на какой-то из встреч Народного фронта. И опять – народу было много, шум, суета, а он умудрялся в этой толчее находиться отдельно, пообочь. Потом я понял – над толпой. Мы обменялись телефонами, и вскоре он мне позвонил. Надо сразу сказать, что его звонки не были дежурными. Это был, своего рода, ритуал. Он начинал размышлять, но как я позже понял, он любил разговаривать с человеком, что называется, «воочию». Телефон же такой возможности не давал. И он предложил мне встретиться. Я тоже стал придерживаться этого ритуала. Звонил и договаривался о встрече, только если накопились вопросы, темы. Я готовился к этим визитам.

Тут надо сделать небольшое отступление и сказать: Корюгин был истинным интеллигентом. И она, его интеллигентность, была природной. Он был старше меня, но никогда (я пытался вспомнить – не смог) не обращался ко мне (да и не только ко мне) фамильярно. Я мог сказать: «Паша, ты...», он же всегда: «Виктор Антонович».

Как впоследствии до меня дошло, даже его «пообочь», было не потому, что он не хотел общаться с людьми, а именно из-за его интеллигентности.

Затронув тему общения с людьми, могу сказать, что ему был интересен любой, кто бы к нему ни обратился. Он мог долго общаться с начинающим поэтом, растягивая это общение на несколько встреч, готовясь к ним. Всегда откликнулся, если приглашали в учебное заведение, библиотеку, клуб. Если аудитория была большая, волновался чрезвычайно. Чего

стоит его неоднократная оговорка, когда мы куда-то приходили вместе: «А сейчас хочу Вам представить молодого начинающего поэта и прозаика...», – говорил он обо мне. «Паша, ну что ты опять, какой я поэт! Какой прозаик! Да ещё молодой...!» Он только смущённо кряхтел.

Он часто ходил даже туда, куда его совсем не звали. Его визиты в молельный дом к сектантам, посещение служб, встречи с ветеранами... Но особенно тщательно, он готовился к встречам с детьми, с подростками. Идея создания детской, юношеской литературной студии вынашивалась им достаточно долго. Мы не раз говорили на эту тему.

– Ну, нельзя просто ходить по школам, техникумам, и выискивать детей, которые способны к литературному творчеству! – говорил я.

– Ну, с чего-то надо начинать. Конечно, сами они не придут...

И тогда родилась замечательная идея: сначала городской литературный конкурс, а затем, по его итогам – литературная студия.

Был ещё и ещё один нюанс: в конкурсе участвовали ученики с 4 по 10 классы, учащиеся училищ и техникумов, то есть в студию приходили 9–10-летние дети и подростки до 17 лет.

Павел Фёдорович нашёл и здесь выход: он каждую встречу проводил дважды: сначала для младших, потом для старших ребят. Иногда я приходил на эти встречи. Запомнилось одно занятие, когда никто из малышей ничего не принёс, и тогда они с Павлом Фёдоровичем просто сидели, разговаривали и пили чай. Да он и сам был как большой ребёнок. Чего стоит лента времени, из рулона обоев во всю комнату. Или тщательно выполненный макет города, столицы Атлантиды.

Он был открыт для детей, впрочем, так же и для взрослых, можно было позвонить, прийти... И тогда Павел Фёдорович откладывал свои дела и общался.

Вспоминаю один звонок. Мне. Вечер, даже ночь. И детский голос в трубке: «Извините, Виктор Антонович, Павел Фёдорович не отвечает, а мне очень нужно. У меня вопрос. Почему Свидригайлов покончил с собой?» Я потом долго носился с этим: если в Ухте юная поэтесса не может уснуть из-за подлеца Свидригайлова, то не всё потеряно.

«Огонёк» – так стала называться детско-юношеская литературная студия. Результатом её работы стали публикации в городских газетах, а затем, сборники: «Лучик» (1998) и «Любимое время» (2003). Но не это главное. Важнее было то, что дети, подростки, прошедшие школу «Огонька», стали лучше понимать литературу, мир и, в конце концов, самих себя в этом мире.

Надо добавить, что Павел Фёдорович никогда не умел просить для себя. Может, и поэтому не вышло при его жизни ни одного сборника. Но для «Огонька», для детских стихов, нашлись у него слова, которые слышали даже чиновники. Скажу больше – когда вышел сборник «Любимое время», в Сыктывкаре опомнились. Была издана книжка «Душа летит» – сборник стихов юных поэтов Республики, в котором достойно были представлены и юные поэты Ухты.

Может быть, работа с детьми в «Огоньке», может, то, что Павел Фёдорович возглавлял ухтинское Литобъединение, но как-то он пришёл к мысли, что теория стиха похожа (я запомнил) на «красивый парадный Невский проспект». Все здания совершенны, но единство их понятно только специалистам. И он долго работал над созданием универсальной теории стиха. Работа была проведена колоссальная: к каждому пункту Павел Фёдорович

подбирал образцы поэзии из лучших стихов классиков литературы. Он мне её показывал, объяснял «что к чему», но надо было пройти тот же путь, что прошёл автор... С горечью могу признаться, что не было ни желания понять, да, может быть, и уровня знаний для понимания.

Заканчивая эти отрывочные заметки, хочу привести слова Алексея Ремизова, из его книги о Гоголе «Огонь вещей»: «Самое недостоверное – исповедь человека, ещё ошибочней – рассказ постороннего о нём. Достоверно только «непрямое высказывание». И самое достоверное в таком высказывании то, что неосознанно, что выпархивает из ничего».

К чему это я? Не могу (и не хочу) анализировать творчество П. Ф. Корюгина. Вам же, дорогие читатели, хочу сказать: только потрудившись, познакомившись, с его творчеством (а чем это не «непрямое высказывание» о себе самом?) можно понять то, что он хотел донести до Вас.

Владимир Петрович Анишуков

С Павлом Фёдоровичем Корюгиным меня связывают годы совместного участия в деятельности ухтинского ЛитО. К литературе он относился очень серьёзно, уделял ей много времени и энергии.

Я часто бывал у него в гостях. Павел любил долгие обстоятельные беседы по литературным и другим вопросам. Наверное, я был для него не очень интересным собеседником, так как его познания во многих областях были намного обширнее и глубже. Поражали его феноменальная память и умение мыслить аналитически. Мы иногда расходились во взглядах, часто спорили. Он, например, считал настоящей поэзией только стихи с глубоким философским содержанием. Я не соглашался с ним, считая поэзию очень разнообразной и многогранной. Кстати, сам Павел написал много хороших не только философских стихов, но и лирических, об армейской службе, о геологоразведке и на другие темы.

Целью его творчества было познание высшей истины и, может быть, чрезмерно острое стремление понять смысл человеческого существования, что в философии называют экзистенциализмом. Почему-то вспоминается грибоедовское «Горе от ума». Хотя я не исключаю, что такие люди, увидевшие впереди, по их мнению, Свет истины, более счастливы, чем другие, простые смертные.

Личная библиотека Павла Корюгина поражала изобилием мудрых книг. Одна стена в его комнате была полностью ими заставлена. Как-то после одного неосторожного движения книги посыпались со стеллажей, и я оказался под завалом. После этого случая я посвятил хозяину дружеский шарж.

*Взираешь с мудростью Сенеки
На мир ты сквозь бойницы глаз
И тяжестью библиотеки
Готов обрушиться на нас.*

Очень жаль, что этот неординарный талантливый человек ушёл от нас слишком рано, так и не познав, наверное, до конца смысл жизни. Но не исключено, что он ищет его где-то в потустороннем мире.

Нина Духовская

Павел Корюгин: «Истина стучится в душе моей...»

2020 год был юбилейным для городского литературного объединения, созданного в 1955 году при редакции газеты «Ухта». Отмечая 65-летие, мы вспомнили журналистов, поэтов, общественных корреспондентов – тех, кто внёс весомый вклад в формирование культурной среды «жемчужины Севера». Воздали должное памяти знаменитых ухтинцев, чьи имена не должны оказаться забытыми.

Эстафету литературного творчества из рук ушедших корифеев приняли ныне здравствующие руководители ЛитО – Владимир Аншуков, Сергей Рулёв, Анатолий Цыганов. А сегодня наш рассказ о «крёстном отце» молодых ухтинских литераторов. Павел Фёдорович Корюгин руководил литобъединением с 1997 по 2005 год. И это время стало поистине ренессансом для многих ухтинских авторов.

Возьмёмся за руки, друзья!

Четверть века назад в литобъединение пришли Геннадий Иванов, Виктор Карелин, Валерий Жуков, Анатолий Егоренков, Галина Сологуб, Наталья Фоменко, Наталья Богданова, Светлана Широкова, Владимир Плавинский, Виктор Кравцов, Владимир Миронов, Ирина Кутепова, Римма Лапина, Ирина Поповнича, Владислав Афанасьев, Григорий Ботвинник, Надежда Канева, Надежда Подорова, Александр Максимов, Владимир Жебин. Возможно, это далеко не полный список. Но дело в том, что тогда же практически у каждого из перечисленных поэтов вышли в свет книги стихов, либо появились публикации в коллективных сборниках.

И во многом этому способствовал руководитель литобъединения. Павел Корюгин всегда особое внимание уделял молодому поколению литераторов. С 1997 года совместно с Управлением образования Ухты он ежегодно проводил общегородские конкурсы творческих работ среди школьников. По итогам первого был выпущен сборник «Лучик», куда вошли произведения 15 юных авторов. А вслед за этим была создана детско-юношеская литературная студия «Огонёк», руководил которой Павел Фёдорович. В 2003 году шесть участников этой студии были представлены в первом литературном сборнике юных поэтов Республики Коми «Душа летит» и оставили самое благоприятное впечатление. А к пятилетию студии «Огонёк» при поддержке администрации города вышла в свет книга «Любимое время», в которой читатели познакомились с произведениями бывших и нынешних «огоньковцев» в возрасте от 10 до 22 лет.

Деревенский мужик с врождённой интеллигентностью

По воспоминаниям ухтинского писателя Виктора Карелина, Павел Корюгин был человеком энциклопедических знаний, имел свой, оригинальный взгляд на историю и происходящие события. Максималист и подвижник, он многое хотел воплотить в жизнь, зачастую в ущерб собственным интересам.

– Он был настоящим деревенским мужиком с врождённой интеллигентностью, – говорит Виктор Антонович. – Не мог отказать людям в их просьбах, а если и приходилось, долго переживал. Всё делал с упорством и методичностью. Подготовил свою книгу стихов, а

вместо неё издал коллективный сборник ребят студии «Огонёк», затем ещё один. А у самого только и было, что небольшая книжица самиздатского формата тиражом около 200 экземпляров.

Что и говорить, коллега по литературному цеху попал в точку: Павел Фёдорович действительно родился 17 июня 1948 года в деревне Белые Варнаки Нолинского района Кировской области. В 1968 году окончил на Урале Исовский геологоразведочный техникум, который считал своим вторым родительским домом. Потом служил в армии. В 1971 году приехал в Ухту. До 1995 года работал в ухтинской геофизике, в электроразведке. Окончил Ухтинский индустриальный институт по специальности – горный инженер-геофизик. После развала геологической отрасли сменил профессию, стал мастером котельной в ОАО «Тэбукнефть».

Писать Павел Корюгин начал ещё в техникуме. Тогда же появились и его первые публикации в местных изданиях. В 1980-е годы он пришёл в ухтинское литобъединение. С того времени стихи, публицистика, очерки Павла Фёдоровича регулярно появлялись на страницах газеты «Ухта», публиковались в городских и республиканских изданиях, коллективных поэтических сборниках. В 1990 году вышел в свет его первый и, как оказалось, единственный авторский сборник «Час прозрения».

Смысл жизни – любовь

Но всё это – лишь сухие строки биографии. А за ними – целая жизнь, живая, наполненная замечательными событиями. После окончания техникума Павел Корюгин был направлен на работу в Ухтинское территориальное геологическое управление, в комплексную геофизическую партию. Партия проводила работы на Полярном Урале. Там же на производственной практике оказалась студентка 4 курса Валентина Буркина. Это был первый очный набор студентов Ухтинского индустриального института 1967 года.

От встречи с красавицей-коллегой у молодого поэта-геофизика просто «крышу снесло». Зимой, наплевав на мороз, он приезжал к своей любимой на лыжах. Устоять перед таким напором было невозможно. Через полгода они поженились.

После защиты диплома Валентина Корюгина получила приглашение на кафедру геофизики, где проработала всю жизнь, пройдя путь от ассистента до доцента. Осенью 1972 года в семье родилась старшая дочь Наталья. Со временем Наталья Павловна Корюгина (Демченко) продолжила династию семьи и стала геофизиком, кандидатом геолого-минералогических наук, в настоящее время является деканом нефтегазового факультета Ухтинского государственного технического университета.

– Между моими родителями была большая любовь, – вспоминает Наталья Павловна. – Когда мама куда-нибудь уезжала, отец писал ей письма, полные такой нежности, что мы до сих пор бережно храним их. Вслед за мамой он поступил в Ухтинский индустриальный институт, получил высшее образование. И стихи писать продолжал многие годы, во многом, благодаря её влиянию. Он был человек непростой, но мама находила с ним общий язык, помогала и поддерживала. Они прожили в браке 32 года 3 месяца и 2 дня. Вырастили нас с сестрой, дождались внуков. Когда после тяжёлой болезни мамы не стало, для отца это была трагедия. Он прожил без неё всего полтора года...

Наследники по прямой

Многогранная натура Павла Фёдоровича нашла естественное продолжение в детях и внуках. Егор – старший внук поэта – тоже оказался творческим человеком. Ещё в детстве он участвовал в поэтических конкурсах, а в 11 классе Ухтинского технического лицея стал режиссёром школьного театра «Апельсин». Затем окончил Институт культуры и Академию театрального искусства в Санкт-Петербурге, став успешным режиссёром. Одна из его последних работ – организация фестиваля имени Чехова.

Младшая дочь Корюгиных Ирина Бенько тоже стала геофизиком, но творческое начало взяло верх: она получила художественное образование и сегодня преподаёт в частной художественной школе. Её дочь Анна – музыкант.

Завещание поэта

Павел Фёдорович очень любил свою профессию и своих коллег. Братство геологов-геофизиков было для него святым понятием. Появляясь в редакции газеты «Ухта», он не раз приносил сюда не только свои стихи (порою такие огромные, что опубликовать их в газете не было никакой возможности), но и произведения своих друзей – всевозможные геологические «бухтины». И если журналисты не брали их в работу, расстраивался больше, чем за «непечатание» своего...

Но были у Павла Корюгина стихи, которые шли в номер без правки, например, «**В геологии женщины**». Искренние и мудрые, они украшали собой газету.

Множество произведений Павел Фёдорович посвятил своей супруге Валентине Ивановне. Анализируя творчество Корюгина, серьёзный критик Игорь Терновский особенно отмечал среди удач поэта простое и трогательное стихотворение «**А ты и не знала...**».

Павел Корюгин называл себя поэтом-мистиком, в душе которого зреет Истина и в определённый момент стучится наружу. Основную задачу своей жизни он видел в популяризации Учения о Едином, в духовной и психологической помощи людям. Утверждал, что писательство для него – один из способов выполнения этой задачи.

Как ни прискорбно, но время подтвердило: нечто мистическое в творчестве Корюгина было. Павел Фёдорович скончался неожиданно для всех 17 сентября 2005 года. И свои похороны он каким-то образом сумел заранее описать в стихах («**Поминки**»), от которых мороз по коже...

Завершая рассказ о творчестве нашего земляка, будет правильным подвести итоги деятельности литературного объединения, ведь в него был вложен его талант и пламень сердца. Уже много лет ухтинцы являются постоянными авторами республиканского альманаха «Белый бор». В некоторых выпусках журналов «Арт», «Дон», «Наш Современник», газеты «Российский писатель» можно прочитать стихи и рассказы ухтинских авторов. Достоинно представлена Ухта в альманахах и сборниках ежегодных каблуковских конкурсов, проводимых в Тверской области. В них напечатаны стихи Галины Сологуб, Владимира Аншукова, Риммы Лапиной, Надежды Каневой, Евгении Филипповой, Дмитрия Безгодова, Натальи Фоменко, Евгении Измайловой, Семена Башкирова. Все они получали грамоты и дипломы от жюри конкурса.

Кроме того, произведения ухтинских авторов можно увидеть в журналах и сборниках, выпускаемых на всей территории России от Санкт-Петербурга до Ростова-на-Дону. А стихи ухтинского поэта Инги Карабинской нашли благодарных читателей в США, Германии и Израиле.

Дарья Снегирёва

Я не помню, в каком году впервые посетила детско-юношескую литературную студию «Огонёк». Кажется, училась в пятом или шестом классе: по результатам общегородского конкурса заняла призовое место, и меня, соответственно, пригласили. Постараюсь избежать точных дат, поскольку в них не уверена. Но зато я точно помню, какая атмосфера царила в «Огоньке» – под руководством Павла Фёдоровича Корюгина. Тёплая, доброжелательная, творческая – может быть, звучит банально, но так и было. Сейчас бы добавила ещё одно слово – «уникальная», поскольку больше в подобной обстановке – именно подросткового литературного клуба – не оказывалась ни до, ни после.

Небольшое личное отступление. Я росла крайне замкнутым, домашним ребёнком, и для меня было большой проблемой выбраться куда-либо «в свет». Всякий раз ужасно стеснялась, стоя буквально на пороге «Огонька», но – как только проходила в зал, напряжение исчезало. Павел Фёдорович ни разу не укорил за опоздание, медлительность или что-то ещё, чего я подспудно боялась.

Как происходили сами встречи? Мы – ребята, открывшие в себе тягу к писательству, – собирались за импровизированным «круглым» столом, не совсем, конечно, круглым по форме, во главе которого сидел Павел Фёдорович. Конечно, читали вслух и обсуждали литературные эксперименты друг друга, но больше – слушали нашего наставника. А он старался не только разговаривать нас, но и дать объективную оценку каждому: честно, подробно, по делу, однако без ранящей критики. Плюс, интересно и доступно рассказывал о нюансах стихосложения: от классических «ямба и хорей» (что это такое и с чем едят) до целостного, в свободной форме, обсуждения того или иного литературного произведения. И всё-таки основной упор делался на наше творчество. Ведь Павел Фёдорович искренне хотел, чтобы мы развили свои способности. Он болел за нас душой – и это чувствовалось!

Он умел найти и ценил самородки. В то же время щадил – по-человечески – бесталанность. У меня тогда (в домах только начал появляться интернет) был активный период переписки по интересам, и одна из виртуальных подруг, не ухтинка, зная, что я посещаю литературное объединение школьников, очень просила показать её вирши руководителю. Я не смогла отказать. Павел Фёдорович отнёсся крайне внимательно, в целом отозвавшись примерно так: «Даша, ты же понимаешь, что это слабые стихи», попытавшись отобрать более-менее удачные моменты, передав рекомендации. Вот так у него получалось совмещать: честность и тактичность.

А ещё мы пили чай. Говорили не только о литературе, но и о жизни. Помню, как Павел Фёдорович поделился с нами своей болью – умерла его жена. Он старался держаться, но было видно, как ему тяжело, как много значил для него родной, любимый человек. И всё-таки он продолжал находить радость – как мне кажется, не столько даже в самой поэзии, сколько, прежде всего, в общении с творческими ребятами, в эмоциональной, душевной отдаче. Когда я посвятила сочинение (не помню, к чему приуроченное, но отмеченное на городском конкурсе) творчеству Павла Фёдоровича, он был растроган.

Честно скажу, что, будучи школьницей, я не до конца понимала большинство его стихов, но желание понять было велико. Именно своей глубиной, попыткой осмыслить жизнь, человеческое предназначение, устройство бытия, как земного, так и вечного, эти стихи привлекали. С возрастом они стали мне ближе, чем в юности. Перечитав, некоторые

строчки вспомнила. А некоторые и не забывала. Так, на всю жизнь запомнилось мне его «Обращение к девушке-поэту» (слово «сансара» встретила тогда впервые). А больше всего – эти строки (из другого стихотворения), пронзившие ещё в те годы: «Я мучился ночью. А ты не проснулась. / Я умер под утро. А ты и не знала».

Павел Фёдорович неизменно радовался и встречам в «Огоньке», и звонкам. Помню, я поздравила его с Новым годом, прочитала по телефону свои новые стихи, мы обсуждали, беседовали ещё о чём-то... И это был наш последний разговор. Долго оставаться на Земле после ухода жены он не смог.

Я не знаю, нашёл ли Павел Фёдорович, да и кто-либо вообще, однозначную формулировку «смысла жизни». Однако я убеждена, что возможность оставить след – одна из безусловных составляющих. След, оставленный Корюгиным, – не только в сердцах и тёплых воспоминаниях, но и в успехах его подопечных-студийцев. В изданных книгах. Ведь он лично, своими силами добился издания двух сборников, что было очень значительным событием для каждого начинающего автора.

А совсем недавно, гуляя с мужем и дочкой по Детскому парку, я заглянула в «книжный домик» (своеобразный пункт обмена книгами) – и обнаружила среди прочих сборник «Мне рассказали одуванчики» (2004 год) со стихами юных поэтов Республики Коми, включая мои школьные произведения. Эта книжка была выпущена в Сыктывкаре Коми книжным издательством. Было неожиданно и приятно. И в первую очередь, я вспомнила Павла Фёдоровича. Без него не было бы многого – ни тогда, ни сейчас.

Инга Карабинская

Мы пришли из «Огонька»

Выражение «зайти на огонёк» всегда имеет оттенок уюта и дружелюбия. Это о месте, где тебе рады, где уютно и хорошо. Для детско-юношеской литературной студии «Огонёк», куда я пришла по приглашению Павла Фёдоровича, это название вдвойне символично.

Нам и правда очень повезло. В середине девяностых, среди потерянных и растерянных людей, у которых вдруг разом исчезло всё – уверенность в завтрашнем дне, привычный уклад жизни и сама страна, нашлись два взрослых человека – Павел Фёдорович Корюгин и Виктор Антонович Карелин, которые зажгли огонёк для талантливых детей. Какое это было подвижничество и бескорыстный личный подвиг, я смогла оценить только спустя 25 лет.

А тогда... Тогда у нас просто появилось самое ценное, что может быть у юных поэтов и писателей – талантливая, дружелюбная творческая среда. Даже сейчас, имея три книги, бесчисленное количество публикаций и переводов на другие языки, будучи членом Союза писателей России, я помню то удивительное, новое чувство – видеть свои стихи напечатанными в настоящей книге, сборнике «Лучик». А ещё я помню долгожданную радость наших встреч с талантливыми сверстниками и остроумными (но и милосердными в этом остроумии) наставниками.

Павел Фёдорович был особенным. Он не так часто комментировал стихи вообще, ещё реже – критиковал. Но если говорил что-то, к этому всегда стоило прислушаться. До мудрости и справедливости некоторых его творческих замечаний я доросла спустя годы. И, думаю, не только я.

Кстати, наши встречи не ограничивались субботами в Доме творческих работников, где в то время собиралась молодёжная студия. Павел Фёдорович охотно приглашал огонёковцев к себе в гости, и наши беседы отнюдь не исчерпывались рассуждениями о поэзии.

Мы говорили обо всём. Его неподдельно интересовало – скажу больше, волновало – всё, чем мы живём, что составляет духовное содержание нашей жизни: что мы читаем, что смотрим, что любим. И сам он с удовольствием делился впечатлениями о книгах, людях, интересных моментах собственной биографии. Сама непринуждённость атмосферы этих встреч дорога мне не меньше, чем их содержание. Они были по-настоящему дружескими, в них не было ничего вынужденного, надиктованного обкатанной веками схемой «наставник – воспитанник». Конечно, Павел Фёдорович был нашим наставником. Но, прежде всего, он, мне кажется, дорожил человеческим и творческим доверием, которое возможно лишь там, где люди, независимо от возраста, опыта и авторитета умеют слушать и слышать друг друга.

Вас очень не хватает, Павел Фёдорович. Вас не вспоминают – Вас помнят. Невозможно не помнить, откуда ты пришёл. Мы пришли из «Огонька». И мы очень хотим быть достойными Вашей веры в нас. Спасибо, учитель и друг.

Начальная школа (д. Белые Варнаки, Нолинский район, Кировская область).
Павел – верхний ряд, четвёртый слева

Павел Корюгин, 12 лет

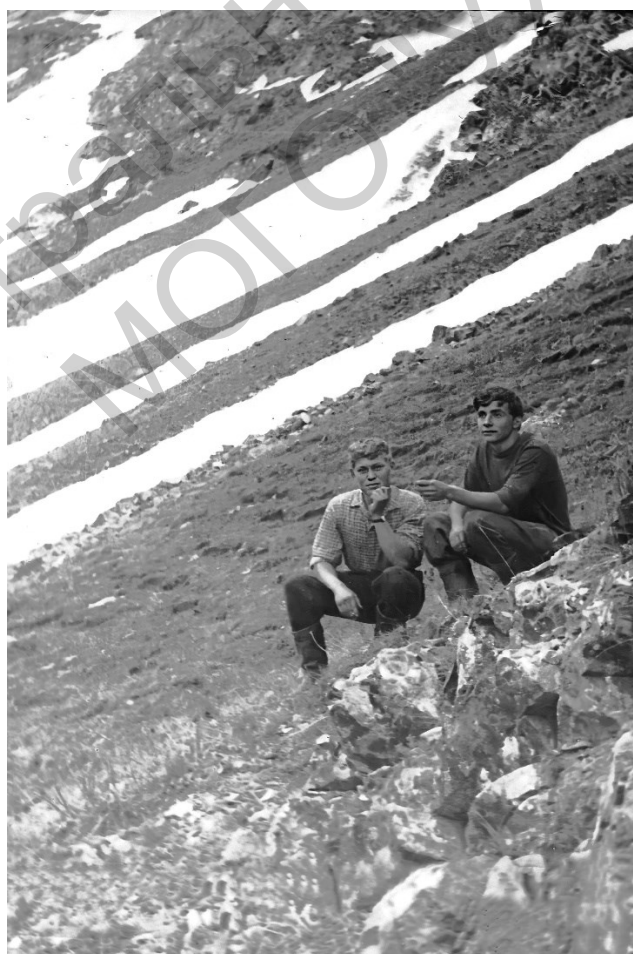
В родной деревне

Страсть к чтению была у Павла с детства

Студент 1 курса Исовского геологоразведочного техникума
в мечтах о будущем, 1964 г.

Студенческая практика, 1968 г., П. Ф. Корюгин – крайний справа

В армии

С армейскими друзьями

Полевые работы, 70-е годы

В сейсмопартии, 80-е годы. П. Ф. Корюгин – верхний ряд, второй слева

Свадьба Павла и Валентины, 10.12.1971 г.

Со старшей дочерью Натальей, 1972 г.

С любимой супругой Валентиной, 1975 г.

С младшей дочерью Ириной, 1977 г.

С супругой Валентиной и внуком Егором, 1995 г.

С внуками Егором и Аней, 2002 г.

Кафедра ГМИС, 2003 г.

Первый ряд слева направо: доцент М. Б. Шмарева, доцент В. И. Корюгина (супруга), доцент Л. М. Паршина; второй ряд: доцент, к.т.н. И. В. Кузьмина, доцент, к.г.-м.н., Н. П. Демченко (дочь), заведующий кафедрой, к.г.-м.н. В. А. Зыков, заведующий лабораториями П. Ф. Корюгин; третий ряд: ведущий инженер И. А. Лихачева, доцент, к.т.н. В. Г. Умняев

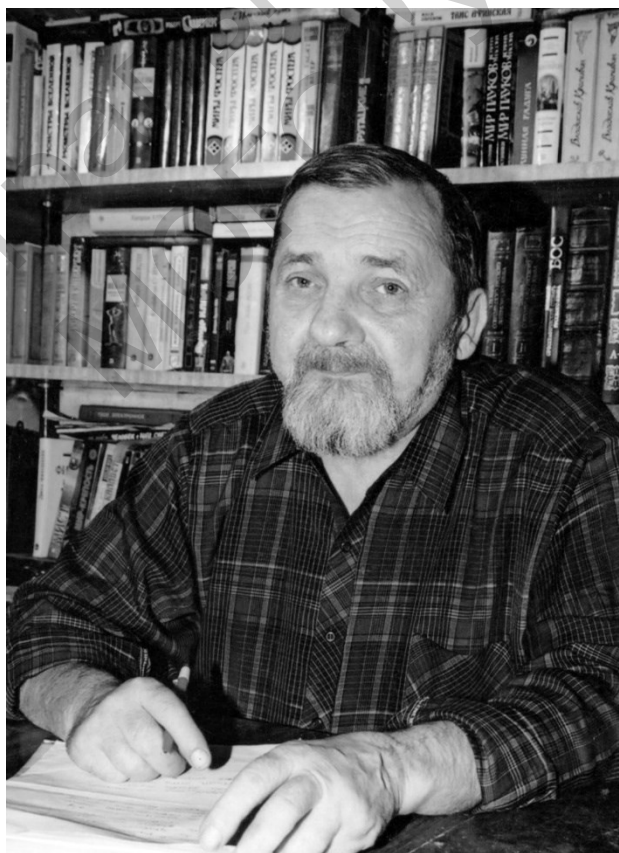

40-летие Лито, г. Ухта, 1995 г.

(фото опубликовано в газете «Красное знамя» № 49, 1995 г.)

17 марта 2005 г. 50-летний юбилей Лито, г. Ухта

Павел Фёдорович Корюгин, 2005 г.

Литературно-художественное издание

Корюгин Павел Фёдорович

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

Стихотворения

Поэмы

Проза

Составители: Н. П. Демченко, В. Т. Фёдоров.

Редактор: А. М. Плякин.

Технические редакторы: К. В. Зелепукина, А. Р. Шигапова.

Оформление обложки: И. П. Бенько.

Подписано в печать 30.04.2023.

Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman.

Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 17,4. Уч.-изд. л. 15,7. Тираж 50 экз. Заказ № 379.

Ухтинский государственный технический университет
169300, Республика Коми, г. Ухта, ул. Первомайская, д. 13.

Группа оперативной полиграфии УГТУ.
169300, Республика Коми, г. Ухта, ул. Первомайская, д. 13.